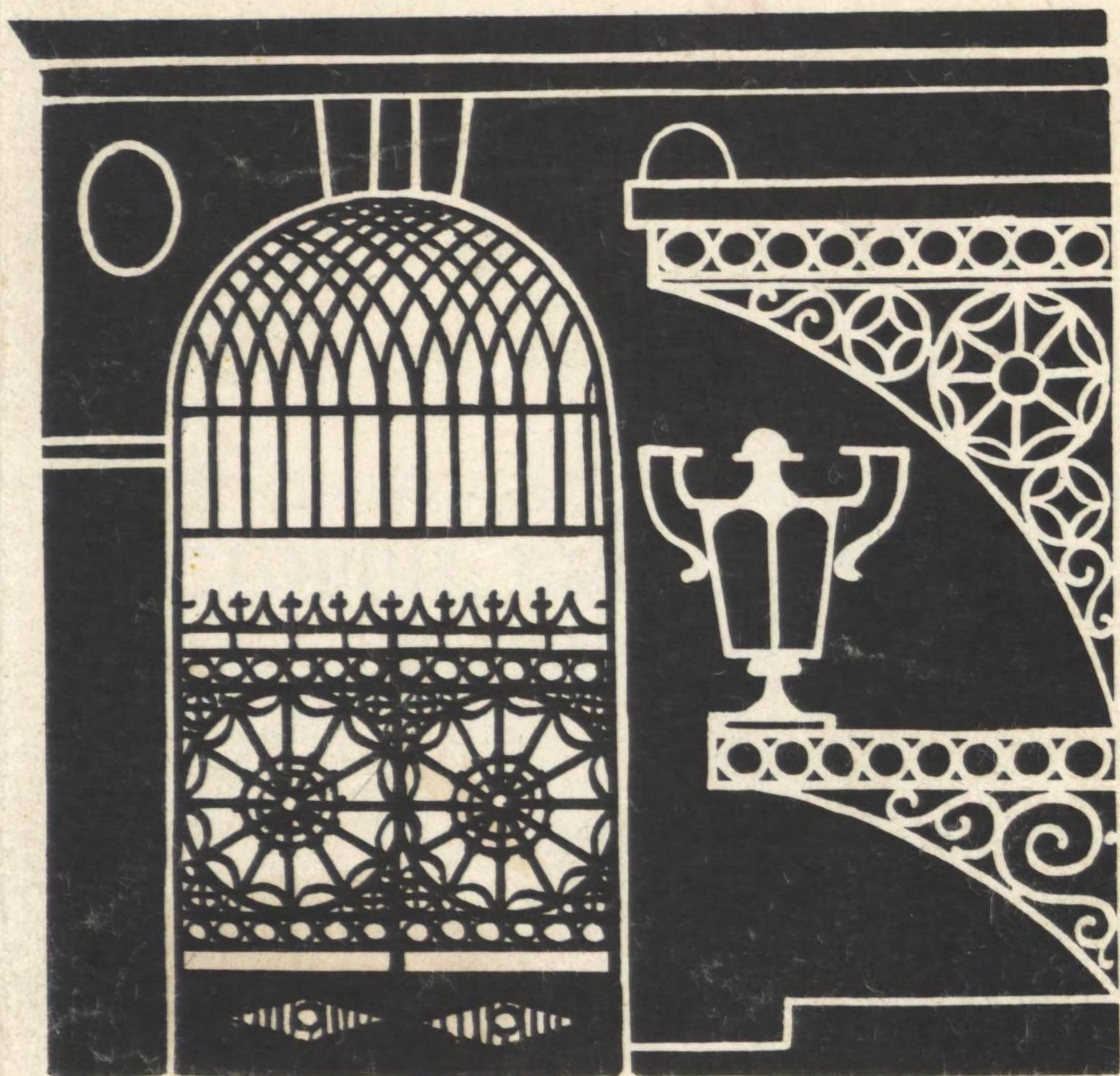




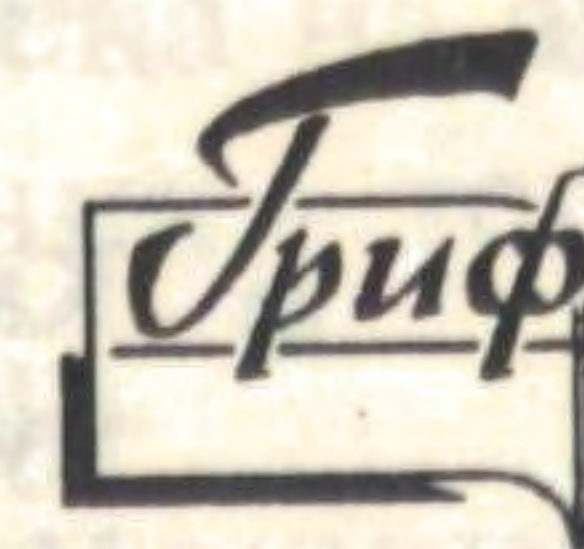
**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**



ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Тезисы докладов VII конференции
17 - 18 апреля 1997 г.

-26277-



КАЛУГА - 1998

Редакционная коллегия: *Марченко Н.В.*, заместитель директора по научной работе Калужского областного краеведческого музея; *Потапова Л.И.*, кандидат исторических наук, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; *Прошкин О.Л.*, заведующий отделом археологии Калужского областного краеведческого музея; *Стрельцов А.Б.*, кандидат биологических наук, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; *Черников А.П.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17 - 18 апреля 1997 г. — Калуга: Издательский педагогический центр "Гриф", 1998. — 224 с.

В сборник вошли доклады краеведов Москвы, Калуги, Брянска, Нижнего Новгорода, Тулы, Смоленска, Обнинска, Тарусы и других городов.

В книге представлены следующие разделы: "Археология", "История", "История культуры", "Природа".

Книга предназначена краоведам и всем, кто интересуется историей родного края.

ББК 26.89.(2Р-344-4 КАЛЖ.)

ISBN 5-89668-017-1

- © Калужский областной краеведческий музей, 1998
- © Издательский педагогический центр "Гриф", оформление, 1998

АРХЕОЛОГИЯ

А.А. ЧУБУР

Мамонты Верхнего Поочья: особенности популяций и связь с палеолитическим человеком

Хоботные - один из важнейших компонентов плейстоценовых териокомплексов и экономики палеолитического населения. В этой связи предпринято изучение мамонта в бассейне верхней Оки. Изучено около 90 зубов ископаемых хоботных из фондов Орловского и Калужского краеведческих музеев. Зубы принадлежат нескольким разновидностям мамонта, кроме того имеется несколько зубов с признаками палеолоксодонтных слонов (средний плейстоцен).

Наиболее древние зубы принадлежат хазарскому мамонту: 6 экз. М3 (последний коренной) с частотой пластин (чп) 5,5 (6) 6,5 на 10 см длины коронки, толщиной эмали 2,4 - 2,5 мм и шириной коронки (шк) 82 (92) 102 мм, а также М2 (предпоследний коренной) с чп 6,75; эмалью 2,13 и шириной коронки 78 мм. Большая толщина эмали позволяет характеризовать условия обитания как оптимальные, связанные с межледниковьями среднего плейстоцена.

Два зуба - М2 и М3 принадлежат тонкоэмалевому подвиду - мамонт Павловой (чп 7,5 и 7, эмаль 1,6 и 1,52, шк 75 и 84 мм соответственно). Относятся они, вероятно, к периоду московского оледенения.

К переходным формам между хазарским и ранним мамонтом удалось отнести 7 зубов: 2 М2 и 5 М3 (из Маслова, Борилова, Лихвина, Троицкого и др.). М2: чп 7 - 7,75; эмаль 1,96 и 1,83; шк 71 и 72 мм. М3: чп 7 (7,5) 8,5; эмаль 1,75 (2) 2,3 и шк 82 (88) 102 мм. Сходная форма мамонта встречена на ашело-мустьерской стоянке Хотылево 1. Время существования - теплое микулинское межледниковье - 116 - 130 тыс. лет назад.

С похолоданием валдай 1 на территории Поочья связаны две формы - типичный ранний мамонт (12 экз.) и тонкоэмалевая

адаптация, упоминаемая как мамонт Фрааса (12 экз.). Типичный ранний мамонт Верхнего Поочья имеет для зубов ранних генераций (M1 - M2) (4 экз.) чп 8 (8,7) 9,5; эмаль 1,4 (1,6) 1,7 и шк 64 (72) 76 мм, а для последней генерации (M3) - чп 7,75 (8,4) 9; эмаль 1,4 (1,55) 1,7 и шк 74 (82) 93 мм. Животное было приспособлено к не очень жестким стадияльным условиям. Мамонт Фрааса заметно отличался по толщине эмали: для M2 (2 экз.) чп 8 - 8,5; эмаль 0,9 - 1 и шк 69 - 70 мм, для M3 - чп 7,5 (8) 8,5; эмаль 0,9 (1,2) 1,3 и шк 80 (85) 96 мм. Этот подвид обитал в Поочье, судя по тонкой режущей эмали, приспособленной для жестких кормов, в период климатического пессимума, около 70 тыс лет назад. Выраженных средневалдайских мамонтов не выявлено.

С наступлением максимума осташковского похолодания (около 19 - 20 тыс. лет назад) распространяется поздний подвид шерстистого мамонта, приспособленный к обитанию в жестких климатических условиях (26 экз.) Зубы ранних генераций (7 экз.) имеют чп 9,5 (10,4) 12, эмаль 0,9 (1) 1,2 и шк 61 (72,6) 83 мм. Зубы M3 имеют чп 9 (9,8) 11, эмаль 1 (1,2) 1,5 и шк 72 (82,4) 108 мм.

Эволюция мамонтов шла по пути увеличения частоты пластин, а в Верхнем Поочье хорошо прослеживается и постепенное сужение ширины коронки (по средним значениям). Учитывая эти факторы, можно считать, что еще один толстоэмалевый подвид знаменует именно финал филетической линии, а не ее интервюрмский (средневалдайский) эпизод. M1: чп 10, эмаль 1,5, шк 63 мм; 3 M3 чп 10 (10,5) 11,25; эмаль 1,56 (1,7) 1,95 и шк 70 (81) 92 мм. Зубы эти сходны с зубами севских мамонтов, изученных и описанных Е.Н.Мащенко (1995).

Наличие значительного числа находок микулинского и ранневалдайского времени говорит о постоянном обитании мамонта в регионе и позволяет надеяться на открытие новых мустьерских памятников в Верхнем Поочье, по аналогии с мустье Верхнего Подесенья (Хотылево, Коршево, Бетово). В среднем валдае популяция мамонта испытала депрессию, а на территории Поочья, возможно, мамонты вымерли. Новая волна распространения мамонтов связана с осташковским похолоданием. Вслед за ними из центральной Европы шли «охотники на мамонта». Однако в бассейне Верхней Оки зубов мамонта, близких к экземп-

лярам из Хотылево-2, Авдеево, пока не выявлено. Надо полагать, что на раннеосташковском этапе Верхнее Поочье оставалось не заселенным как мамонтами, так и охотниками на них. Человек мог распространиться сюда вновь лишь вслед за стадами мамонта не ранее максимума похолодания, около 20 тыс. лет назад.

Анализ относительной численности мамонта показывает, что она снижалась резко, почти до нуля, трижды: в период московского оледенения (это связано с распространением ледникового покрова), во время среднего валдая и на рубеже плейстоценоголоцен, вслед за чем последовало полное вымирание. Наибольшей относительной численности мамонты достигли при поздневалдайском похолодании.

Автор благодарит за помощь в работе, ценные советы и консультации А. Н. Зудина (Новосибирск), С. Д. Краснощекову (Орел) и Б. В. Грудинкина (Калуга).

Б. В. ГРУДИНКИН

Заселение бассейна Верхней Оки в эпоху камня

Сложная геологическая история региона Верхней Оки не могла не отразиться на его освоении людьми древности. Первые насельники появились, по данным, полученным к настоящему времени, в период среднего палеолита - мустье. Этот этап представлен двумя памятниками: в урочище Золотариха под Белевым в Тульской области и близ д. Пучково напротив г. Калуги в Калужской области. Однако материал с этих памятников немногочислен, и эти пункты требуют дополнительных исследований.

Периодически наступавшие ледники вызывали отток населения, а отступление ледника позволяло вновь прийти на эту территорию. При наступлении ледник сильно изменял ландшафт местности, оставляя морены, поворачивал реки. Эпохи межледниковых потеплений позволяли древним племенам селиться в долине Оки, а новый ледник при наступлении перемещивал или уничтожал следы древнейших стоянок. Первым из сформировавшихся и сохранившихся до настоящего времени уступов в долине Оки была третья надпойменная терраса. На ней следы поселений уже могли сохраниться. Этот уступ мог быть заселен сразу после отступления последнего ледника или несколько позже, в

конце палеолита или уже в мезолите. Под большим слоем отложений третьей террасы обнаружены остатки небольших стоянок эпохи верхнего палеолита: Курасово, Пальчиково, Болото - в Тульской области; Гордиково, Ильинское-1, Спас, Калуга, Пучково, Таруса - в Калужской области. Материалы стоянок Чекалин-1 и Чекалин-2 найдены вне слоя, но, вероятно, также залежали под третьей террасой.

С отступлением ледников и общим потеплением климата в бассейн Верхней Оки переселяются охотники на северного оленя. От периода раннего мезолита остались уже более значительные коллекции орудий труда. Собранные они также на третьей террасе, но небольшая глубина залегания отличает эти находки от палеолитических. Другим отличительным признаком является патина. На орудиях мезолита она небольшая и лишь слегка заметна, тогда как на более древних слой патины толстый и сразу бросается в глаза. Этот этап представлен следующими памятниками: Чекалин-3, Чекалин-6, Западное - в Тульской области; Каменка, Слеведовка, Турунинские Дворики-3, Никольское-3, Авчурино-2, Тимошовка, Семеновка - в Калужской области.

С формированием другого уступа второй надпойменной террасы на ней также могли селиться люди конца палеолита-мезолита. По мнению П. И. Кротова, в долине Оки на второй террасе древние люди стали селиться в то время, когда она «выступила из-под уровня весенних разливов» (Кротов, 1881, с.4-5, с.46). Что подразумевает П.И. Кротов под второй террасой, не ясно. На Верхней Оке вторая терраса там, где она сохранилась, не была заселена, вероятно, из-за своих небольших размеров.

Более позднее возникновение первой надпойменной террасы давало возможность заселять ее с мезолита и неолита. В долине Оки основная масса памятников, относящихся к разным археологическим культурам, представлена стоянками мезолита. Десятки памятников этой эпохи обнаружены на первой террасе. На этой же террасе обнаружены следы поселений и средневековья. Часто материалы разных эпох переотложены.

Пойма могла быть заселена лишь при сильном отступлении речных вод и только на отдельных участках. Да и селиться у самой воды люди начали в период интенсивного освоения даров вод и использования рек как транспортных артерий. Это наиболее характерно для эпохи неолита. Памятники неолита Верхней

Оки расположены на песчано-гравийных мысах, примыкающих к высокой пойме. Они были заняты племенами белевской культуры.

Другими участками Оки, на которых селились древние люди, были песчаные дюны, обязанные своим происхождением пресным водам (Поляков, 1882, с. 59-60; Сизов, 1895, с. 123). По утверждению В. А. Городцова, древний человек стал селиться на окских дюнах, когда еще не закончился процесс их движения и формирования (Городцов, 1923/1925, с. 316). Таким образом, заселение древними людьми долины Оки шло по строгой схеме, вписываясь прежде всего в геоморфологию региона. Заселение террас шло в зависимости от хозяйственных нужд людей. В различные периоды каменного века существовал различный хозяйственно-культурный тип, при котором обживались и эксплуатировались определенные участки территории. Выпадение из этой схемы могло быть только в результате сложных катаклизмов и, как правило, связано с большим хронологическим разрывом. Поселения, даже временные, типа охотничьих лагерей, располагались на незатопленных и незаболоченных участках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* 1923/1925. Археология. М. — П., М. — Л.
2. *Кротов П. И.* 1881. К вопросу об относительной древности остатков каменного века на р. Оке // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. X. Вып. 2. Казань.
3. *Поляков И. С.* 1882. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Записки РГО. По отделению этнографии. Т. IX. СПб.
4. *Сизов В. И.* 1895. Содержание реферата г. Городцова: жилища неолитической эпохи в долине р.Оки, в связи с открытиями в окрестностях с. Дубрович // Археологические известия и заметки. № 4.М.

А.С. ФРОЛОВ

О некоторых мезолитических местонахождениях в бассейне Оки

На протяжении всей своей истории хозяйственная и экономическая деятельность человеческих сообществ теснейшим об-

разом взаимосвязана с окружающей природной средой. При изучении этой проблемы необходимо использование самого широкого спектра разнообразных методических подходов в различных отраслях знания.

В данном случае предлагается лишь постановка одного из аспектов проблемы, требующего своего дальнейшего углубленного изучения.

Подавляющее большинство исследованных в Окском бассейне памятников от эпохи раннего железного века до эпохи Древней Руси содержит в своих коллекциях некое число кремневых изделий более раннего времени. В Калужской области такие находки сделаны, например, на Мощинском, Шитовском, Серенском, Маломаховском и многих других городищах и селищах. При этом необходимо осознавать, что часть каменных предметов, обнаруженных при раскопках этих категорий памятников, в силу субъективных причин не попала в их коллекции.

Порой незначительное число кремневых изделий, отсутствие четких типологически выраженных форм не дает достаточных оснований для конкретной датировки и определения культурной принадлежности артефактов. Однако в целом ряде случаев можно с уверенностью отнести серии предметов к мезолитическому времени. Основанием этому служат сырье, типологически выдержанные формы орудий, техника расщепления и вторичной обработки камня и, как дополнение, топография местонахождений.

Находки кремня с исследованных городищ и селищ на территории Калужской, Орловской, Тульской, Московской областей выстраиваются в логическую картину распространения цепи мезолитических стоянок, расположенных вдали от крупных водных артерий. Обычно мысовые участки, занимаемые этой группой памятников, расположены на притоках 2-го - 3-го порядка, врезанных в плато, часто на значительных высотных отметках двух надпойменных террас. Отсутствие наблюдаемого при раскопках, пусть даже незначительного культурного слоя, малое число находок и разнообразия типологических форм позволяет высказать предположение о том, что на этих местах располагались небольшие кратковременные охотничьи лагеря: места остановок, дневок и т. п.

Присутствие мезолитического набора изделий в коллекциях

мысовых поселений, картографирование таких памятников, возможно, укажет на пути движения небольших групп охотников по «путику» в границах ареала обитания. В данном контексте находят свое объяснение многочисленные т. н. местонахождения отдельных предметов в сходных геоморфологических условиях (в том числе и непосредственно в долине р. Оки). Наличие же в коллекциях раннего железного века и средневековья кремневых изделий объясняется лучшей изученностью археологами (раскопки, шурфовка, зачистки) этих участков берегов рек.

Предлагаемая проблема, несомненно, нуждается в дальнейшей аргументации, серьезной проработке уже имеющихся коллекций с памятников Окского бассейна. Изучение ее позволит нам приблизиться к лучшему пониманию хозяйственной деятельности мезолитических охотников лесной зоны, решить вопросы, связанные с палеодемографией, сезонными палеоклиматическими условиями, четче определять границы культурных формирований и проч.

А. Н. СОРОКИН

Стоянка Брагино и ее палинологическая датировка

Стоянка Брагино располагается в Перемышльском районе Калужской области в зоне Калужско-Алексинского каньона на мысу правого берега р. Оки высотой около 25 м. Памятник раскопан автором в 1982 г. на площади 202 кв. м. Находки распределялись равномерно, не образуя заметных скоплений. Коллекция включает 10091 каменный предмет. Культурный слой собственной окраски не имеет. Никаких бытовых деталей в раскопе, кроме небольшого кострища и ямы, принадлежность которых к мезолиту проблематична, не прослежено.

Формы нуклеусов разнообразны, преобладают ядрища призматической и конической форм, но многочисленны и аморфные. Они предназначались для снятия пластин и отщепов. Орудия на пластинах составляют не менее 55% среди морфологически выраженных орудий, что является достаточно высоким процентом для памятников иеневской культуры. Количественно преобладают резцы (34,9 % среди орудий). Доминируют изделия на сломе пластины с узкими кромками, среди которых многочис-

ленны двойные и тройные экземпляры. Выразительными сериями представлены, однако, ретушные и двугранные, а также комбинированные резцы, составляющие в совокупности 33,0 % общего числа. Для них более характерны широкие кромки. Скребок в комплексе 8,9 %, преобладают концевые на пластинах, но многочисленны и концевые на отщепах, их дополняют двойные, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скребачи и с выступом. Имеются два боковых скребла. Все скобели (8,9 %), за единственным исключением, одинарные, выемки дугообразные, как правило, мелкие широкие. Сверла (1,5 %) с невыделенными рабочими концами или реже плечиковые. Комбинированные орудия (2,5 %) представлены по преимуществу модификациями резцов со скребками или ножами. Ножи составляют 5,8 % в комплексе, значительной серией представлены ножи типа федермессер. Выразительны рубящие орудия, составляющие 2,5 % среди орудий, в их числе трапециевидной формы, с перехватом, подовальные, обушковое и несколько аморфных. Одно из тесел имеет следы пришлифовки. Многочисленны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (5,6 %) и косые острия (5,1 %), симметричные острия, напротив, единичны (0,3 %). Наконечники стрел (2,1 %) разнообразны, среди них наконечник типа Лингби, аренсбургские и постаренсбургские наконечники черешковые и с боковой выемкой, а также косолезвийные черешковые и песчноровские наконечники. В виде примеси присутствуют обломок черешка иволистного и черешковый постсвидерский наконечник стрел. Микролиты представлены главным образом высокими асимметричными трапециями (2,6 %), но есть низкая трапеция и ромбовидное острие. Помимо них имеются вкладыши из фрагментированных пластин (5,1 %), отщепы (20,0 %) и пластинки (24,2 %) со следами утилизации. Коллекцию дополняют обломки орудий, резцовые сколы, сколы подправки лезвий орудий и псевдомикрорезцы.

Иеневская принадлежность памятника сомнений не вызывает. Среди датированных памятников аналогами Брагино являются: Ладыжино-3 на Верхней Оке, датированное по пыльце пребореальным временем, и Шильцева Заводь-5 в Мещере, датированная по палинологии в промежутке Dr 3 - Bo 1. В 1990 г. А.Е.Кравцовым в Брагино взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ, причем в нижних двух из подстилающего находки слоя пыли

не содержалось, образцы 3 и 4 относятся к погребенной почве с находками, а верхние пять - к перекрывающему слою. Палинологическая датировка помещает Брагино в начало бореального периода. Тут, однако, следует отметить, что материал памятника, судя по спорово-пыльцевому анализу в месте взятия образца и полевым наблюдениям, переотложен за счет делювиальных процессов, и имеющаяся дата может относиться не ко времени функционирования стоянки, а к моменту консервации переотложенного материала.

В развитии иеневской культуры, по моему мнению, может быть выделено три этапа. Для раннего этапа характерны постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Кроме них присутствуют аренсбургские формы наконечников и острия типа федермессер. В конце периода появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока не известны. Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренсбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. На заключительном третьем этапе алтыновские вкладыши, черешковые и асимметричные постаренсбургские наконечники исчезают, а косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Треугольники присутствуют лишь спорадически и несомненно тяготеют к финалу культуры. Асимметричные наконечники с боковой выемкой, алтыновские вкладыши, косолезвийные наконечники, трапеции и треугольники в иеневской и деснинской культурах образуют единый типологический ряд. Хронологические рамки бытования типов пока не ясны, очевиден лишь тот факт, что асимметричные наконечники с боковой выемкой присутствуют с финального палеолита, а трапеции возникают уже в пребореале. Уменьшение размеров предметов охотничьего вооружения служит проявлением адаптивной реакции на все большее распространение лесов в раннеголоценовое время. Исходя из сказанного, Брагино относится к началу второ-

го этапа иеневской культуры, и должно быть отнесено к пребореальному времени.

В. В. СИДОРОВ

Локальные варианты льяловской культуры

Этнос есть среда сохранения и функционирования культуры как общественного опыта, поэтому культура не может не быть этнической. Археологическая культура выявляется по следам связей современников и поколений, рисуя этнос во времени и пространстве. Этнические связи иерархичны, точно так же иерархичны связи в пределах археологической культуры. Минимальной общностью, проявляемой в археологическом материале, является община. След ее - локальная группа памятников. Локальный вариант - это след племени, группы общин, в пределах которой замыкается большая часть социальных связей современников. Диахронные связи охватывают культуру в целом, показывая ее генетические связи. Субъектом исторического действия остается община в составе племени, поэтому, исследуя этническую историю, мы прослеживаем в первую очередь судьбы локальных вариантов.

Общность, очерчиваемая как льяловская, или как культура ямочно-гребенчатой керамики, простиралась от лесостепи до Ледовитого океана поперек ландшафтно-климатических зон. Большую часть этой области составлял бассейн Пра-Волги, имевшей сток в Белое море, а также бассейн Оки. К ней примыкала контактная зона, видимо, посещаемая льяловцами, но не обжитая ими. Формирование территории льяловской общности относится ко времени освоения человеком Приледниковья. В дальнейшем перестраивались речные бассейны, но территория расселения сохранялась. В состав льяловской общности были включены и некоторые отдаленно родственные группы, ассимилированные ими. Генетически льяловская культура восходит к верхневолжской, которая является ее ранним этапом. В основе верхневолжской лежит мезолит бутовской культуры, и только в бассейне Мологи ранний неолит формируется на основе иной традиции. В целом корни льяловской культуры могут быть возведены к первоначальному населению,

появившемуся здесь в позднеледниковое время.

Локальные варианты формировались по речным бассейнам с обширными озерными системами. Именно озера составляли хозяйственные территории отдельных общин. Степень распознаваемости отдельных локальных вариантов нарастает со временем - происходит дезинтеграция общей этнической культуры на локальные варианты по мере увеличения степени оседлости, возрастания плотности населения, а также установления контактов с неродственными группами. Последний фактор заметен только на поздних этапах на периферии общности. По мере углубления исследований удастся наметить возможность распознавать особенности локальных вариантов на ранних этапах. Так, рязанский локальный вариант узнаваем уже на стадии перехода от верхневолжской к льяловской культуре в конце V тыс. до н.э.

В конце IV тыс. до н.э. выделяются следующие локальные варианты: московско-окский, западно-мещерский, рязанский, восточно-мещерский, балахнинский, дубненский, нерско-нерльский, сахтышский, ниже-клязьминский, языковский, костромской, каргопольский, моложский; возможно - мологосекснинский, велетьминский, приладожский. Вряд ли количество локальных вариантов при дальнейших исследованиях может измениться. Белых пятен, где мог бы скрываться ненайденный локальный вариант, в неолите лесной зоны не осталось. Некоторые из них представлены сериями раскопанных поселений в разных группах, другие единичными, но раскопанными поселениями. Кроме того, намечаются области, где есть стоянки, но нет долговременных поселений. Связано ли это с сезонностью пребывания в этих районах или особенностями хозяйства льяловских племен в этих местах, пока не ясно. К ним относятся стоянки лесостепной зоны - по верхней Оке, Сейму, Дону, Мокше, Цне, Суре, а также таежной зоны Северо-Востока.

Судьбы разных локальных вариантов в начале III тыс. до н.э. складывались по-разному. Западные и северные были вытеснены мигрантами с Валдая, на основе которых сформировалась волосовская культура. Пути миграций и оседание на новых местах некоторых групп прослеживаются вполне надежно. На новых местах сформировались новые локальные вари-

анты. В северной части Онежского озера осели мигранты с Верхней Оки и Москвы, на восточном берегу - с Костромы, в Восточной Карелии - с озер Воже-Лача, западно-мещерские группы частью ушли на Дон, частью - за Урал (андреевская культура на Тоболе). Дольше держалась льяловская культура в окружении волосовской в центральной и восточной Мещере, в Балахнинской низменности и на Оке, сформировалась новая группа на Средней Волге в районе устья Ветлуги. Но и мигрировавшие, и оставшиеся на своих местах локальные варианты к середине III тыс. до н.э. были ассимилированы волосовской культурой и в ее составе вошли как субстрат в число предков финских народов.

А.Н. НЕКЛЮДОВ

Раскопки поселения Льялово-3 на реке Клязьме в 1996 г.

Отдел археологии и краеведения Государственного зеленоградского историко-краеведческого музея продолжил охранные археологические работы на древнейшем в Северо-Западном Подмоскowie многослойном поселении каменного века Льялово-3, расположенном на первой надпойменной террасе старого русла р. Клязьмы, в 0,8 км к ЮЮВ от с. Льялово и в 1,5 км к ЮВ от Льяловской стоянки, давшей название одноименной археологической культуре.

По последним данным, площадь Льялово-3 достигает 1500 кв. м.

На основной площади поселения, в его северо-восточной части был заложен единый раскоп в 60 кв. м. Таким образом, общая площадь археологически исследованной поверхности памятника составляет 232 кв. м. Поверхность большей части раскопа (до 90 %) была ранее нарушена на глубину лопаты, в результате сельхозработ, толщина культурного слоя, состоящего из темно-серой супеси и светло-серого суглинка, варьируется в пределах от 0,43 м в восточной части раскопа до 0,9 м в его северной части.

Археологический материал представлен комплексами находок, характерных для культур эпох мезолита и неолита. Мезолитический комплекс, состоящий из находок концевых скребков,

резцов с ретушированной площадкой скола и вкладышей можно отнести к иеневской археологической культуре. Верхневолжская культура раннего неолита отражена в основном многочисленными фрагментами лепной керамики с накольчатым орнаментом. Однако большую часть всех находок следует отнести к льяловской археологической культуре развитого неолита, его раннему этапу. Это разнообразные виды каменных орудий в виде скребков, резцов, проколов, а также заготовок и обломков рубящих орудий типа тесел и долот.

В северной части раскопа, непосредственно примыкающего к берегу древнего водоема, был обнаружен производственный комплекс, связанный с окончательной доработкой заготовок орудий. Находки представлены, главным образом, изделиями из кремня, а также значительным количеством отходов производства в виде сколов и мельчайших чешуек.

Найденные здесь же мелкие, не более 1 кв. см, девятнадцать фрагментов костей следует увязать с ранее сделанной на-



Каменная конструкция, стоянка Льялово-3, раскоп 1996 г.

ходкой крупных обломков костей медведя, обнаруженных в раскопе 1987 г., в трех метрах к северо-востоку, во влагонасыщенном грунте.

В восточной части раскопа, на контакте культурного слоя с материком, зафиксированы остатки древнего кострища со значительным количеством углей. Найденные поблизости орудия и лепная керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом позволяет увязать данную находку с древними льяловцами. Ко времени существования кострища следует отнести и интересную каменную конструкцию, обнаруженную рядом в южной части раскопа, в непо потревоженном перекопами культурном слое, на глубине 0,6 м от дневной поверхности. Конструкция представляет собой овальную кремневую конкрецию длиной 12 см, преднамеренно поставленную вертикально на основание, представляющее собой массив песчаника, нижняя часть которого имеет следы пришлифовки от округлых предметов (см. рис.).

Анализ места расположения конструкции, а также то, что целенаправленно установленная кремневая конкреция не имеет никаких следов обработки или использования, что для кремневого сырья на данном поселении является нехарактерным, и выявлено впервые, позволяют выдвинуть версию о ритуальном предназначении данной находки.

Ю.Г. ЕКИМОВ

Фатьяновские топоры на правобережье Верхней Оки

Наименее исследованной среди групп фатьяновских племен является окско-деснинская (по Д. А. Крайнову), включающая и правобережье Верхней Оки. При отсутствии здесь иных категорий памятников определенные возможности дает анализ случайных находок фатьяновских топоров, которых в настоящее время насчитывается около 150. В эту группу входят каменные сверленные, кремневые клиновидные и каменные черешковые топоры.

Сверленные топоры (около 80) представлены 11 типами из 15, выделенных Д.А. Крайновым: клиновидные (т.1), молотковидные (т.2), короткообушковые (т.3), среднеобушковые (т.4), длиннообушковые (т.5), втульчатые (т.7), обушковые усеченно-конические (т.8), ромбические усеченные (т.10), ромбические уз-

кообушковые (т.11), длиннолопастные (т.12) и коротколопастные (т.13). Половина из них (типы 1,7,10,13) чаще всего присутствует в фатьяновских комплексах первой четверти II тыс. до н.э. В этой группе значительную часть составляют ранние типы: клиновидные (около 20 %) и коротколопастные (около 14 %) топоры, датируемые концом III - началом II тыс. до н.э. Невелик процент топоров (менее 10 %), характерных только для позднего этапа фатьяновской культуры (типы 2 и 11). Топоры остальных типов датируются в пределах второй четверти II тыс. до н.э., часть из них, скорее, ее началом. По крайней мере, короткообушковые и длиннолопастные топоры (около 20 %) находят параллели и в памятниках среднелепновской культуры первой четверти II тыс. до н.э.

Клиновидные кремневые топоры (более 60) могут быть отнесены к 11 (из 14 по Д.А. Крайнову) типам: трапециевидные и подпрямоугольные, толстообушковые с прямоугольным сечением (т.1-3); прямоугольные узкие, стамесковидные (т.4); трапециевидные и подпрямоугольные, среднеобушковые с прямоугольным сечением (т.5-7); трапециевидные, тонкообушковые с прямоугольным сечением (т.8); разноплановые топоры, тонко- и среднеобушковые с линзовидным сечением (т.10,11); подквадратные, короткие (т.14). Среди них полностью доминируют (почти 70 %) изделия, встреченные в памятниках раннего этапа фатьяновских древностей, ранних балановских комплексах и комплексах среднего этапа среднелепновской культуры (т.1-6). Датировать их, вероятно, следует рубежом III - первой четвертью II тыс. до н.э. К позднему этапу Фатьянова может быть отнесено не более 15 % клиновидных топоров (т. 10,11 и 14). Остальные (т.8) встречены преимущественно в комплексах развитого этапа фатьяновской, балановского этапа балановской и позднего этапа среднелепновской культур.

Двумя экземплярами представлены нехарактерные для фатьяновской культуры каменные черешковые клиновидные топоры. В балановских древностях они встречены вместе с наиболее ранними типами сверленных топоров. Основная территория их распространения - к западу и юго-западу от Верхней Оки, где они датируются рубежом III и II тысячелетий до н.э.

С позиции наибольшей территориальной приуроченности определенных типов топоров в системе древностей Восточной

Европы место верхнеокских находок выглядит следующим образом. Из 23 выделенных здесь типов для остальных групп фатьяновской культуры преобладающими являются не более 8 типов (около 30 % изделий). Для балановской культуры - 11 типов (около 45 % изделий). Наиболее значителен этот показатель для круга культур «шнуровой керамики» и «боевых топоров», расположенных к западу и юго-западу от Верхней Оки - 14 типов (более 60 % изделий). Неравнозначно и хронологическое распределение типов верхнеокских топоров в отмеченных группах: фатьяновская культура - ранние - нет, развитые - 4, поздние - 4; балановская культура - ранние - 4, развитые - 3, поздние - 4; западные культуры - ранние - 9, развитые - 3, поздние - 2.

Таким образом, основная часть топоров правобережья Верхней Оки может быть датирована концом III - первой четвертью II тыс. до н.э. Характер изделий демонстрирует преобладание связей по двум направлениям: с западными культурами «шнуровой керамики» и «боевых топоров» и северо-восточной балановской культурой.

Картографирование топоров правобережья Оки показало, что они сосредоточены в западной, северо-западной и северной частях Окско-Донского междуречья, т. е. - в пограничье лесной и лесостепной зон. Этот факт отражает реальную историческую ситуацию, сложившуюся в этом регионе, поскольку открытие в верховьях Дона в последнее время серии поселений с материалами прото- и раннеабашевского облика, а в среднем течении р. Упы - раннеабашевского могильника дает право говорить о существовании здесь своеобразного водораздела между культурами «шнурового» мира и ранними индоиранцами.

О.Л. ПРОШКИН

Городище-1 у д. Маламахово: результаты археологического изучения

Городище находится в 0,3 км к юго-западу от д. Маламахово Боровского района Калужской области (см. рис.). Занимает мыс левого берега р. Исьмы. Площадь памятника - около 450 кв. м. Высота над урезом воды в реке - 19,5 - 22 м. С напольной восточной стороны площадка защищена двумя валами высотой 1 - 1,8 м и рвами глубиной 1 - 1,5 м. По южному краю площадки проходит 3-й вал



А - месторасположение памятника в бассейне Верхней Оки, 1 - городище; 1 - 6 - находки раннего периода;

7 - 10 - находки позднего периода:

1 - фрагмент литейной формочки, 2 - обломок грузика, 3 - фрагмент ножа, 4 - бусина глиняная, 5 - пряслице, 6 - фрагменты зеленостеклянной с белыми разводами бусины; 7 - привеска-бубенчик, 8 - височное кольцо, 9 - замок типа Е, 10 - нож.

высотой до 1,1 м и длиной до 25 м. Хозяйственное освоение территории, где находится поселение, началось в эпоху раннего железного века. Здесь известно 10 памятников археологии и несколько местонахождений разных эпох. Самые древние из них относятся к мезолиту.

Изучение городища-1 началось с 1988 г. К настоящему времени там исследовано 214 кв. м площади памятника. Культурный слой имел мощность от 8 см до 1,6 м в заполнении ям. В результате раскопок обнаружено чуть более 4000 фрагментов лепной и около 8000 фрагментов гончарной посуды, 54 индивидуальные

находки, около 700 костей и зубов животных. Открыты остатки построек, печей и очагов, внутривальных конструкций и многое другое. Городище датируется двумя периодами: ранним (ранний железный век) и поздним (Древняя Русь).

К раннему периоду следует отнести находки глиняной и зеленостеклянной с белыми разводами бусин, глиняной литейной формочки, пряслиц различных форм, фрагментов железных ножей близких серповидной форме, обломков глиняных грузиков «дьякова типа», каменных оселков и других предметов. Лепная керамика по технологии обработки поверхности делится на груболепную и лощеную. Численно преобладает груболепная (части горшков и горшковидных сосудов, миниатюрных сосудиков и мисок).

По местам скопления столбовых ям, наличию остатков очагов, наибольшей концентрации находок, как индивидуальных, так и лепной керамики, можно предположить о существовании 4 - 5 построек. Три из них, вероятно, были жилыми (остатки очагов). Одна из построек неясного назначения была углублена в материк до 1 м. Все они синхронны по времени. Наземные постройки-жилища располагались в южной и юго-западной частях площадки, на очень близком расстоянии друг от друга. Углубленная - в восточной части, у внутреннего вала. Пространство между ними площадью около 70 кв. м было свободным и использовалось, вероятно, в качестве двора. Расположение построек у единого двора и защищенных единой оборонительной системой наводит на мысль о том, что этот поселок в первой половине I тыс. н. э. мог быть патриархальной семьей. Последняя, в свою очередь, могла являться частью патриархальной большесемейной общины, которой принадлежали поселения в ближайших окрестностях, содержавшие находки этого же времени (городище-2, селища-2, 3 у д. Маламахово).

Разрез большого внутреннего вала позволил сделать заключение о его возведении одновременно с деревянной стеной в ранний период жизни на городище. О его функционировании в эпоху Древней Руси никаких данных нет.

К позднему, т. е. древнерусскому, периоду жизни относится большинство находок: бронзовые привеска-бубенчик, перстнеобразное височное колечко, ковшик, железные ножи, замок типа Е, ве-дерная дужка, глиняные пряслица, каменные оселки и другие.

Основную массу находок составляют фрагменты гончарных сосудов (горшки, горшковидные сосуды, крышки, миски, ручной мойник). На 8 фрагментах донцев сохранялись изображения клейм (знаки свастики, круги и др.). Поздний этап жизни на поселении датируется концом XII - XIV вв. Именно к этому времени относится большинство находок.

Планировка на поселении в это время сильно отличалась от планировки позднелазовского периода. Найдены остатки двух наземных разновременных жилых построек (вероятно, срубов), нескольких ям, открытой (?) печи-каменки и очага. В жилищах найдены развалы печи-каменки и глинобитной печи. Основываясь на стратиграфических и других наблюдениях, можно полагать, что временной разрыв между функционированием обоих жилищ был невелик. Следует отметить, что их сближает одна конструктивная деталь - наличие глиняных пересыпок в их основаниях. В целом, в XIII-XVI вв. поселение представляло собой однодворную усадьбу с жилой и хозяйственными постройками, огражденную забором или частоколом. Усадьба занимала всю площадку бывшего городища и небольшой участок за его валами (около 700 кв. м.) - селище. Найденная там гончарная керамика аналогична городищенской. Оборонительные сооружения с напольной стороны площадки (валы и рвы) в этот период не функционировали, т. е. поселение в таком случае было «открытым» (селище).

Судя по находкам и остаткам сооружений, жители его не обладали высоким социальным статусом и скорее всего принадлежали к среде сельского населения, основная часть которого состояла из крестьян-общинников. Большинство исследователей обоснованно считают, что поселения крестьян-общинников в эпоху феодальной раздробленности Руси названы в письменных источниках как «веси» [1; с.97; 2, с.31 и др.]. Впервые этот термин встречается на страницах летописей в 1221 г. в связи с усобицами в Юго-Западной Руси [3, ст.739].

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. Город, замок, село. Древняя Русь. М., 1935.
2. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII - XV вв.) // МИА, № 92, 1960.
3. ПСРЛ. Том 2. М., 1962.

И.В. БОЛДИН**Курганная керамика Серенска**

Термин «курганная керамика» или «керамика курганного типа» введен в научный оборот М.Г. Рабиновичем для обозначения одного из типов глиняной гончарной посуды домонгольского времени, найденной при раскопках подмосковных курганов и других археологических памятников сопредельной территории [1, с. 65]. Термин утвердился в научной литературе и стал обозначать домонгольскую посуду, встречающуюся на обширной территории: центральной России [2, с. 123-125], на Украине [3, с. 11-12, 4], в Белоруссии [5, с. 214-215], в Новгородских землях [6, с. 123-125]. Среди исследователей, занимающихся проблемами домонгольской посуды, в настоящее время нет единого мнения о времени бытования, технологии производства, орнаментации, профилировке верхней части курганной посуды. Термин «курганная керамика» в данном случае распространяется на гончарные круговые горшки с характерным оформлением верхней части сосуда: венчик отогнут от линии шейки, с внутренней стороны валик.

Первое упоминание о Серенске относится к 1147 г.: Святослав Ольгович, возвращаясь из владений Юрия Владимировича, «ста у Сереньска» [7, с. 39]. В 1231 г. Серенск был сожжен Ярославом Всеволодовичем [8, с. 102-103].

В 1965 г. на городище у д. Серенск были начаты археологические раскопки под руководством Т.Н. Никольской. В ходе работ (1965-1967, 1969, 1975, 1982-1984 - Т.Н. Никольская, 1986-1988 - Т.М. Хохлова) собран богатейший материал. По мнению Т.Н. Никольской, древнерусское поселение возникло здесь в середине XI в., а наибольший расцвет города приходится на вторую половину XII - первую половину XIII вв. [9].

Курганная посуда более всего представлена в коллекции фрагментов круговых сосудов городища - 38 % от фрагментов венчиков всех (более 2-х тыс.) круговых горшков Серенска и характеризует наиболее развитый этап существования города - XII-XIII вв. - Курганная керамика подобных форм одновременно является самой массовой находкой на близлежащих памятниках XII-XIII вв. - селищах, городищах, курганах. Однако керамика Серенска резко отличается по технологическим особенностям от посуды прилегающей местности. Для последней характерны применение в каче-

стве основного сырья ожелезненных глин с добавкой, как правило, крупной дресвы, слабый, неравномерный обжиг, поверхность со следами окислительно-восстановительной среды при обжиге, непрокаленный излом, рыхлое тесто. Керамика Серенска, напротив, отличается качеством: более половины фрагментов - из светложгущихся глин с добавлением мелкозернистого песка или без видимых добавок (дресва отмечена лишь у 10 % венчиков горшков курганного типа). Обжиг, в основном, качественный, изделия хорошо прокалены.

Древнерусский Серенск был крупным городским центром, связанным с южнорусскими городами. Относительно крупный город требовал значительного количества ремесленной продукции, в том числе и керамической, что отразилось, в частности, в использовании больших по размеру и более качественных обжигающих устройств по сравнению с встречающимися в небольших поселениях. Устройство горнов - объем, высокая температура обжига, рациональное использование топлива - позволяли применять глины с температурой спекания 700 - 900 градусов: светложгущиеся с примесью мелкозернистого песка или без видимых примесей [10, с. 7], что значительно снизило долю ожелезненных глин с температурой спекания 500 - 600 градусов.

В то же время использование светложгущихся глин с мелкозернистыми отошающими примесями характерно для южнорусских поселений, в том числе Среднего Поднепровья [12, с. 415; 13, с. 93-94; 3, с. 12] и южной части Верхнего Поочья [14, с. 195-196]. Связь Серенского городища с Киевом прослежена по находкам литейных формочек и предметов мелкой пластики [15, с. 5-9; 16, с. 45-46].

Курганная керамика Серенска XII-XIII вв. является показателем более развитой технологии производства гончарных изделий, характерной для крупного керамического производства, испытывавшей влияние городских центров южной Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенфельдт Р.Л. Керамическое производство Москвы в XII-XVII вв. Диссертация. 1962 // Архив ИА РАН. 1860.
2. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА, 49. М., 1955.
3. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев, 1987.
4. Петрашенко В.А. Керамика IX-XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М., 1992.

5. **Рыер Я.Р.** Вясковае паселишча у г. Чавусы //Гістарычна-археалагічны зборнік № 3. Мінск, 1994.
6. **Смирнова Г.П.** Опыт классификации керамики древнего Новгорода //МИА, № 55, 1956.
7. ПСРЛ. Т.7. СПб., 1856.
8. ПСРЛ. Т.10. СПб., 1885.
9. **Никольская Т.Н.** Отчет о раскопках у д. Серенск. 1965 г. //Архив ИА, Р-1, № 3132.
10. **Розенфельдт Р.Л.** Московское керамическое производство XII-XVIII вв. //САИ. Е1-39. М., 1968.
11. **Рабинович М.Г.** Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971.
12. **Каргер М.К.** Древний Киев. М.-Л., 1958.
13. **Калюк О.П.** До вивчення київського керамічного виробництва // Слов'яни і Русь. Чернігов, 1993.
14. **Никольская Т.Н.** Древнерусское селище Лебедка //СА. 1957, 3.
15. **Пуцко В.Г., Хохлова Т.М.** Средневековая пластика из Калужского края //Очерки по истории Калужского края. Калуга, 1996.
16. **Хохлова Т.М.** О литейных формочках Серенского городища // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1991.

В.П. ЧЕЛЯПОВ, В.В. СУДАКОВ

О локализации летописной Нузлы (Онузы)

В последние годы в связи с широкими археологическими исследованиями на Оке и в Окско-Донском междуречье появилась реальная возможность решить ряд вопросов исторической географии, связанных с отождествлением тех или иных археологических памятников с древнерусскими населёнными пунктами Рязанского княжества, упомянутыми в письменных источниках.

Долгое время исследователей интересует местонахождение Нузлы (Онузы), упомянутой в русских летописях при описании нашествия татаро-монголов в 1237 г. на Русь. Этот вопрос неоднократно поднимался исследователями, но до сих пор он не решен.

Известия русских летописей о местонахождении Нузлы (Онузы) скупы. Так, Новгородская 1 летопись сообщает, что в лето 1237 г. «придоша иноплемьеници, глаголемии татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и стаха о Нузле, и взяша ю, и стаха станомъ ту». Этот пункт на границе Рязанского княжества в разных источниках имеет различное наименование: по Новгородской 1 летописи

это «Нузля» («Нухля»), В.Н. Татищев называют его «Узля», ряд летописей — «Онуза» («Онозе»). Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, Н.И. Надеждин и др. считали, что Онуза — это река, И.И. Дубасов, У.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, А.Г. Кузьмин связывают данный топоним с городом. Подтверждает это мнение и фраза из летописи «и взяша ю».

Одним из перспективных районов поиска летописного города считаются верховья р. Воронеж. Однако в ходе обследования в 1890 г. П. Дьяконовым места слияния рек Лесной и Польного Воронежа, в 1991-1992 гг. Б.А. Фоломеевым среднего течения р. Польной Воронеж, в 1993 г. Тамбовской археологической экспедицией (рук. Н.Б. Моисеев) р. Челновой и ее притоков Узовка и Вязовка домонгольских памятников там не выявлено.

Для определения местонахождения Нузлы (Онузы) важно определить место остановки татаро-монголов осенью 1237 г. у границ Рязанского княжества, а также путь движения рязанской рати навстречу им. Хотя сведения письменных источников очень близки, для нас важно уточнение Лаврентьевской летописи о том, что татаро-монголы подошли к рубежам княжества «от восточныя страны ... лесом». Рязанцы же шли навстречу татаро-монголам не на восток, а на Воронеж, т. е. на юг. Это было связано с тем, что район к востоку от р. Прони покрывали непроходимые леса, которые в XVI веке были использованы для сооружения Засечной черты. В свою очередь татаро-монголы после разрушения Нузлы (Онузы) и отказа рязанцев выплатить дань также двинулись на Воронеж. Новгородская 1 летопись об этом сообщает, что князя «не впуская к граду выехаша противу им на Воронеж... оттоле пустиша от Нухли татары в Ворожажи». Все это однозначно свидетельствует о том, что Нузлу (Онузу) следует искать не на юге, в районе р. Воронеж, а на восточных рубежах Рязанского княжества.

Восточная граница Рязанского княжества во 2-й четверти XIII в. проходила в районе р. Цны (Монгайт А.Л., 1961; Колчин Б.А., Куза А.В., 1985). Археологические работы последних лет показали, что домонгольские памятники сконцентрированы на р. Цне только в ее нижнем течении. Они образуют некий анклав славянских памятников, отделенный от основного ядра княжества значительным пространством. Здесь же было обследовано интересное городище, расположенное на левом берегу р. Цны у с. Темгенево. Оно известно в литературе с конца XIX в. (Проскурников А.В., Розанов М.Г., 1980;

Монгайт А.Л., 1961), но подробных исследований на нем не проводилось. В результате проведенных в 1986 г. работ городище и окружающая местность были тщательно изучены (Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1988).

Памятник находится в 0,8 км к северу от села, занимая мыс левого берега р. Цны (лев. приток р. Мокши) при впадении в ее долину оврага Гавриловский. Площадка имеет подтреугольную форму размером 240 x 175 м и возвышается над уровнем воды в реке на 20 - 25 м. От напольной стороны отделена валом длиной 240 м и высотой 5 м и рвом глубиной до 2 м. Концы вала загнуты внутрь площадки, между ними и берегом оставлены площадки для прохода на городище. Мысовая часть городища отделена от площадки валом длиной около 85 м и рвом глубиной до 1 м, образующими детинец размером 70 x 70 м. Культурный слой с включениями угля, золы, глины и известняка достигает мощности 0,6 м. Найдена гончарная древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментами, встречены днища с клеймами, железные предметы, в том числе пружина от цилиндрического замка. К городищу примыкают 3 селища, образующие посад. Общая площадь посада достигает 10 га. В культурном слое мощностью 0,5 - 1 м найдена домонгольская керамика, днища с каймами, железные шлаки, жернов из ракушечника и т.п. Таким образом, данный памятник представляет собой крупное поселение городского типа со сложной системой оборонительных укреплений. Скорее всего именно здесь располагался главный форпост на восточной границе Рязанского княжества.

Анализ письменных источников и результатов археологических исследований позволяет локализовать летописную Нузлу (Онузу) на р. Цне и связать ее с Темгеновским городищем.

Г.П. ПОЛЯКОВ

Летописный Облов

1. По мнению ряда исследователей, Облов (Обловь, Блове, Блеве) впервые упоминается в Уставной грамоте князя Ростислава Смоленского [1] в перечне волостных центров, плативших смоленскому епископу десятину от даней, поступающих князю, и датируемой мартом - маем 1136 г. [2]. Из источника следует, что «во Оболви» собиралась только «гостинная дань», размер которой нельзя было точно зафиксировать. «Гостинная дань» в Смоленс-

кой земле, кроме «Оболви», собиралось только в Пацыни, что явно указывает на пограничное положение обоих волостных центров. Поскольку данный пункт упомянут в конце Уставной грамоты, то П.В. Голубовский относил его к поселениям с колеблющимися доходами, учесть которые заранее невозможно [3].

2. В 1147 г. он упомянут в Ипатьевской летописи как Блеве (Блове) при описании второго этапа войны в Чернигово-Северской земле в перечне пунктов, откуда при приближении войск Святослава Ольговича Новгород-Северского бежали посадники черниговских князей Давыдовичей [4]. Наличие посадника в Облове свидетельствует о нерядовом характере этого поселения, что в археологическом отношении определенно подразумевает укрепленное поселение - городище.

В очередной раз Облов упомянут также в Ипатьевской летописи под 1159 г.: «Изяславъ же съ княгинею поиде из Гомья к Вятичемъ и взя городъ княгининъ на щит Святославлее, и оттуда иде оу Вятиче и зая вси Вятиче... Святослав же оуведав оже Обловъ взята и Вятичи зяяти и нача искати товара» [5].

Из данного фрагмента следует, что Облов являлся владельческим поселением городского типа, принадлежавшим, по-видимому, жене Святослава Ольговича¹ княгине Марии², и располагался за пределами земли вятичей. Отметим следующее: сообщения летописей о том, что древнерусские княгини владели городами не единичны, но достаточно редки [6].

3. Упоминание интересующего нас пункта среди смоленских волостных центров в Уставной грамоте 1136 г., черниговских «градов» в 1147 г., а также как «города княгини Святослава» в 1159 г. породило определенное недоумение среди исследователей: 1) в вопросе его принадлежности к Смоленской или Чернигово-Северской землям; 2) в отношении его социального статуса. Первое противоречие А.Н. Насонов попытался разрешить, предположив, что Облов как пункт, расположенный на границе Смо-

¹ Никольская Т.Н. Земля Вятичей. М.: Наука, 1981. С. 77; По А.Н. Насонову и М.Б. Свердлову Облов принадлежал жене Святослава Владимировича - см. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 221; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983.

² Святослав женился в 1136 г. в Новгороде на дочери новгородского посадника - см. ПСРЛ. Т. II.

ленского и Черниговского княжеств мог одновременно эксплуатироваться обоими княжествами [6]. По второму пункту исследователи, как правило, считают Облов городом.

Заметим по этому поводу, что предположение А.Н. Насонова маловероятно, т.к. аналоги двойной «эксплуатации» в летописных источниках домонгольской Руси не прослеживаются, а под термином летописей «град» скрываются не только города в полном смысле этого слова, но и поселения более низкого ранга [7].

4. По мнению лингвистов, прослеживается несомненная связь названия интересующего нас топонима с гидронимом «Болва». По мнению В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева и С. Роспанда, данный гидроним балтийского происхождения [8]. Другая возможность объяснения названия дана В.П. Нерознаком, в случае, если исходной формой следует считать вариант «Облов». Это слово сохраняется в качестве апеллятива в древнерусском «обловитися», т. е. «наловить» [9]. В русских говорах «облов», «обловля» обозначает «воровскую охоту или ловлю», «улов», «добычу», «удачливого ловца - рыбака, охотника» [10]. Форма «Блове» могла возникнуть в результате искажения переписчиком фразы «в Облове» на «во Блове».

5. Первые попытки локализовать Облов были безуспешными: Н.М. Карамзин, И.С. Арцыбашев и К. А. Невалин относили его к местам неизвестным. Однако уже И. С. Арцыбашев указал на р. Болву, у с. Оболова (Оболовка) в верховье р. Болвы (левый приток Десны). В историографии XIX в. известны также попытки отождествить Облов с г. Белев [11].

6. В археологическом отношении древнерусский Облов традиционно связывали с городищем, открытым Н.И. Булычевым в конце XIX в. и находящимся на правом берегу р. Болвы, в 0,6 км к югу от с. Оболовка. Но в ходе его обследования в 1970 - 80-е годы было установлено, что данный памятник относится к раннему железному веку и не может быть сопоставлен с домонгольским летописным центром [12]. А.С. Фроловым недавно был предложен вариант локализации древнего Облова на селище XI - XIII вв., расположенном на месте современного с. Погост Людиновского района Калужской области [13]. Автор подтверждает свою гипотезу тремя весомыми аргументами: обширностью памятника (самый крупный древнерусский в верхнем течении Болвы), мощностью культурного слоя (0,8 м) и отсутствием укреплений на

такой категории населенных пунктов как погосты [14], к которым он относит и Облов (с. Погост). Впрочем, данный вариант локализации Облова на неукрепленном селище вступает в противоречие с летописными сообщениями 1147 и 1159 гг., где однозначно речь идет об укрепленном поселении - городище.

7. Разрешить сложившееся противоречие в вопросе археологической локализации Облова, по нашему мнению, можно следующим образом: признать, что источники - Уставная грамота и летописи сообщают о двух разных пунктах. Речь идет о волостном центре (погосте?) Облове Смоленского княжества и Облове - владельческом поселении, принадлежавшем княгине - жене князя Святослава и расположенном в Чернигово-Северской земле. Первый пункт, как и одноименная волость, располагался в верховьях Болвы на границе с Черниговскими землями. Вполне вероятно, что он не имел укреплений и, по всей видимости, располагался на селище в с. Погост Людиновского района. Второй пункт следует искать среди древнерусских городищ, расположенных в бассейне р. Болвы.

8. Единственным известным здесь к настоящему времени укрепленным поселением домонгольского периода является археологический комплекс в пос. Любохна Дятьковского района Брянской области. Городище было впервые обнаружено в 1995 г. Д.А. Карповым [15]. Памятник расположен на правом берегу р. Болвы в устье речки Щученки. Городище полуовальной формы с валом высотой до 2,5 м. Его площадь достигает 0,7 га, а подъемный материал, собранный на площадке, датируется XII - XIII вв. К городищу примыкает одновременно существовавшее с ним селище площадью свыше 2 га. При обследовании памятника были зафиксированы четкие следы рва, отсекавшего селище с напольной стороны. На расстоянии 1,5 - 3 км выше и ниже по течению р. Болвы расположены, по меньшей мере, еще два древнерусских селища [16]. Таким образом, археологический комплекс в пос. Любохна, вне сомнения, является остатками поселения городского типа - замка или малого города. Единственным центром такого ранга в бассейне Болвы, известным по письменным источникам, является летописный Обловь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.
2. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 50-51, 137.

3. **Голубовский П.В.** История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 54.
4. ПСРЛ. Т. II. М., 1962, стб. 342.
5. Там же, стб. 502.
6. **Насонов А.Н.** Указ. соч. С. 221.
7. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 44.
8. **Топоров В.Н., Трубачев О.Н.** Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 177; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 69, 74.
9. **Нерознак В.П.** Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 21.
10. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. III. С. 609.
11. **Зайцев А.К.** Черниговское княжество X-XIII вв. Диссертация. М., 1976. С. 225.
12. **Фролов А.С.** К вопросу о месте локализации летописного Блове // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1993. Вып. 1. С. 12.
13. Там же.
14. История крестьянства в Европе эпохи феодализма. М., Наука, 1985. Т. 1. С. 325-326.
15. **Карпов Д.А.** Итоги предварительной археологической разведки бассейна р. Болвы в пределах Дятьковского района Брянской области // Деснинские древности. Брянск, 1995. С. 95-96.
16. Устное сообщение Д.А. Карпова по итогам разведок сезона 1996 г.

В. Н. ГУРЬЯНОВ, В. В. МИНЕНКО

К вопросу об экономике полесского села

По материалам раскопок поселения Ворча

Результаты работ последних лет на древнерусских селищах Поднепровья (Моця А.П. и др.) позволяют пересмотреть традиционную точку зрения на экономику древнерусского села и поставить вопрос о правомерности рассмотрения его как типового и среднестатистического (Готун И. А., 1995). Среди изученных селищ выделяются земледельческие, промысловые и специализированные ремесленные поселения. Специфика организации сельской экономики во многом зависела от природных условий расположения. На Полесье, природно-климатические условия которого (зона рискованного земледелия) не гарантировали прожиточного минимума при занятиях традиционными

видами сельского хозяйства (земледелие, скотоводство), даже в период позднего средневековья население вынуждено было искать другие источники существования, вплоть до отлова и дрессировки медведей (с. Ропск - Коваленко В. П., 1992). Важной особенностью полесских сел было обусловленное этим развитие различных ремесел и промыслов (Моця А. П., Готун И. А., Коваленко В. П., 1995). Это прослеживается и на результатах раскопок поселения Ворча на р. Десне в Жуковском районе Брянской области.

Интересным представляется уже само расположение поселения на стыке нескольких природно-географических зон (правый берег крупной транспортной артерии древнерусского времени р. Десны и острие Клетнянского полесья, узким языком выходящего к Десне). Северной границей этого «языка» является р. Белизна (устье которой находится в 5 км к северу от поселения), отделяющая полесье от Верхнедеснинско-Рославльского предполесья; в 6 км южнее проходит граница полесья с Брянским ополем, в 15 км по прямой вниз по Десне располагался город Вщиж - столица одного из удельных княжеств. На левом берегу Десны начинаются ландшафты типа полесья, входящие в Жиздринский аллювиально-зандровый район. В политическом плане поселение находилось на Чернигово-Смоленском пограничье, которое документируется наличием гидронима и топонима с основой «столб» - р. Столбьянка и д. Столбы (Макушников О. А., 1993; Метельский А. А., 1994).

Поселение датируется XI-XIII вв. (при незначительном присутствии материалов эпохи бронзы и позднего средневековья). Его исследование начато авторами в 1995 г. (Гурьянов В. Н. 1996). Всего вскрыто 320 кв. м.

О занятиях жителей поселения земледелием свидетельствует наличие постройки, предназначенной для просушки снопов хлеба - шиша. Она обнаружена на юго-западной окраине поселения, неподалеку от русла ручья. Конструкция типична для подобных объектов - яма неправильно-овальной в плане формы (размеры 1,8 x 2,4 м), заглубленная в материк на 0,8 м с шестью столбовыми ямами (диаметром до 0,3 м, глубиной 0,35 м) в противоположных концах постройки (по три в каждой стороне). Материковое дно слегка выпуклое, сильно прокалено. В заполнении встре-

чена круговая керамика XII-XIII вв., фрагменты стеклянных браслетов. О наличии животноводства свидетельствуют кости крупного рогатого скота.

Достаточно широкое распространение получили также занятия лесохимическим промыслом и металлургическим производством. Это подтверждается наличием построек соответствующего назначения.

Зафиксированная в прибрежной части яма-дегтярня конструктивно состояла из двух частей - верхней, усеченно-конической формы (диаметр 2,5 м) и нижней, «подъямника» цилиндрической формы (диаметр 0,5 м), общей глубиной 2 м от уровня материка. В заполнении ямы - темно-серый слой супеси с примесью углей, пачины, куски обгорелой бересты, фрагменты круговой посуды XII - начала XIII вв., железные ножи, применявшиеся для снятия коры. Стенки ямы прокалены и пропитаны органикой темно-коричневого цвета. К юго-западу от дегтярни располагался заглубленный в материк котлован постройки, связанной с железоделательным производством. Остатки металлургического глинобитного горна шахтного типа зафиксированы в материковой нише в восточной стенке постройки. Сохранившееся основание имеет овальную форму размерами 1,6 x 1 м, высотой от материка 0,3-0,6 м. Конструкция состоит из скопления кусков обожженной глины с примесью камней. В заполнении горна встречены угли, фрагмент кричного железа, керамика XII-XIII вв. С запада примыкает предгорновая яма овальной в плане формы размерами 2 x 1,1 м, глубиной 0,7 м для выпуска шлаков и расположения мехов. Защитой от непогоды служил, вероятно, навес, от которого сохранились столбовые ямки по обе стороны предгорновой ямы (Миненко В. В., 1997).

Помимо вышеперечисленных промыслов, были распространены прядение и ткачество (обнаружено 11 шиферных пряслиц; железная игла); рыболовство представлено фрагментом овального глиняного грузила, двумя железными рыболовными крючками. Украшения и предметы христианского культа - фрагменты стеклянных браслетов и перстня, бусины, бронзовые поясная пряжка, перстень, браслет, пуговица, крестовидные привески, крест-тельник с серебряной инкрустацией свидетельствуют о хорошо налаженных связях с городскими центрами. Наличие двух

дужек от цилиндрических замков типа «В» говорит о развитии частной собственности.

Набор представленных на поселении отраслей хозяйства совпадает с выявленным в ходе исследования эталонного на сегодняшний день древнерусского поселения Автунчи в Полесье на Черниговщине. Клетнянское полесье, на острие которого находится поселение Ворча, в X - XI вв. было заселено и освоено радимичами (Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., 1994), которым была присуща определенная приверженность к традиционным способам ведения хозяйства, а именно к подсечному земледелию (наиболее приспособленному к условиям полесья), сохранившемуся даже в условиях большого разнообразия природно-географических зон.

Т.М. ХОХЛОВА, Р.А. НИГМАТУЛИН

Раскопки на селище Воротыньск - 9

Летом 1996 г. Деснинской экспедицией были произведены раскопки на селище Воротыньск - 9. Рядом со строящейся дорогой был разбит ориентированный по сторонам света раскоп (в юго-западной части селища) размером 28 м по линии ЗВ и 12 м по линии СЮ. Общая площадь раскопа 336 кв. м при мощности слоя 20 - 52 см, а в заполнении ям до 78 см от современной дневной поверхности.

Культурный слой селища, за исключением нижних пластов и ям, поврежден распашкой. Он состоит из серого суглинка. На квадратах 68, 76 и 84, где понижается материк, под основным слоем залегают 2 прослойки: черный суглинок с органикой толщиной до 12 см и темно-серый суглинок толщиной 6 - 10 см. Слой содержит 1021 фрагмент глиняных сосудов. Они разделяются на 2 группы: 1 - лепная керамика (мощинская культура), 2 - изготовленная на гончарном круге XIV-XVII вв. и несколько фрагментов конца XIX - начала XX вв. Лепная керамика представлена фрагментами горшков и мисок. По способу обработки поверхности подразделяется на груболепную и лощеную. Фрагменты груболепных венчиков прямые, с горизонтальным обрезаем края, небольшие по размерам и не дают представления о форме сосудов, без орнамента. Толщина сте-

нок 0,4 - 0,6 см. Отощающая добавка к тесту - мелко- и крупнозернистая дресва. Поверхность бугристая из-за выступающих примесей. Лощеная посуда сделана из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого песка. Лощение двухстороннее, черного цвета. Датируется данная группа 1-й половиной I тыс. н. э.

Гончарная керамика, в основном, представлена фрагментами белоглиняных сосудов с отогнутыми наружу венчиками с загнутым внутрь краем, хорошо профилированных. Отощающие добавки - мелкий песок, тесто хорошо отмучено, черепок звонкий, обжиг однослойный, иногда - трехслойный. Орнамент редок: найдено несколько фрагментов с гребенчатым и линейным орнаментом, с однорядной волной, ногтевым. Датируется XIV - XVI вв. Меньше керамики XVII в., которая представлена стенками и ручками чернолощенных сосудов. Лощение несплошное, горизонтальное или вертикальное. Несколько фрагментов украшены линейным орнаментом.

Найдено несколько фрагментов сосудов конца XIX - начала XX вв. с желтой и зелено-желтой поливой на внутренней поверхности.

В слое найдено также небольшое количество костей животных.

Находки: ключ, подкова, четыре гвоздя, жековина, отщеп с ретушью, пробой, два ножа, сверло, фрагмент глиняного пряслица и др.

В заполнении большей части ям - темно-серый суглинок с органикой. В яме 18 под темно-серым суглинком залегает прослойка черного плотного суглинка толщиной 15 см. В заполнении ямы 4 найдены фрагменты груболепной керамики и развал чернолощенной чаши. В яме 18 найден венчик груболепного горшка. Яма датируется 1-й половиной I тыс. н. э.

Судя по керамическому материалу и находкам, на этом месте находилось поселение периода мощинской культуры (1-я половина I тыс. н. э.), позже там располагалась посадская земля г. Воротынска (XIV - XVII вв.), что подтверждается топографическим планом Воротынска. Раскопом была захвачена лишь окраинная часть поселения, основная находилась восточнее, о чем говорит и увеличивающееся количество керамического материала и ям на соответствующих квадратах раскопа.

Г.В. КРОПАЧЕВ

Курганный могильник у станции Фаянсовая Кировского района Калужской области

В полевой сезон 1996 г. Песоченской археологической экспедицией Кировского историко-краеведческого музея производились исследования курганный группы на левом берегу р. Болвы, в районе станции Фаянсовая Московской железной дороги (Кировский район). В группу входят 12 полусферических насыпей. Высота курганов от 0,6 до 2,6 м, их диаметр составляет 3,5 - 12 м.

Отличительной чертой группы является наличие каменных обкладок, которые просматриваются у основания некоторых насыпей, и четкая выраженность ритуальных ровиков.

Раскопки производились на разрушающемся кургане № 10 (грабительская яма от экскаватора 3 x 3 м). Раскоп был заложен квадратной сеткой с двумя пересекающимися бровками, проходящими по наиболее сохранившейся части насыпи. Был разобран отвал кургана, сделанный экскаватором, в котором найден бронзовый плетеный браслет, а также множество камней. Использование камней в сооружении насыпи подтвердили результаты раскопок сохранившейся части кургана, состоящей из коричнево-серой рыхлой супеси с множеством камней, находящихся в беспорядочном положении.

Камни были обнаружены в южном ровике, заполненном черно-серой рыхлой супесью с углем. В этом ровике был найден развал керамики (венчик), предварительно относящийся к древнерусскому периоду.

Курган сооружался на кострище, которое было зафиксировано в профиле насыпи.

Другая информация была утрачена грабительским раскопом, что не позволяет установить этническую принадлежность памятника и уточнить его хронологию.

Использование камней в сооружении насыпей ранее не фиксировалось в изученных курганах бассейна р. Болвы. Однако это широко отмечается у восточнославянского племени словен [1], что дает основание для предположения о северном влиянии на славянское население бассейна р. Болвы. Последнее подтверждают и раскопки Н.И. Булычева в нач. XX в. В некоторых раскопанных им курганах на р. Болве были найдены ромбоштитковые и

овальнощитковые височные кольца, которые являются этноопределяющими признаками словен (Курганье, Колчино) [2]. В отличие от ромбощитковых и овальнощитковых височных колец словен, височные кольца, найденные на памятниках Курганье, Колчино, имеют завязанные концы, очевидно, в подражание браслетообразным кольцам кривичей.

Курганы кривичей (Погост, Манино, Прудки-2) [2, 3, 4] и вятичей (Войлово, Прудки-1) [2, 5] хорошо известны в бассейне р. Болвы. Определить характер влияния и взаимоотношения вятичей, кривичей, словен помогут дальнейшие археологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Седов В.В.** Восточные славяне в VI - XIII вв. - В кн.: Археология СССР. М., 1982. С.169-196.
2. **Булычев Н.И.** Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903.
3. **Грудинкин Б.В.** Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской области в 1990 - 1992 // Архив ИА РАН.
4. **Кропачев Г.В.** Курганный могильник № 2 у д. Прудки Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. Киров, 1993. С.8-11.
5. **Прошкин О.Л.** Отчет о работах Калужской областной археологической экспедиции 1984 // Архив ИА РАН. Д № 10440, архив КОКМ.

А.Е. ЕФИМОВ

Площадные разведки в пригородной зоне г. Калуги в 1996 г.

В 1996 г. археологической экспедицией Калужского государственного педагогического института и Калужского областного краеведческого музея были предприняты площадные разведки в северной части пригородной зоны г. Калуги в рамках целевой программы «Сохранение историко-культурного наследия народов Российской Федерации».

Сплошное обследование было ориентировано на поиск новых археологических объектов; осмотр, инструментальную съемку или корректировку планов ранее известных памятников с целью уточнения их современного состояния.

Северная часть пригородной зоны г. Калуги, т. е. бассейны рек Грязнинка и Яченка (левый приток р. Оки) в их среднем и верхнем течении, не относится к хорошо исследованным в археологическом плане районам. До 1996 г. был изучен и паспортизирован лишь один памятник - городище у д. Матюнино. Работы 1996 года стали продолжением площадной разведки в пригородной зоне г. Калуги, начатой в предыдущем году в ее южной части.

В 1996 г. в северной части пригородной зоны г. Калуги обнаружен 41 новый памятник археологии и один исследован повторно. На всех памятниках проведена инструментальная съемка в масштабе 1:100, фотофиксация и сбор подъемного материала.

К наиболее древним памятникам, исследованным в ходе разведки, относятся стоянки (2) и местонахождения кремня (7) эпохи мезолита. Памятники эпохи мезолита в основном расположены на первых, изредка на верхних надпойменных террасах р. Яченки. Зачастую культурный слой выражен очень слабо. Культурную принадлежность ввиду малочисленности подъемного материала определить крайне сложно, хотя для большинства памятников можно выделить преобладание в орудийном комплексе скребков и скобелей на отщепах, в то время как среди орудий стоянки Галкино преобладают резцы. Примечательны массивные грубо обработанные рубящие орудия и скребла стоянки Белая.

Памятников неолита и эпохи бронзы в ходе разведки 1996 года в северной части пригородной зоны г. Калуги выявлено не было. Немногочисленность, слабую выраженность мезолитических памятников и отсутствие стоянок других периодов эпохи камня можно объяснить сравнительно молодым возрастом и слабой разработанностью речных долин в данном микрорегионе, а также близостью значительно более крупной речной артерии - реки Оки.

Памятники раннего железного века представлены городищем Матюнино и четырьмя селищами. На этих памятниках собрана лепная керамика предположительно мощинской культуры. На селище Белая - 2, кроме того, встречена лепная керамика несколько более архаичного облика.

На обследованной территории не удалось обнаружить памятников древнерусского времени. Наиболее многочисленным (28) типом памятников являются селища, датированные по подъемному материалу XV - XVII вв. Как правило, это памятники с

хорошо выраженным культурным слоем, подъемный материал с которых представлен не только фрагментами круговой керамики, но и различными железными предметами, кусками шлака и т. п. (селища Горенское - 2, Починки - 2, Григоровка и др.).

В.В. БУБЛИКОВ

Археологические исследования в Боровском районе Калужской области

В 1996 году археологическая экспедиция Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея проводила разведки в западной части Боровского района Калужской области. Первые археологические работы на этой территории проводились в 1987 году Калужской областной археологической экспедицией (О.Л. Прошкин). Обследовалось древнерусское городище и прилегающее к нему селище близ с. Отяково (рис. 1).

Целью наших работ являлось обследование территории водораздела между реками Протвой и Лужей. Археологические работы проводились по берегам их мелких притоков. В результате было открыто 23 новых памятника археологии (селища) и осмотрено современное состояние 3 известных памятников (городище и 2 селища).



Рис. 1. Карта-схема памятников археологии, открытых в Боровском районе в 1996 г. экспедицией БФ КОКМ.

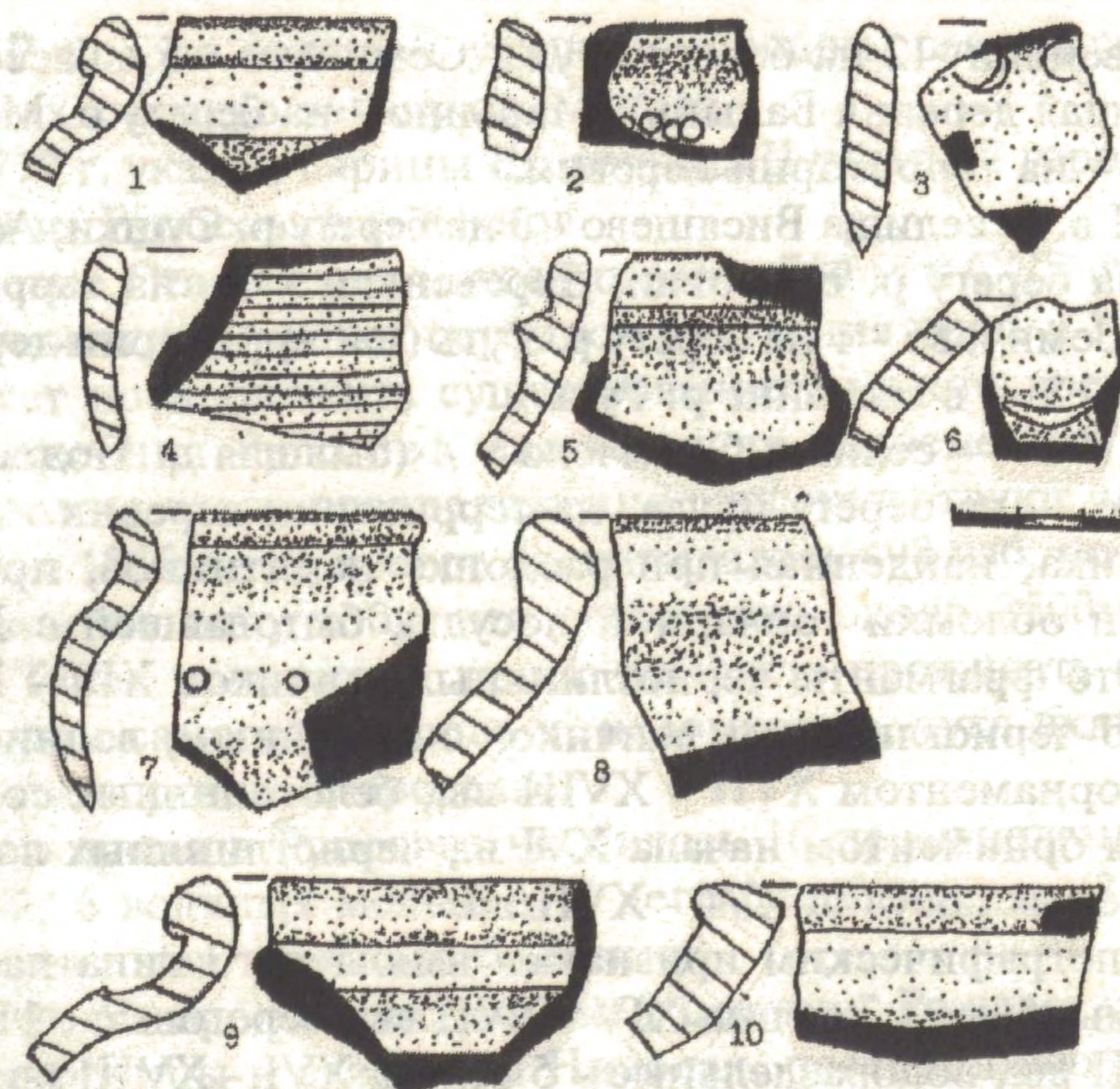


Рис. 2. Фрагменты гончарной посуды с селищ XIV - XVIII вв.:
Абрамовское-1 (1), Асеньевское-2 (2, 3), Гольтяево (5, 7, 9, 10), Марино (8).

Большой интерес представляют вновь выявленные селища. Самое древнее из них начинает свое существование в XIV в. и продолжает функционировать до наших дней. Это д. Гольтяево, расположенная на р. Руть (правый приток р. Протвы).

С XV в. датируются селища Семичево - 2 на берегу р. Руть (бывшая д. Городище), Отяково - 3 на берегу р. Сушки (левый приток р. Лужи); Висящево - 1 на берегу р. Лужи (на территории деревни); Висящево - 2 на берегу р. Сушки; Асеньевское - 1 на берегу р. Бобровки, левого притока р. Лужи (на территории деревни); Бортники - на территории деревни; Абрамовское - 1 на берегу р. Лужи (на территории деревни); Абрамовское - 2 на берегу р. Лужи (на территории деревни).

С XVI в. - селища Серединское - 1 на берегу р. Межуры, правого притока р. Протвы (на территории деревни), Серединское - 2 на берегу р. Межуры (на территории деревни); Отяково - 2 на берегу ручья, правого притока р. Сушки (на территории деревни).

ни); Деревеньки - 2 на берегу пруда; Семичево - 5 в бассейне р. Руть (бывшая деревня Балынь); Марьино - на берегу р. Межуры; Борисово - на территории деревни.

С XVII в. — селища Висящево - 3 на берегу р. Сушки; Асеньевское - 2 на берегу р. Бобровки; Деревеньки - 1 - на территории деревни; Семичево - 1 на берегу р. Руть (на территории деревни); Семичево - 3 — в бассейне р. Руть.

С XVIII в. — селища Семичево - 4 (бывшая д. Подосинки), Пинашино — на берегу пруда, на территории деревни.

Керамика, найденная при раскопке памятников, представляет собой обломки гончарной посуды, бытовавшей с XIV по XIX вв. Это фрагменты черноглиняных венчиков XIV - XV вв., коричнево-черноглиняных венчиков с линейным, волнистым и ямчатым орнаментом XVII - XVIII вв., белоглиняных сосудов с линейным орнаментом начала XVI в., черноглиняных лощеных и подлощеных сосудов XVI - XVII вв.

По топографическим признакам выявлено 3 типа памятников. Это мысовые - 7 селищ XIV - XVII вв., береговые - 11 селищ XV - XVIII вв., водораздельные - 5 селищ XVI - XVIII вв. Таким образом, наиболее распространенным является береговой тип, затем мысовой и водораздельный.

Часть найденных селищ может быть связана с населенными пунктами, упомянутыми в духовных договорных грамотах XV в. и различных источниках XVI - XIX вв. В их числе д. Абрамовское, Висящево, Семичево, Серединское, Борисово, Бортники, Отяково, Деревеньки, Подосинки, Балынь, Марьино, Гольтяево, Пинашино.

Д.В. СИНЕЛЬНИКОВ

Древние поселения на правобережье среднего течения р. Угры

Из археологических и исторических материалов известно, что в среднем течении р. Угры, на правом берегу, вблизи границы Смоленской и Калужской областей существовали древние поселения.

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ РУПОСОВО

Согласно историческим сведениям, которые датируются

1600г., Рупосово являлось уездным городом, расположенным в 30 верстах к северо-западу от Юхнова.

В 1777 г. указом царицы Екатерины II уездный город был перенесен из Рупосова в г. Юхнов.

Деревня Староселье, находящаяся в 750 м к ССЗ от Рупосова, появляется в списках переписи населения лишь с 1900 г., что позволяет предположить существование до этого времени единого поселения Рупосова, включавшего современное Староселье. В пользу этого предположения свидетельствуют следующие данные: в 1886 г. в Рупосове насчитывалось 498 изб, по 7 человек в среднем на одну избу, что составляло около 3500 человек в целом. Такое количество людей не могло проживать только на территории самого Рупосова и, несомненно, туда включалось и население деревни Староселье.

В это время в Рупосове числилось 16 промышленных предприятий, 6 водяных мельниц, 7 дегтярных заводов, 3 кузницы, красильня и два торговых заведения.

Уездный город Рупосово имел церкви Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Николая, построенную приблизительно в XVI веке. Церковь находилась в ведении Крутицкой епархии, в ней шли службы до 1940 г. Службы вели 14 священнослужителей.

Так, по весьма отрывочным сведениям, выглядит средневековая история Рупосова (включая Староселье). Вблизи Рупосова-Староселья известно одно прекрасно сохранившееся и два предполагаемых древних городища.

ГОРОДИЩЕ СТАРОСЕЛЬСКОЕ

Городище Старосельское не числится среди археологических памятников Смоленской области, ранее никем не обследовалось. Определено нами в 1991 г. как городище, о чем было сообщено в краеведческий музей г. Вязьмы.

Городище расположено в 250 м к юго-западу от д. Староселье на максимально приподнятом участке вытянутой в северо-западном направлении гряды, образованной аллювиально-флювиогляциальными отложениями. После отступления ледника гряда омылась водотоками и окаймлялась озерами, реликты которых сохранились поныне.

Городище поросло лесом и хорошо сохранилось, высота хол-

ма составляет 5 - 6 м. Южная часть городища граничит с полем. В плане оно образует овал, удлинённый по северо-западному - юго-восточному направлениям, с диаметром около 100 м по внешнему контуру. Центральная площадка 60 x 80 м в поперечнике имеет пологий наклон (2 - 4 градуса) на юго-восток.

С лесной северной стороны площадка защищена тремя хорошо сохранившимися валами и рвами. Высота валов достигает 4,5 м, глубина рвов - 3,5 м. В восточной части прослеживаются два вала и два рва, соответственно высотой до 2,5 м и глубиной до 1,6 м. На юго-востоке городища на протяжении 25 м рвы и валы отсутствуют и здесь отмечается пологий склон (10-15 градусов), заросший травами. На западе рвы и валы хорошо выражены, имеют максимальные высоты и глубины: 4,6 м и 3,7 м и переходят в пологий склон - оконечность моренной гряды.

Растительность в пределах городища резко отличается от растительности окружающих лесов. Вместо смешанных сосново-березовых лесов здесь, кроме берез и редких сосен, в подавляющем количестве представлены широколиственные породы деревьев: липа, вяз, клен, осина. Внешний контур городища обрамлен орешником. Березы, произрастающие на городище, почти все без исключения имеют изогнутые, неправильные, причудливые очертания стволов, дают многоствольные (до 2 - 8) «кустистые» образования, нередко лежащие, уклоняющиеся от центрального центра формы. По предварительным наблюдениям такие «патологические» экземпляры деревьев приурочены к узким линейным зонам ЮЮВ простирания (135 - 165 градусов). Подобный характер растительности можно объяснить вслед за Р.А. Дубовиком и В.В. Лямбеком (1992 г.) проявлением геопатогенных зон и узлов, что в целом свидетельствует об особом «энергетическом» режиме северной и северо-восточной частей центральной площадки городища. Южная часть площадки открыта и поросла великолепными экземплярами папоротника, орляка и сныти.

Культурный слой на городище, по данным единичных раскопов (подъемный материал отобран по горизонтам и ждет изучения) составляет 75-80 см по мощности, содержит фрагменты глиняной керамики, слабопрофилированной, без орнамента, реже чернolощеной. Сосуды изготовлены из глины однородной, в верхних горизонтах с примесью дресвы гранитов, имеют бугристую поверхность и хорошо обожжены. Кроме гончарных изде-

лий, встречаются костяные наконечники дротиков, рыболовные крючки, раздробленные и обожженные кости, зубы млекопитающих, уголь и зола.

Сравнивая морфологию городища и состав подъемного материала с материалом других городищ Смоленской области и, в частности, Угранского и Темкинского районов, можно предположить, что оно было освоено человеком (днепро-двинская группа ?) в начале I тыс. до н.э.

СЕЛИЩЕ СТАРОСЕЛЬСКОЕ.

Как отмечалось выше, доминирующий над местностью холм городища Старосельское на северо-восток плавно переходит в гряду шириной 80 - 150 и длиной 750 м. Юго-западный борт гряды ограничен заболоченным ручьем Чистым, который в недавние времена был полноценной речкой, с северо-востока гряда отделена от полей сухой ложбиной, вдоль которой на небольшой глубине происходит разгрузка находящегося западнее болота (на его месте в 50-е гг. было озеро). Вполне вероятно, что в древние времена по этой ложбине также протекал «живой» ручей.

На площади гряды до 1941 г. располагалось крупное село, насчитывавшее около 130 изб, включая дома, находящиеся на правом берегу ручья Чистого. На огородах и дворах часто встречаются обломки светлой и чернolощеной керамики, с орнаментом и тиснением, выполненной с применением гончарного круга.

Логично предположить, что в первые века н. э. старосельская гряда представляла собой древнее селище, со временем расширившееся до Рупосова и превратившееся в средние века в уездный город.

Другие предполагаемые городища в районе деревни Староселье и Рупосова требуют изучения.

Выводы

История древнего поселения Рупосово началась с освоения в начале первого тысячелетия до н. э. городища Старосельское, затем в первые века н. э. образовалось селище Старосельское, которое в средние века выросло по значимости до уездного города Рупосово.

Перевод уездного центра в г. Юхнов положил начало процессу деградации поселения Рупосово. Немалую роль сыграли последующие исторические события: войны 1812 и 1941 - 1945 гг.

В 1942 г. Рупосово (включая Староселье) было практически полностью сожжено немецкими захватчиками, церковь взорвана. На этом собственно история поселения Рупосово заканчивается.

Оставшиеся несколько семей в деревне Староселье перебазировались в центральную усадьбу колхоза «Ефремовский», в Слободку.

Территория бывшего села Рупосова, сожженного немцами, за 55 лет практически не изменилась, не заросла лесом. Это еще раз позволяет предположить, что уездный город был заложен на участке с особой «энергетической» обстановкой, сохраняющейся и поныне. Для сравнения можно привести пример совхозных полей, находящихся в 1,5 км северо-западнее Рупосова, где после пяти лет прекращения вспашки образовался густой сосновый лес.

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ДМИТРОВЕЦ

Древнее поселение Дмитровец находится на правом берегу р. Угры на 2,7 - 3 км выше впадения в Угру р. Вори.

Под названием «городище» поселение обследовано И.К. Фроловым в 1975 г. и датировано XII - XIII вв.

Предварительные наблюдения, проведенные нами, показали здесь наличие пространственно разобщенных древнего городища и селища.

ГОРОДИЩЕ ДМИТРОВЕЦ

Городище Дмитровец расположено в 3 км выше устья р. Вори на правом берегу р. Угры. Занимает возвышенность округлой в плане формы диаметром 50 - 60 м по верхнему и 150 - 300 м - по нижнему контурам. Склоны городища крутые, порядка 40 - 45 градусов, высота над урезом воды р. Угры - не менее 35 - 40 м.

Площадка городища окружена валом, на котором стоят наполовину погибшие гигантские березы корявой раздвоенной формы, возраст которых составляет не менее 250 - 300 лет. Центральная часть площадки имеет форму блюдца и поросла редким кустарником.

Культурный слой составляет не менее 60 см по мощности и содержит в верхней части фрагменты гончарных изделий черноголощеного и грубозернистого типа. Найден предположительно кремневый скребок.

Предполагаемое время освоения городища человеком - начало - середина I тыс. до н.э.

СЕЛИЩЕ ДМИТРОВЕЦ

Находится в 350 м западнее городища Дмитровец на высоком (40 м) коренном берегу р. Угры. Селище занимает площадь порядка 3500 кв. м, не считая небольших площадок с постройками в интервале между городищем и селищем.

На северной оконечности селища находится разрушенная кирпичная церковь и кладбище. Обнаружены надгробие из известняка, чугунный литой крест. Часть захоронений разграблена.

Площадка селища заросла лесом, причем на фоне окружающих селище берез и сосен с ольхой здесь произрастают, в основном, липы и ясени, из кустарников - акация и гигантский шиповник. Удивительно линейное расположение многочисленных (до 18 стволов) лип субширотного простирания, что вновь напоминает об особых «энергетических» условиях селища.

Изучение культурного слоя не производилось.

Выводы

Как и в пределах поселения Рупосово, здесь отмечается поэтапное освоение территории древним человеком (днепро-двинская культура?): образование городища (V - I вв. до н. э.), затем в связи с нехваткой места для проживания - организация селища предположительно в XII - XIII вв. н. э. (по И.К. Фролову).

Не исключено, что селище «Дмитровец» использовалось человеком и в позднейшие времена, на что указывает состав строительного материала церкви и надгробия могил.

Г.Б. САФОНОВА

Инвентарные книги музея - источник по истории его коллекций за столетие

Среди различных видов исторических источников совершенно неизученными остаются такие своеобразные и ценные документы, как инвентарные книги коллекций музея. Они содержат ценную информацию о происхождении музейных коллекций, их формировании, о людях, стоявших у истоков собирательства, и, как любой другой источник, они требуют взвешенной оценки, тщательного и критичного изучения.

Прежде чем вести о них речь, необходимо подчеркнуть одно обстоятельство: современные инвентарные книги КОКМ ведут свое начало не с момента создания музея, а с октября 1945 г., когда после Великой Отечественной войны была введена новая учетная система. От предшествующих десятилетий сохранилось несколько книг: главная инвентарная книга (по порядку номеров поступлений), две книги с росписью предметов, условно говоря, «по коллекциям», которые велись в 1930-е гг. А также книга естественно-исторического музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина за время его существования (1914 - 1924 гг.) и одна из главных инвентарных книг Боровского музея 1936 г. Все книги не отличаются полнотой описания предметов, не везде имеются датировки, но во многих случаях они содержат ценную информацию о происхождении музейных предметов, которая может быть дополнена сведениями актов приема музейных предметов. Они сохранились за отдельные годы, начиная с 1920 г., только по историческому музею (ныне КОКМ). Таковы документы, опираясь на которые можно попытаться внести определенную ясность в достаточно запутанный процесс формирования коллекций КОКМ. Дело осложняется еще и тем, что за свою историю музей то объединялся с другими музеями, то разъединялся, неоднократно менялось его официальное название.

Самые ранние описи предметов музея при КУАК (с которой начинался КОКМ) сохранились фрагментарно, а с момента его открытия в Известиях Архивной Комиссии регулярно публиковались краткие списки пожертвованных предметов [1, 2, 3]. Вероятно, эти поступления дополняли уже имевшиеся небольшие собрания музея, в основе которого могло быть, как и в большинстве старейших отечественных музеев, чье-то личное собрание древностей. В источниках того времени упоминается собрание древностей Ивана Даниловича Четыркина (1845 - 1904 гг.), преподавателя гимназии, «правителя дел» Архивной Комиссии [4]. Вошла ли его коллекция в музейное собрание, сказать трудно.

Инвентарные книги музея подсказали еще одно направление поиска путей формирования собрания КОКМ. Судьбы памятников культуры в годы первой мировой войны - тема почти неизвестная и, казалось бы, не имеющая никакого отношения к Калуге, бывшей в стороне от военных действий. Но отдельные предметы из собрания КОКМ вызывали некоторое недоумение своим происхождением, они могли оказаться в нашем городе только при каких-то сложных обстоятельствах. Документы ГАКО сообщали о том, что в годы первой мировой войны в Калугу были эвакуированы многие государственные учреждения, учебные заведения, монастыри и некоторые музеи из Холмской, Варшавской, Ковенской и Гродненской губерний [5]. Переписка с сотрудниками Гродненского музея подтвердила эти предположения. Последовавшие за войной события 1917 г. оставили в стороне вопрос о перемещенных культурных ценностях.

В научном архиве нашего музея хранится инвентарная книга (объемом 600 листов) городского естественно-исторического музея им. А.А. Рыжичкина, открывшегося в 1914 г. и впоследствии вошедшего в состав КОКМ. История этого музея - тема отдельного исследования. Нам хотелось бы остановиться на некоторых вопросах формирования его собрания, большая часть которого находится в фондах КОКМ, хотя и в разрозненном виде. В его основе лежали частные коллекции - М.М. Местергази, К.К. Моньеро дю Мена и, вероятно, самого А.А. Рыжичкина [6]. В инвентарной книге этого музея встретила датированная 1919 г. запись: «Поступило по декрету из коллекции Н.И. Булычева». В последующих записях упоминание об этом отсутствует. Судьба собрания Николая Ивановича Булычева (1852 - 1919 гг.) до конца

не ясна, вероятно, некоторые предметы сохранились в КОКМ, но информация об их владельце утрачена, только на нескольких книгах представлен экслибрис его библиотеки.

В 1918 - 1919 гг. в музей поступают предметы из дворянских имений края. В это время 27 имений обследовал Всеволод Николаевич Левандовский [7]. В те годы наиболее ценные предметы забирались в Москву. В местном музее оказывались разрозненные предметы, причем информация об их происхождении в ряде случаев оказалась утраченной или запутанной и нуждается в значительном уточнении и проверке.

В 1920-е гг. в музей поступали предметы из закрывшихся церквей Калуги и ряда монастырей. В то сложное время Василий Иванович Извеков, Мария Евгеньевна Шереметева, Всеволод Николаевич Левандовский сделали почти невозможное для того, чтобы уникальные памятники отечественной культуры не исчезли бесследно [8].

В середине 1920-х гг. в стране происходит становление местных музеев как исследовательских центров по изучению региональной этнографии. Этнографические экспедиции М.Е. Шереметевой 1925 - 1927 гг., по сути дела, заложили основу современного собрания музея по народной культуре края.

1930-е гг. - сложный период в истории отечественной культуры. В это время были закрыты центральные учреждения краеведения, а роль местных свелась к решению сугубо хозяйственных задач. Задачей музеев было сохранение уже накопленного материала. В это время в музей поступило мало предметов.

За 1940-е гг. записи в сохранившихся инвентарных книгах отсутствуют, имеются только пометки на полях о сверке наличия предметов в июле 1942 г. А с октября 1945 г. были заведены новые современные инвентарные книги с новой нумерацией на предметах.

В марте 1954 г. значительно пополнилась музейная коллекция редких книг и документов, когда в нее были переданы предметы из закрывшегося Боровского районного музея. Некоторую помощь в их изучении может оказать инвентарная книга Боровского музея 1936 г.

В 1960 - 1980-х гг. в музее активно собирался материал по истории края в XX в., по развитию промышленности, сельского хозяйства, культуры региона. В последнее десятилетие складыва-

ется, по сути дела, новая коллекция - археологии, что вызвало появление в штате специалистов этого профиля.

Сложная история комплектования собрания музея создает большие трудности в определении происхождения предметов, особенно из личных коллекций. Немалую помощь в решении этого вопроса могут оказать инвентарные книги - основа существования любого музея. Возможности этого источника еще до конца не исчерпаны.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф.47, оп.2, ед.хр.2,5,7,8,10,15.
2. Отчет о деятельности КУАК за 1898 г. и опись пожертвованных предметов в Исторический музей // ИКУАК, 1899, вып.1. С.5-14.
3. Список пожертвований в Калужский губернский Исторический музей за 1899 г. // ИКУАК, 1900. С.45-50 и др.
4. **Четыркин И.Д.** Описание предметов моей коллекции // ИКУАК, 1898, вып.3. С.3-7.
5. ГАКО, ф.783, оп.1, ед.хр.1165,1293; Научный архив КОКМ, Р-2878, оп.3, ед.хр.249, л.24,61.
6. ГАКО, ф.2879, оп.1, ед.хр.1,2; ф.405, оп.1, ед.хр.3, л.5,13-16,17-18.
7. Научный архив КОКМ, Р-2878, оп.3, ед.хр.1-в, л.101.
8. Научный архив КОКМ, Р-2878, оп.3, ед.хр.1-в, л.65-66, 32-64; ед.хр.26, л.16,18-19,33; ед.хр.21.

В. А. БЕССОНОВ

Формирование коллекции оружия

Калужского областного краеведческого музея

Предметы оружия, хранящиеся в фондах металла и дерева Калужского областного краеведческого музея, составляют в целом достаточно представительную коллекцию как по количественным, так и по качественным показателям. Общее число образцов огнестрельного, холодного (в т. ч. метательного) и защитного вооружения к настоящему времени достигло 521 единицы постоянного хранения (исключая боеприпасы и средства применения). В коллекции представлено оружие российского, европейского, восточного и американского производства, бытовавшее в период с XVI до середины XX вв. (не считая наконечников копий и топоров, которые могут быть датированы более ранним временем). Кроме того, часть предметов калужской коллекции оружия пред-

ставляет собой еще и мемориальную ценность, будучи связана с конкретными людьми или известными фамилиями.

На сегодняшний день внештатным сотрудником музея В.М. Типикиным уже практически закончено научное описание предметов коллекции, которое проводилось с 1976 г. Сейчас к изданию готовится каталог. В связи с этим и возникла необходимость в анализе формирования оружейного фонда для выявления и восстановления легенд предметов, хранящихся в музее.

Сопоставление всех имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет с определенной долей вероятности установить историю появления конкретных предметов, выявить главные источники поступления и увидеть всю картину формирования фондов оружия в целом.

За 100 лет существования Калужского краеведческого музея коллекция оружия прошла длительный путь своего формирования. Весь этот отрезок можно условно разделить на пять этапов, отличных по процессам происхождения, поступления и хранения предметов оружия.

Первый этап был связан с деятельностью Исторического музея, открытого при Калужской Ученой Архивной Комиссии. В этот период начался процесс собирания фондов нового музея, в т. ч. и оружия как предмета материальной культуры. Большая часть образцов поступала путем пожертвований, но некоторые и покупались. В основном, поступления были от частных лиц, которые имели, собирали или хранили предметы оружия в своих семьях. Число экспонатов оружия в губернском музее было незначительно и, видимо, не превышало 100 предметов.

Новый этап в жизни коллекции начинается после революции. Реорганизация калужских музеев в начале 1920-х гг. и изъятие из имений предметов исторической и художественной ценности привели к значительному увеличению числа и качества фондов оружия. Этот период стал апогеем в формировании коллекции оружия. За 1920 и 1922 гг. число предметов выросло примерно на 300 единиц. Наиболее значительные поступления были из Подотдела искусств, музея им. А.А. Рыжичкина, Губмузея и от К.К. Моннеро дю Мена.

На смену лавинообразному увеличению фондов оружия пришел процесс активного движения предметов, характеризующий третий этап жизни коллекции. С 1922 г. постепенно началась пе-

редача в другие учреждения и списание части единиц постоянного хранения. До начала Великой Отечественной войны в разные годы музей лишился 61 предмета. Причем поступления на этом этапе с каждым годом становились все незначительнее, а подчас и вовсе прекращались.

Таким образом до Великой Отечественной войны в Краеведческом музее уже сформировалась коллекция оружия, в основу которой легли экспонаты музея при Архивной Комиссии, музея им. Рыжичкина, а позже Естественно-исторического музея, предметы из Подотдела искусств (в т.ч. коллекция Горчаковых), Губмузея (в т.ч. коллекция Гончаровых), Оптиной пустыни, от Моннеро дю Мена и частных лиц. Всего 460 единиц хранения. С 1922 по 1939 гг. коллекция оружия музея уменьшилась примерно на 13 % и к началу Великой Отечественной войны насчитывала 399 предметов.

В короткий период оккупации Калуги гитлеровцами музей безвозвратно потерял из коллекции оружия 22 предмета, которые либо забирались немцами в качестве трофеев, либо покупались. Вследствие внутренних перемещений оказались нарушены системы учета и хранения, что привело к необходимости создания новых инвентарных книг. Отказ от старой нумерации и спешное написание новых книг поступления нарушали преемственность между образцами коллекции оружия. Не отличавшиеся полнотой прежние легенды предметов в создаваемых вновь инвентарных книгах подчас оказывались либо искаженными, либо необоснованно дополненными.

Последний, послевоенный, этап, продолжавшийся более 50 лет, был связан с восстановлением оружейной коллекции и постоянным ее пополнением. Анализ учетной документации показал, что с 1946 по 1996 гг. коллекция оружия музея выросла на 151 предмет. В этот период, как и в начальный, оружие поступало в основном от частных лиц. Но теперь сдавались предметы, найденные в старых домах, во время земляных работ и т. д. Передачи и списания за этот срок в сравнении с поступлениями были незначительны. Характерной чертой этого этапа было то, что в формировании коллекции оружия определенную роль сыграли обком КПСС и УВД.

Формирование коллекции оружия Краеведческого музея не было однородным процессом. Следует признать, что наиболее

значительным периодом комплектования фондов оружия стали 1920-е гг., когда были заложены количественные и качественные показатели коллекции. В остальное время появление предметов в основном являлось спонтанным и нерегулируемым. Целе-направленных сборов и поисков, как правило, не велось. Исключение, пожалуй, составляют поступления оружия периода Великой Отечественной войны, осуществлявшиеся с помощью обкома КПСС, и плодотворное сотрудничество музея с УВД.

Изучение истории формирования коллекции оружия Краеведческого музея явилось первой работой, связанной с восстановлением общей картины комплектования отдельной коллекции и с выявлением частных легенд музейных предметов. Анализ документов позволил выработать методику поиска и определения источников поступления, которая может быть применена и к другим коллекциям музея. И в целом эта работа не только помогает решать узкие музейные задачи, но и позволяет расширить предметный материал, связанный с отдельными личностями и учреждениями, имевшими отношение к Калуге и Калужскому краю.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф. 47, оп.1, д.3, л.11.; д.12а, л.1, 2, 14, 16, 30, 40-44, 46.; д.19, л. 111, 162.; д.6а, л.14, 16.; оп.2, д.18, л.22, 24.
2. ГАКО, ф.р-32, оп.1, д.9, л.5об, 17, 21об.; д.8, л.12, 45об, 56.
3. ГАКО, ф.р-1122, оп.2, д.2, л.9-10.; д.19, л.148.
4. ГАКО, ф.р-2879, оп.1, д.1, л.1-7, 20.; д.2, л.2, 6, 9, 11, 12, 26, 38.; д.3, л.38-38об.
5. КОКМ. Книга поступлений, составленная в период с 1920 по 1923 гг.
6. КОКМ. Коллекционная опись, составленная до 1936 г.
7. КОКМ. Книга поступлений, начатая с 1945 г.
8. КОКМ. Коллекционные описи, составленные в 1960-х гг.
9. КОКМ. Инв.№ КЛ 505.
10. *Извеков В.И., Шереметева М.Е.* Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Губернского музея. Калуга, 1929. С. 6-9.
11. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Калуга, 1894. № 3. С.3.
12. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Калуга, 1895. № 4. С.78.
13. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Калуга, 1899. вып.1. С.13.

14. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Калуга, 1901. С.45.
15. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. 1902. Калуга, 1903. С.17, 29-31.
16. Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. 1910. Калуга, 1910. С.100.

Н.В. ЗИНОВКИНА

Н.Л. Дмитриев. Опыт биографии

По материалам фондов госархива Калужской области

История - не только деятельность выдающихся личностей. Право на внимание потомков имеют и личности второго плана. Через их деятельность можно лучше уловить дух эпохи. Н.Л. Дмитриев как раз такая личность. Кроме того, он был одним из активных организаторов городского музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина, коллекции которого сейчас являются частью собраний Калужского областного краеведческого музея. Таким образом, деятельность Н.Л. Дмитриева имеет непосредственное отношение к отмечаемому юбилею.

Документы госархива Калужской области (далее - ГАКО) не позволяют воссоздать полную картину жизни Н.Л. Дмитриева, тем не менее, материала достаточно, чтобы начать составление биографии.

Николай Леонидович Дмитриев родился 28 марта (9 апреля) 1885 г. в Калуге в дворянской семье.

В 1911 г. окончил курс в Московском университете по естественному отделению физико-математического факультета. С 1 сентября 1911 г. (даты до 1918 г. - по старому стилю) началась его педагогическая деятельность в Калужской Николаевской гимназии: сначала внештатным («из платы по найму»), а с 1912 г. - штатным преподавателем географии и природоведения. Судя по сохранившимся программам преподавания предметов и отчетам о работе, он был хорошим педагогом, не жалевшим времени на внеклассные занятия с учениками.

Общественная деятельность Н.Л. Дмитриева началась несколько раньше - в 1910 г. Он член-учредитель Калужского общества изучения природы местного края (далее - КОИМПК), затем -

действительный член общества, секретарь совета общества (с февраля 1911 г.). Весь 1911 г. он активно участвует в заседаниях Совета, в общих собраниях. 26 февраля 1911 г. на общем собрании Общества им был прочитан доклад «Деление ядра в растительной клетке» (текст доклада в ГАКО не обнаружен, в протоколах общих собраний КОИМПК содержится краткий конспект доклада). Летом 1911 г. обследовал окрестности Калуги (район Карова), собранный гербарий после обработки поступил в музей общества, отчет об экспедиции «К флоре окрестностей г. Калуги - Карово» опубликован в 1 книге «Известий КОИМПК».

В 1912 г. деятельность КОИМПК несколько приостанавливается. Активно Совет КОИМПК начинает заседать с осени 1913 г., когда город по завещанию умершей сестры калужского купца П.А. Рыжичкиной получил возможность создать музей «На благое просвещение». Общее же собрание членов общества по этому вопросу состоялось 31 мая 1914 г.; Н.Л. Дмитриев был избран членом комиссии по устройству городского музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина, затем он стал секретарем комиссии.

С 1914 г. деятельность КОИМПК сконцентрировалась на организации и функционировании музея. КОИМПК на общем собрании 13 марта 1915 г. избирает Н.Л. Дмитриева председателем общества, но активной деятельности общество так и не начало. В феврале - марте 1916 г. на заседаниях совета общества снова поднимается вопрос о возобновлении деятельности, Н.Л. Дмитриев снова избирается председателем. Деятельность общества возобновилась, но, по всей видимости, ненадолго: за 1917 г. мы не имеем ни одного протокола.

Возобновление деятельности общества относится уже к советскому времени.

Но советское время внесло изменения и в педагогическую деятельность Н.Л. Дмитриева. В апреле 1918 г. он избирается председателем педагогического совета мужской гимназии, в ноябре 1918 г. - председателем школьного совета 2 ступени 1-й Калужской трудовой школы, образовавшейся на базе гимназии (в это время в функции председателя Совета входило руководство школой). Кроме того, он продолжал преподавательскую деятельность. В феврале 1920 г. он решительно отказывается от должности председателя и школа избирает другого руководителя; а в декабре 1920 г. Н.Л. Дмитриев получает другое назначение и оставляет

школу, но не педагогику. Некоторое время он служил в Губернском отделе народного образования, пока в сентябре 1926 г. не был назначен преподавателем Калужского педагогического техникума, в котором и преподавал все последующее время.

С мая 1918 г. возобновляется деятельность КОИМПК, 7 мая 1919 г. Н.Л. Дмитриев выступает на общем собрании с докладом «О лекарственных растениях Калужской губернии» (текст доклада не обнаружен; в протоколе изложено краткое содержание); 3 сентября 1919 г. им прочитан доклад «Из ботанических наблюдений в Калужской губернии» (имеется краткое содержание сообщения; в 3-й книге «Известий Калужского общества изучения природы местного края» опубликованы «Заметки по флоре Калужской губернии»). 28 сентября 1919 г. КОИМПК стало называться Калужским обществом изучения природы и местного края, а 5 ноября 1922 г. на общем собрании было решено слиться с Губернским музеем естественной истории местного края.

В 20-е годы Н.Л. Дмитриев нерегулярно присутствовал на заседаниях Совета общества и общих собраниях. В 1930 г. он состоял членом нового Общества изучения местного края и сделал на общих собраниях два доклада: «Государственный заповедник "Чертово городище" и его растительный мир» 17 мая 1930 г. и «Дикорастущие лекарственные растения Калужского округа» 16 июня 1930 г. (в протоколах общих собраний Общества представлены тезисы обоих докладов). Но посещал Н.Л. Дмитриев общие собрания нерегулярно.

Сведений о последнем периоде жизни Н.Л. Дмитриева в ГАКО мало. В 1942 г. он был директором Калужского педучилища; 6 января 1943 г. его освобождают от должности директора, оставляя преподавателем. После 1943 г. сведений о Н.Л. Дмитриеве в ГАКО не обнаружено.

М.В. КИСЛИЦЫНА

Научно-исследовательская работа музея в 20-30-е гг. XX в.

Научно-исследовательская работа наряду с комплектованием коллекций и первым опытом экспонирования занимала одно из главных мест с первых дней основания Исторического музея. В

дальнейшем, на протяжении 100 лет существования музея, научно-исследовательская работа несла на себе отпечаток данного времени.

В 20-30-е годы происходит процесс реорганизации музеев, вызванный сменой общественно-политического строя страны и изменением идеологии.

Немаловажную роль играло то, что в этот период в музее работали энтузиасты своего дела, люди с высокой профессиональной подготовкой, оставившие яркий след в краеведении: Д.И. Малинин, В.И. Извеков, М.Е. Шереметева, П.А. Трейтер.

Научно-исследовательскую работу в музее предваряет сбор и хранение памятников материальной и духовной культуры. В 20-30-е гг. собирали материал во время поездок по губернии, осуществляли закупку вещей, прием пожертвований от частных лиц и поступлений от организаций и учреждений. Сбор материала сопровождался разработкой новых тем в музее.

В этот период вели активные археологические исследования научные сотрудники музея В.И. Извеков, М.Е. Шереметева, Щербаков. Результаты были представлены в научных докладах, в частности, в докладах М.Е. Шереметевой «Первобытное общество в Калужском крае по археологическим материалам», «Техника производства каменных орудий» и т.д.

С утверждением атеистического мировоззрения в нашей стране начинается повсеместная ликвидация церквей и монастырей, что зачастую приводило к утрате церковных ценностей. Благодаря сотрудникам музея, при обследовании закрывавшихся церквей и монастырей, в частности, Никитской, Знаменской, Казанской, Лаврентьевского монастыря были спасены старинные иконы, утварь, рукописи, старопечатные книги, часть из них поступила на хранение в музей.

В связи с национализацией помещичьих и дворянских усадеб и находящегося там имущества была образована комиссия, в которую по имуществу б. имения Гончарова (с. Полотняный Завод Медынского уезда) от Губмузея был назначен заведующий музеем В.В. Ассонов. Вследствие работы комиссии музею из б. дома Гончаровых были переданы фарфор, картины, книги, мебель и т.д. Из б. имения Горчакова (с. Барятино Тарусского уезда) - коллекция оружия XVI - сер. XIX вв., картины, бытовые предметы и т.д.

В середине 20-х гг. большое внимание уделялось вопросам этнографии, а именно, изучению крестьянского быта. Благодаря этнографическим экспедициям М.Е. Шереметевой в Калужском и Перемышльском уездах (1926 - 1927 гг.), коллекция музея пополнилась большим количеством крестьянских вышивок, одежды, украшений, утвари, образцов кустарных промыслов. Результатом изучения и исследования Гамаюнщины М.Е. Шереметевой явились ее научные работы - этнографические очерки «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины» (1926 г.), «Женская одежда Перемышльского уезда» (1929 г.). Изучение М.Е. Шереметевой кустарных промыслов в 1929 г. в Пятовской волости и Лихвинском уезде закончилось выходом печатной работы «Лесохимические промыслы в Калужском районе» (1934 г.).

М.Е. Шереметева, П.А. Трейтер занимались научной инвентаризацией, изучением музейных коллекций. В частности, ими были описаны пряничные доски, деревянная резьба, стеклянные штофы, медные братины, коллекция оружия. Результатом этой работы стали подготовленные П.А. Трейтером в 1926 г. доклады «Коллекция ружей музея», «Доспехи и кольчуги музея» и доклады М.Е. Шереметевой в Русском музее и в Географическом обществе в г. Ленинграде «Коллекция досок для набивания тканей из Перемышля» и «Пряничное производство в Калуге» (1929 г.).

20-30-е гг. отмечены большим количеством изданных работ, начиная от таких популярных, как «Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Государственного музея», составленный В.И. Извековым и М.Е. Шереметевой (1929 г.), до научных публикаций, в частности М.Е. Шереметевой, «Обрядовое печенье в России», «Ученые медведи в России», «Женский костюм в районе Монастырщины» (1929 г.) и т.д.

Итогом научно-исследовательской и собирательской работы музея стало создание к 10-й годовщине Октября экспозиции, состоящей из 11 подотделов.

В 30-е гг. начинается новый этап в жизни музеев, вся работа которых должна была строиться в свете марксистско-ленинского учения. В 1936 г. создается отдел социалистического строительства. В 1937 году отдел по истории революционного движения перестраивается по периодизации И.В. Сталина. В свете новых требований среди населения проводилась большая массовая политико-воспитательная работа.

Несмотря на коренную реорганизацию музеев страны в 20-30-е гг., главным достижением нашего музея было сохранение краеведческого уклона. Благодаря правильно организованной научно-исследовательской работе сотрудников музея, были продолжены не только археологические и этнографические исследования, но и появились новые темы исследований, которые отразились в издательской деятельности, а также коснулись перестройки экспозиционной и просветительной работы, особенно в 30-е гг. Научные труды сотрудников музея этого периода вошли в золотой фонд краеведческой литературы, к которому будет обращаться еще не одно поколение краеведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф.2878, оп.1, д.16, 22, 29, 32, 51.
2. ГАКО, ф.2878, оп.2, д.6, 8, 15.
3. ГАКО, ф.2878, оп.3, д.79,94.
4. **Фролов А.С., Прошкин О.Л.** Археология Калужской области. Калуга, 1989.
5. **Малинин Д.И.** Опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии. Калуга, 1992.
6. Калужская энциклопедия. Сборник материалов. Вып.1. Калуга, 1994.
7. **Извеков В.И., Шереметева М.Е.** Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского государственного музея. Калуга, 1929.

А.А. БАУЭР

Калужские краеведческие организации конца XIX - начала XX вв.

Обзор источников по фондам ГАКО

Историческое краеведение Калужского края прошло в своем развитии путь от ученой архивной комиссии (далее КУАК) до районного бюро краеведения (далее КБК), хронологически охватывая период с 1891 по 1937 гг. За это время на территории Калужского края действовали 3 научных исторических общества и 4 краеведческие организации, в которых изучение истории края было одним из направлений их деятельности.

Настоящий обзор посвящен документальным источникам, характеризующим деятельность двух, самых ранних по времени возникновения, краеведческих организаций - Ученой Архивной Комиссии и

церковного историко-археологического общества (далее КЦИАО) - хранящимся в фондах госархива Калужской области (далее: ГАКО).

Фонды краеведческих организаций по своей структуре почти однотипны; документы фондов группируются в единицы хранения (дела) по следующим признакам: уставы, протоколы общих собраний и заседаний советов (правлений), исходящая и входящая переписка, списки трудов организаций и отдельных членов, списки присланных в обмен изданий, планы работ, списки личного состава, отчеты о работе и т. д.

Фонд КУАК в ГАКО сформирован с достаточной полнотой. В нем насчитывается 75 единиц хранения, почти треть из которых составляет переписка.

В разные периоды своего существования, с 1891 по 1918 гг., КУАК имела в своем составе до ста членов, о чем свидетельствуют списки и материалы об избрании действительных членов. Активными членами КУАК были все видные калужские историки-краеведы рубежа веков: В.И. Ассонов, Н.И. Булычев, М.С. Извеков, Н.Н. Кашкин, Д.И. Малинин, П.А. Трейтер, П.Ф. Симсон, М.П. Чельцов, И.Д. Четыркин, Г.Г. Чистоклетов [1].

Журналы и протоколы заседаний КУАК за четвертьвековой период дают огромный материал, позволяющий историку исследовать как основные направления деятельности комиссии, так и представить себе черновую, будничную работу по просмотру и отбору архивных дел для губернского исторического архива, комплектованию библиотеки, изданию «известий», собиранию предметов для исторического музея и т. д. [2].

Эта же группа источников детально характеризует научную деятельность членов комиссии, специфику «разделения труда» между ними: занятия археографией и археологией, устройство музея и библиотеки, изучение общей истории края и отдельных ее тем, издание трудов комиссии.

Крупной заслугой КУАК является сохранение многих местных архивов губернских и уездных учреждений, хранящихся ныне в ГАКО. О постоянной археографической работе калужских историков свидетельствуют материалы фонда КУАК (оп.2, д.50, 51), представляющие собой ответы сотен учреждений края на запрос комиссии о состоянии их архивов.

По документам переписки можно изучить отношения между КУАК и другими архивными комиссиями России, многими вид-

ными отечественными историками. Так, в фонде КУАК хранятся подлинники писем С.А. Белокурова, А.Ф. Бычкова, Д.Н. Анучина, И.Е. Забелина, А.С. Лаппо-Данилевского, В.О. Ключевского, Д.А. Корсакова, Г.К. Лукомского, А.В. Орешникова, В.Н. Сторожева, Б.А. Тураева, М.Т. Преображенского, А.И. Успенского, Г.И. Холмогорова и др. [3].

С начала XX в. параллельно с КУАК в сфере изучения исторического прошлого Калужского края работало Калужское церковное историко-археологическое общество (КЦИАО), образованное 4 марта 1901 г. [4]. Возникновение этого и других подобных ему церковных исторических обществ в других губерниях России было вызвано стремлением фундаменталистских кругов православной церкви противопоставить революционному брожению, охватившему страну в первые годы нынешнего столетия, религиозность и другие духовные ценности, адекватно отвечающие русскому духу. Эта борьба с разлагающими общество идеями и соответствующей им общественной практикой велась на поле истории края; отсюда такое внимание калужских церковных историков к истории христианизации региона, генезису и развитию самостоятельной епархии, истории борьбы с расколом и сектантскими течениями. Основными направлениями изучения истории региона были также памятники культового зодчества, древнейшее население края, духовные корпорации (монастыри) края, древнейшие города, села, приходы и храмы, русские писатели и Калужский край, Отечественная война 1812 г. [5].

К сожалению, среди документов ГАКО почти не сохранилось материалов КЦИАО, не считая отдельных дел в фондах учреждений духовного ведомства [6]. Тем не менее возможно с достаточной степенью полноты воссоздать картину деятельности этого общества, используя публикации в периодической печати (устав, список членов-учредителей, отчеты о деятельности, обращения к населению, протоколы отдельных заседаний, программу для составления историко-статистического описания церкви Калужской епархии и др.) [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф.47, оп.1, д.1, л.10-12а; оп.2, д.35. Известия КУАК. Вып. XX, - Калуга, 1910. С.102-104.
2. Там же, оп.1, д. 13469, оп.2, д. 1,13,20,28,33; оп.3, д.2.

3. Там же, оп.1, д.123,7,8; оп.2, д.4,5,6,17; оп.3, д.5.
4. *Извеков В.И.* От Калужского церковного историко-археологического общества. Калуга, 1901. С.1.
5. *Бауэр А.А.* Роспись содержания продолжающихся изданий КЦИАО «Калужская старина» и «Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г.» // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.2, ч.2. - Киров, 1995. С.83-87.
6. ГАКО, Ф. 65 (Калужская духовная семинария) и ряд других.
7. Калужский церковно-общественный вестник. 1909. №22-23,24,28,29-31; 1910, № 31-33; 1911, 31-2.
8. Калужская старина. Т.1, кн.1. Калуга, 1901. С.3-18; Т.3 (1903). С.4-6 (паг.4-я); Т.6 (1911). С.1-22(паг.10-я).

И.В. ЛЫСЦЕВА

Исторический опыт взаимовлияний и взаимосвязей музея и исторического краеведения в Калужском крае (1917-1940 гг.)

Взаимосвязи и взаимодействия исторической науки и музея - проблема многоплановая. Ее изучение предполагает выявление сложного комплекса вопросов общественного развития: социально-политических, культурных, образования и просвещения.

Исходя из понимания исторического краеведения и музееведения как научных дисциплин, автор ставит перед собой задачу рассмотреть проблему взаимосвязи и взаимодействия исторического краеведения как части исторической науки и музея как социального института с функциональной спецификой деятельности, обращенной к материальной культуре. Рассматриваются также тенденция развития взаимосвязей исторического краеведения и музея, формы и уровни этих взаимодействий с 1917 по 1940 гг.

История областного краеведческого музея за сто лет его существования тесно связана с историей краеведческого движения. В 1919 г. Калужское общество изучения природы и местного края (КОИМК) совместно с обществом истории и древностей (КОИД), объединившие свыше ста калужских краеведов, выступили инициаторами создания губернского краеведческого музея на базе уже существовавшего Исторического музея (1897), возникшего вместе с утвержденным в 1891 г. краеведческим об-

ществом - Калужской Ученой Архивной Комиссией (КУАК). В 20-е гг. перед общественным краеведением и калужскими губернскими комитетами по делам музеев (губмузеями) встала проблема создания сети музеев.

Становление музеев в первые десятилетия Советской власти в Калужском крае выявило различные уровни взаимозависимости музейной деятельности в зависимости от состояния краеведения, развития профильной науки и государственной политики музейного строительства. Разнообразны были формы взаимосвязи исторического краеведения и музея: публикации, издательская деятельность, собирательская совместная работа. Документы о музеях Калужского края из архива Исторического музея и данные справочников по музейной сети 1925 и 1927 гг. характеризуют региональные музеи как учреждения историко-краеведческого и историко-художественного профилей, отражающих определенные направления, сложившиеся в историческом краеведении. Это были государственный историко-мемориальный музей Оптиной пустыни (год образования 1919), Боровский государственный историко-художественный и краевой (1922), Малоярославецкий музей местного края (1919), Тарусский музей местного края (1920), Калужский исторический музей (1897). Музеи в Боровском монастыре и Оптиной пустыни находились в подчинении Главного Управления научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука). В процессе реорганизации музейной сети в 20-е гг. эти музеи определяются как родственные по задачам краеведческому музею, что внесло противоречивые тенденции в их развитие: в 1925 г. они подчиняются губмузеям, а к началу 30-х годов их расформировывают. Уникальные монастырские коллекции передают в московские, калужские музеи, библиотеки, архивы. Происходит и механическое объединение музеев. Так, в целях приближения местных малых музеев к краеведческому профилю, а также упорядочения музейной сети в 1924 г. все имеющиеся в Калуге музеи образовали одно музейное учреждение - Калужский государственный музей.

Отметим, что с начала своего существования Калужский исторический музей рассматривался как центр объединения всех краеведческих сил региона, как научный центр изучения истории края. Устойчивая преемственность в работе сменяющих друг

друга и параллельно существующих историко-краеведческих организаций (числом семь) обеспечивала сохранение традиций изучения исторического прошлого края, его художественных и исторических памятников, этнографии края. Коммуникация создавала условия и определяла характер музейного синтеза истории, современности, природы и общества, формировала музейную специфику.

Идеологическая реакция 30-х гг. отразилась на политике культурного строительства. Административно-командная система государственного управления, жесткая централизация привели к ликвидации краеведческих обществ, их органов печати в центре и на местах. Руководство краеведческой работой перешло к Наркомпросу. Негативные явления в общественной жизни страны, каноны «краткого курса ВКП(б)», довлеющие на культурные сферы жизни общества, отразились на уровне музейной коммуникации.

В 1937 г. было ликвидировано калужское бюро краеведения (1930-1937), осуществлявшее взаимосвязь общественного краеведения с музеем. Краеведение становится уделом узкого числа профессионалов, энтузиастов: музейных работников, педагогов. Краеведение «официально» прописывается в музеях и библиотеках.

Вышедшее в 1937 г. Типовое положение о краеведческом музее регламентирует его деятельность, изменяет статус музейной деятельности: музей рассматривается как «комбинат политико-просветительной работы», «орудие по коммунистическому воспитанию». Государственная политика музейного строительства 30-40-х гг. выхолащивала одну из важнейших функций музея - документирование общественного процесса.

Таким образом, исторический анализ контактов музеев Калужского края с научными организациями и общественным краеведением в период с 1917 по 1940 гг. позволяет сделать вывод о своеобразии взаимосвязей и взаимовлияний музея и краеведения на региональном уровне. Связанные общим предметом изучения, общество краеведов и музеи края становятся звеньями одной системы: «Историческая наука - краеведение - музейное дело». Любые нарушения в системе коммуникации, а также изменения официальной политики отрицательно сказываются на формировании музейной специфики и развитии культуры в крае.

А.Е. ЗАЙЦЕВ

Микротопонимия как дополнительный источник краеведения

Географические названия, известные на ограниченной территории (микротопонимия), - хороший дополнительный краеведческий источник. В данном сообщении использованы «Описания и алфавиты к Калужскому Атласу» - ч. I, II, СПб., 1785; сб. «Калужская старина» - Т. Т. 4, 5, 6. Кадуга, 1904, 1910, 1911 (о церковных десятинах); подготовленные С. Ермаковым документы «Боровский уезд в XVII веке. (Материалы дозора 1613 года). М., 1992; информация по Мосальскому району, собранная автором у старожилов. Основные справочные пособия: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (издания разных лет), «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева (М., 1984).

В указанных источниках есть общеупотребительные географические термины, но с уточняющими определениями. Так, земля в различных калужских уездах и станах была: пашенная, выгонная, селитебная, оброчная (на которой крестьяне «тянули тягло» в виде оброка), отхожая (не входившая в тягловый надел), усадебная, церковная, вотчинная (переходившая по наследству), дворцовая (принадлежавшая дворцам как типу поселений) и другая. Лес назывался: дровяной, строевой, раменный (около пашни или боровой), бортовой (где добывали мед диких пчел), въезжий (особого вида пользования). Луга обычно носили собственные имена: Косой, Кобылей, Марьин, Княжей. То же сенокосы: Медянка, Серебряной, Смолевые, Заливы (т. е. заливные на берегах Угры и Течи).

Мелкие ручьи, помимо человеческих имен, прозвищ и фамилий, отражали характерные черты местности, свойства воды и даже хозяйственное назначение: Мокровский, Хвощинский, Звижжалка (от «здвиж» - трясина, топкое место), Гнилой, Теплый, Черный, Посконный (в нем мочили коноплю - посконь). В бывшем Серпейском уезде встречался термин «поток» - небольшая речка, ручей: Амшаров /болотный/, Грязный, Малый.

С точки зрения исторической географии интересен термин «верх». На рассматриваемой территории он выступает в формах «верх - вершина - отвершек - вывершек»: Глубокий верх, Крутая вершина, Паханый отвершек. Корень поменял свое значение на

прямо противоположное и, по-видимому, косвенно подтверждает закарпатское происхождение. А это, в свою очередь, может быть связано с проблемой расселения славянских племенных групп вятичей и кривичей смоленских, которые, по ряду гипотез, пришли сюда из Закарпатья и переосмыслили некоторые географические понятия на новой почве.

Обычен термин «овраг»: Змеиный, Крутой, Брусна (с камнем-песчаником), Вирский («вир» - водоворот или омут в водотоке), Святой колодезь (здесь «колодезь» - источник, родник), Большой. А вот близкий по семантике «рог» встречается в единичных случаях: Большой и Малой Рога в Жиздринском уезде, Бараньи Рога - в Мосальском.

Из редких, забытых ныне терминов отрицательных форм рельефа отметим «жир» (пойма или сырая земля), разлой (затапливаемое место), «ендова» (котловина, понижение круглой конфигурации), «болонь» (низина, пойма), «окат» (грязь), «казан» (впадина): Жировский овраг и ручей, сенокосы в Разлоях, Ендовища, Аболонье, Окатово, Казанка.

Другие редкие термины: «жеребей» (пай земли), «вздынь» (подъем в гору), «ковылина» (изгиб, извилина), «дуры» (дикие, непроходимые места), «маковка» (возвышенность): «...а жеребей того села за нимъ же въ поместье», церковь на Вздыни, речной плес Ковылина, пустоши Дурыхина и Маковец.

Богатейший материал дают названия пустошей - так определялись незаселенная или покинутая земля, а также покосы на пашне. Эти названия заключали в себе имена владельцев, особенности рельефа, растительного и животного мира. Видятся в них и обычные крестьянские занятия: Кузня, Пильня, Лубенка, Бортники, Мельницы, Осетница и Ослонища (приспособления для сушки снопов). Очень ценны указания на древнейшую подсечно-огневую систему земледелия, когда под пашню выжигали и расчищали лес и кустарники: Ажарищи, Жеглища, Доры (от «драть землю»), Асечна, Старая Росчисть, Теревень (от «теребить» - корчевать), Антоновы Ляды (со множеством значений, в том числе земледельческих), Кулиги (корчевка в отдаленном лесу), Корь и Крѣвая дорога (заросшее, расчищенное ранее место).

Наконец, в старинных источниках зафиксированы звуковые колебания при становлении современного русского литературного языка во времена «борьбы» северного оканья и южного аканья,

взаимодействия различных говоров. Например: верьх - верх, овраг - враг, селцо - сельцо, пустошь Есенок - Ясенки, слобода Емская - Ямская, стан Заяцкий - Заецкий - Заецкий - Заацкий, речка Медынка - Мядынка, волости Обрамовская - Абрамовская, Ывановская, землевладельцы Михаил Ондреевич - Михаил Андреевич Голицын, Жюков, Щюкин, угодье Вострый Конец.

Таким образом, краеведы, изучая микротопонимию, могут работать по нескольким направлениям - историческому, географическому, языковедческому.

А.В. ТКАЧЕНКО

Дополнения к своду типов медных пул из Калуги

В 1994 г. сотрудниками Калужского музея ремесла, архитектуры и быта была закончена многолетняя работа по составлению свода типов русских медных монет-пул второй половины XV - начала XVI вв. За прошедшие с той поры годы были открыты неизвестные ранее типы монет этой группы, которые более полно дают картину местных товарно-денежных отношений и экономических связей с другими городами и землями позднесредневековой России. В процессе выявления неизвестных ранее монет была проведена работа по дообследованию и уточнению процентных отношений количества медных монет различных центров чеканки в общем составе монетных находок за 1994 - 1996 гг. Всего просмотрено и определено 376 пул калужского происхождения. Из них: московских - 272 экз. или 72,5 %, тверских - 84 экз. или 22,3 %, новгородских - 17 экз. или 4,4 % и неопределенных, фальшивых, без указания места чеканки - 3 экземпляра.

Основную массу монетных материалов составили ранее выявленные типы пул, среди которых были монеты полной сохранности и высокого качества чеканки. Для определения монетных типов денег использована классификация пул, предложенная в начале 80-х гг. П.Г. Гайдуковым (см. рис.).

Свод московских пул пополнился типом VI. Л.с.: двуглавый орел грубого рисунка с распростертыми крыльями. О.с.: трехстрочная надпись, отчеканенная сильно изношенным штемпелем, читаемая так: /ом /ов.../ое. Пул/о моск/овьск/ое. 4 экз. 0,31; 0,35; 0,39; 0,44 г. Рис. VI.

Таблица I.

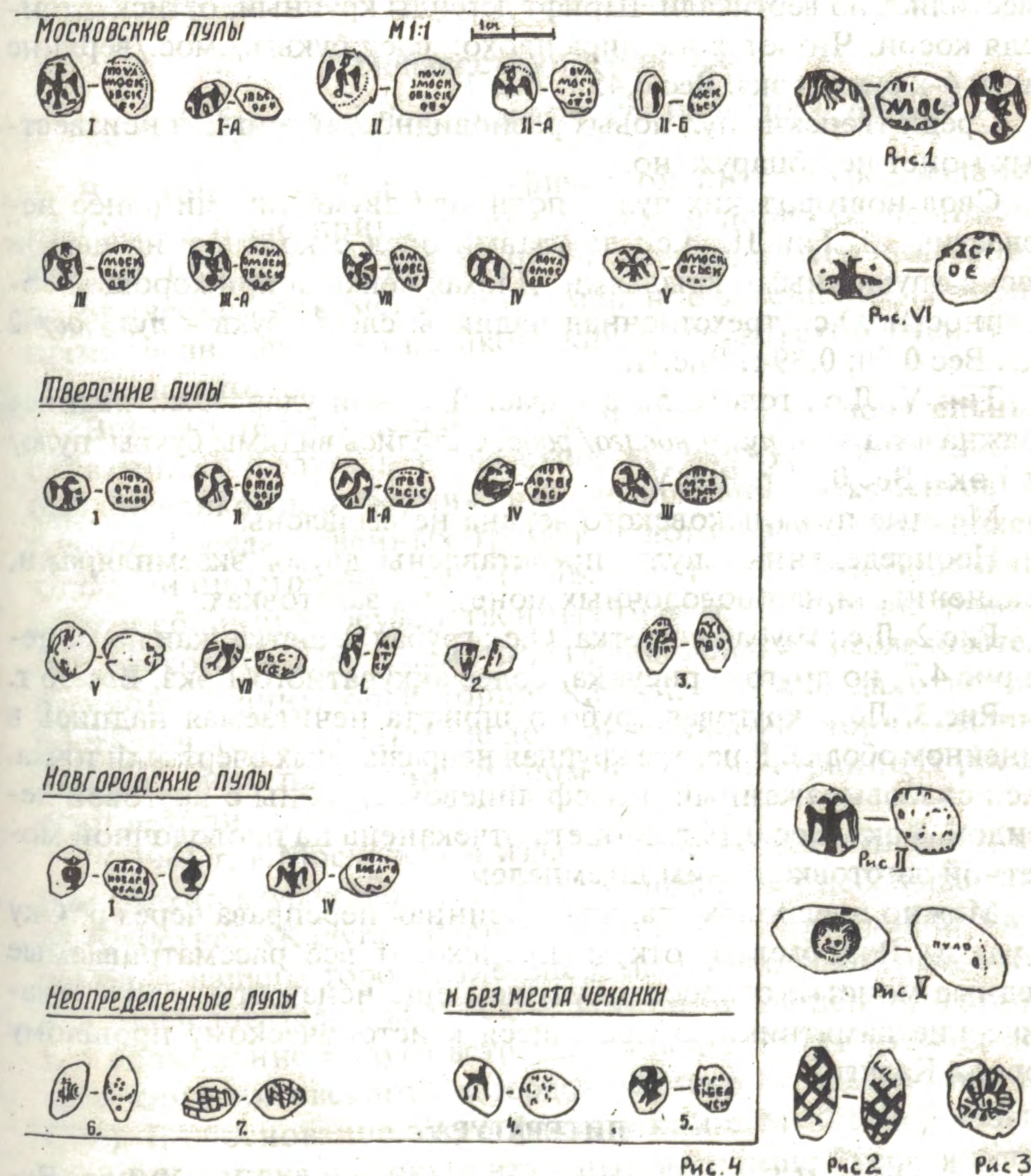


Рис. I - медное пуло Московское, Рис. IV - медное пуло Московское, Рис. II - медное пуло Новгородское, Рис. V - медное пуло Новгородское, Рис. 2 - медное пуло неопределенное, Рис. 3 - медное пуло неопределенное, Рис. 4 - свод типов медных пул по состоянию на 1994 г.

К московскому чекану отнесена монета с сиреной типа III. На лицевой стороне изображение имеет следы двойного удара, а

оборотная сторона вместила три строки от многострочной надписи монетной легенды. При этом верхняя и нижняя строки не вместились по вертикали. Шрифт легенды крупный, оттиск штемпеля косой. Читается надпись плохо: след буквы ./мос./верхние части 4-х букв. 1 экз. Вес 0,45 г. Рис.1.

Среди тверских пул новых разновидностей типов и неизвестных монет не обнаружено.

Свод новгородских пул дополнился двумя типами ранее неизвестными. Тип II. Л.с.: двуглавый орел с кольцом на шее, в фас, с опущенными крыльями. Плохая чеканка при хорошей сохранности. О.с.: трехстрочная надпись: следы букв - пул./ов/ 2 экз. Вес 0,30; 0,39 г. Рис. II.

Тип V. Л.с.: голова льва в фас. Двойной удар. О.с.: надпись должна читаться: пуло/новаго/рода. Остались видимы буквы: пуло/о/ 1 экз. Вес 0,51 г. Рис. V.

Медные пулы псковского чекана не выявлены.

Неопределенные пулы представлены двумя экземплярами, чеканенными на проволочных монетных заготовках.

Рис.2. Л.с.: грубая решетка. О.с.: грубая решетка, как на монете рис.4.7, но другого рисунка, более аккуратного 1 экз. Вес 36 г.

Рис.3. Л.с.: круговая грубого шрифта нечитаемая надпись в линейном ободке. В центре крупная неправильных очертаний точка. О.с.: слабовыраженный рельеф лицевой стороны с круговой легендой. 1 экз. Вес 0,19 г. Монета отчеканена на проволочной монетной заготовке одним штемпелем.

Можно предположить, что старинная переправа через р. Оку с улицы Воробьевки, откуда происходят все рассматриваемые медные монеты, откроет в будущем еще неизвестные нумизматические памятники, относящиеся к историческому прошлому города Калуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гайдуков П.Г.** Медные русские монеты конца XV - XVI вв. Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV. Москва, 1984. С.139-160. Т. I, II.
2. **Калинин В.А.** Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV - начала 30-х гг. XVI вв. Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сб. статей. Л., 1977. С.38,40.
3. **Ткаченко В.А.** Нумизматический анализ медных пул из Калуги. Песоченский историко-археологический сборник. Вып.2. Ч2. Киров, 1995. С.41-48, илл.24,25,26.

4. **Хухарев В.В.** Медные русские монеты конца XIV - XVI вв. Киров, 1991. С.12.

К.М. ЯРХО

Неизвестная рукопись

К 625-летней дате первого упоминания о Калуге

В исторической и географической литературе, изданной до 1961 г., было принято считать годом первого упоминания Калуги 1389 г., так как этим годом датируется подлинный исторический документ - предсмертное завещание «Духовная грамота» знаменитого великого князя Московской Руси Дмитрия Донского.

Впервые текст завещания Д. Донского со знаменательными словами: «а Колуга и Роша сыну же моему, князю Андрею» был опубликован в сборнике русских архивных документов «Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел» (СПб. Ч.1, 1813. С.54). Публикация в этом сборнике государственных грамот «Духовной грамоты» Д. Донского от 1389 г. заметно углубило знание исследователей русской старины об истории Калуги, так как дало возможность начать исчисление ее документальной истории именно с этого первого письменного упоминания на страницах российской летописи.

В 1961 г. в Московском издательстве «Госстройиздат», в серии «Архитектура городов СССР», вышла в свет небольшая книга М.В. Фехнер «Калуга», посвященная истории застройки и архитектуры нашего города, где впервые появилось сенсационное для исследователей калужской истории сообщение, что «первое упоминание Калуги встречается под 1371 г. в грамоте великого князя литовского Ольгерда» (Фехнер М. Калуга. М., 1961. С.9.). В обоснование этого факта в книге М. Фехнер «Калуга» давалась ссылка на документальный источник: Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнего русского канонического права. Ч.1. С.138.

В следующей своей книге «Калуга - Боровск», вышедшей в Москве в 1972 г. в издательстве «Искусство», М. Фехнер привела целую выдержку из грамоты литовского князя Оль-

герда константинопольскому патриарху Филофею и дала более полное и более грамотное библиографическое описание источника, в котором первое письменное упоминание о Калуге датируется 1371 годом: Русская историческая библиотека. Т. VI. Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1908. Памятники древнего русского канонического права XIII-XIV вв., сохранившиеся в греческом подлиннике. С. 138.

Отметим, что первое издание этого сборника, где содержится грамота князя Ольгерда, в котором впервые упоминается Калуга, вышло в Санкт-Петербурге еще в 1880 г. По опубликованному в сборнике посланию константинопольского патриарха Филофея митрополиту Киевскому и всея Руси Алексию, в котором патриарх ссылается на грамоту Ольгерда Гидиминовича (послание датировано 1371 г.), условно, не позднее августа 1371 г., датируется и сама грамота литовского князя Ольгерда.

Впервые она была обнаружена русским исследователем В. Григоровичем, магистром Московского университета, среди «Протоколов константинопольского патриарха» в Венской императорской библиотеке. Найденная В. Григоровичем грамота-послание князя Ольгерда патриарху Филофею была переведена им с греческого на русский язык и опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» № 6 за 1847 г. вместе с полным греческим текстом послания. Однако письмо князя Ольгерда в точном переводе В. Григоровича не имеет даты. Лишь после оживленной дискуссии калужских краеведов к началу 70-х гг. нашего века была принята дата первого упоминания о Калуге (1371 г.) в соответствии со второй публикацией письма Ольгерда в VI томе первой части «Русской исторической библиотеки» («Памятники древнего русского канонического права»).

Не все калужские краеведы разделяли мнение о том, что первое упоминание о Калуге, датируемое 1371 годом, достаточно обосновано источниковедческими аргументами.

М.В. Фехнер не первой обратила внимание на эту историческую дату. Краевед Сергей Васильевич Бессонов, исследуя исторические материалы, нашел грамоту князя Ольгерда патриарху Филофею и, ссылаясь на этот документ, выдвинул свою оригинальную версию возникновения Калуги (ГАКО, ф.р-3562, оп.1, ед.хр.41).

В своей неопубликованной работе «Калуга. Историко-архитектурный очерк» (1950) профессор С. Бессонов указал на малоизвестное и забытое письмо князя Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею, в котором содержится жалоба на захват москвитянами литовских городов, и среди них Калуги, и на митрополита Киевского и всея Руси Алексия, поддерживавшего действия московских людей и снявшего с перебежчиков литовской службы на московскую сторону «крестное целование».

В этом послании князя Ольгерда, которое С.В. Бессонов датирует 1371 г., в перечне городов, захваченных московскими людьми, упоминается город Березуй и город Калуга, стоящие в конце списка рядом. Основываясь на этом источнике, С. Бессонов в своем труде приходит к выводу о существовании во второй половине XIV в. на территории современной Калуги 2-х городов: Березуя и собственно Калуги. Калуга, считает С. Бессонов, первоначально находилась на городище близ речки Калужки и входила в состав Тарусского княжества. Одновременно с Калугой существовал город Березуй, находившийся на месте нынешнего городского центра Калуги (Парк культуры, сквер Ленина) и берега Березуйского оврага, по которому протекала речка Березуйка. В 1456 г., сообщает в своей рукописи С.В. Бессонов, ссылаясь на «Литовскую хронику», литовский гетман Кишка напал на Калугу, опустошил и спалил ее. Калуга, по выводам автора рукописи, на устье речки Калужки с того времени перестала существовать и была перенесена на место Березуя, города на Березуйском овраге. А Березуй, или в другой транскрипции Березуеск, потерял свое название и стал именоваться Калугой.

Содержание и выводы книги С. Бессонова «Калуга. Историко-архитектурный очерк» излагаются нами не по первоисточнику, т. е. самой рукописи, а по реконструкции ее на основании материалов личного фонда краеведа Н. Маслова.

Какой можно дать комментарий к бесспорно интересному труду профессора С.В. Бессонова? Нужно знать полный текст рукописи, все ее содержание и доказательства.

Представить два средневековых города на территории современной Калуги вполне возможно.

Следует отметить, что определенные стародавние представ-

ления среди калужан о двух городах, бывших некогда на территории Калуги, нашли отражение в таком документе, как ответ в 1760 г. канцелярии Калужской провинции на Указ Правительствующего Сената (Летопись Калужская. Репринт. Калуга, 1991. С.63.)

Вполне вероятно, что рукопись маститого ученого находится в московских архивах и ждет исследования, которое прольет свет на многие, пока еще не объясненные факты.

А.В. ЕВГИН

Козельск в оборонной системе

Московского государства в XVI - XVII вв.

Окончательно присоединенный к Московскому государству в 1494 г. Козельск не утратил своего стратегического значения как города порубежного, пограничного и в последующие века. Напротив, значение его в оборонной системе Московского государства XVI - XVII вв. трудно переоценить. Определялось оно, прежде всего, его географическим положением.

В своей работе мы остановились на вопросах, не нашедших должного освещения в исторической и краеведческой литературе, но существенно расширяющих и дополняющих наши представления о том, как была организована защита южных границ на одном из звеньев оборонной системы Московского государства - на Козельской земле:

1. Козельское городское казачество, его история и роль в защите южных окраин Московского государства.
2. Козельские засеки как составная часть единой Засечной черты Московского государства.

Разделив свое государство на опричнину и земщину, Иван Грозный много времени и сил отдает восстановлению засек опричных городов, в том числе и козельских. Так, за 3 года он дважды побывал на козельской земле. Видимо, этот объезд был досмотром Засечной черты, если не всей, то большей ее части. Досмотр был приурочен к завершению работ, которые свидетельствовали об окончательном формировании Засечной черты в 1566 г.

Таким образом, неудачные военные действия с крымцами в 1571 г., связанные прежде всего с потерями в обороноспособности страны (сокращение числа ратных людей из дворян как результат опричнины), а также формирование единой Засечной черты, охрана которой требовала значительных воинских сил, как нам представляется, послужили толчком к реорганизации воинской службы, выразившейся в привлечении для несения городской службы служилых людей «по прибору» - городских казаков. Все вышесказанное позволяет нам считать конец 60-х - начало 70-х гг. XVI в. временем основания Казачьей слободы в Козельске.

Численность городских казаков пополнялась за счет выходцев из обнищавшего дворянского сословия - городских дворян «худого» рода, дворян мелкопоместных и беспоместных, не сумевших предстать на дворянском смотре «конным, людным и оружным». Среди них были и представители древнейших княжеских родов, ведущих родословную от Рюрика. Но во все времена запрещалось «верстать» в городские казаки холопов и беглых крестьян, дабы не подрывать экономическую основу государства.

В мирное время городские казаки несли службу на специально созданных засекренных постах - тайных местах, притонах, где бдительно следили, не появятся ли разъезды врага. Со второй половины XVI в. они несли сторожевую службу и на Козельских засеках, включенных в единую Засечную черту Московского государства.

Во время «смуты и нестроения» казаки, активно участвовавшие в войне на стороне самозванца, были частью истреблены, многие уведены в плен в Литву в 1610 и 1616 гг. или примкнули к казачьим отрядам запорожцев-черкасов Лисовского, Чаплинского, Сагайдачного. Прочие разбрелись кто куда, спасаясь от голода. Станичная и сторожевая служба как один из элементов оборонительной системы на южных окраинах пришла в упадок.

Стараниями воеводы З.Г. Яковлева, видимо, сумевшего донести свои тревоги государю, в 1620 г. в Козельск прибыли 125 казаков во главе с атаманом Павлом Борисовым из Можайска и Ярославца Малого, вновь заселивших опустевшую было Казачью слободу. Распоряжением государя они переведены были в разряд «беломестных», т. е. освобождались от всех налогов и податей. В 3

- 15 верстах от города они получили земельные «дачи», позволявшие им иметь средства для выполнения служебных обязанностей. До 1649 г. некоторые из них торговали.

После восстановления Засечной черты в 1638 г. по специальной повинности козельские казаки обязаны были нести службу на ее укрепленных городках вплоть до XIX в.

Засечная черта протянулась от Рязани на Тулу, верхнюю Оку при впадении в нее Упы, Белев, Жиздру. В опасных местах она удваивалась (между Тулой и Веневом), утраивалась (между Белевом и Лихвином). В Козельской земле, между Белевом и Перемышлем, Засечная черта даже учетверялась.

Козельские засеки распадались на 4 отдельных звена: засеки Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую, Сенецкую. По расчетам Разрядного приказа, разрабатывавшего планы размещения на засеках вооруженных сил, на 90 верст Козельских засек с их 4 воротами необходимо было выставить 1400 ратных людей.

Козельским засекам посвящены шесть дозоров Разрядного приказа. Дозоры 1632 г., 1656 г., 1657 г. содержат описание укреплений засек. Топографические указания находим в договорах 1656 и 1657 гг.

Подводя итог сказанному выше, мы можем отметить, что козельские засеки, возникнув в удельный период Козельского княжества как одно из укреплений на дальних подступах к городу, затем были включены Иваном Грозным в связную, сплошную систему обороны - Засечную черту. В XVI - XVII вв. козельские засеки, учетверенные, что указывало на расположение их в наиболее опасном и важном с точки зрения обороны месте, надежно защищали «крымския украины» от набегов татар, о чем свидетельствуют единичные случаи прорыва врага на этом направлении.

Козельские городовые казаки, зачисленные на службу в конце 60-х - начале 70-х гг. XVI в., обязаны были нести станичную и сторожевую службу на всех 4-х звеньях ее: Столпицкой, Дубенской, Кцынской, Сенецкой.

Восстановленная после разорения в Смутное время царем Михаилом Федоровичем в 1638 г. Засечная черта Московского государства (и козельские засеки в частности) не потеряла своего оборонного значения вплоть до начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Боярский В.Л.** На стороже Руси стояти. М., 1992.
2. **Буганов В.И.** Очерки истории классовой борьбы в России XI - XVIII вв. М., 1986.
3. ГАКО, ф.261, оп.5, д.25.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М. - Л., 1950.
5. Засечная черта Московского государства. (Записки отд. русск. и слав. Археологии. Т.XII. М., 1916.
6. Известия Калужской Архивной Комиссии. Калуга, 1901.
7. **Кавелин Л.** Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни.
8. Летопись Калужская. Калуга, 1991.
9. **Малинин Д.И.** Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992.
10. Московский летописный свод к. XV в. ПСРЛ. Т.XXV. М. - Л., 1949.
11. **Новосельский А.А.** Борьба Московского государства с татарами в XVII в. - М. - Л., 1948.
12. **Платонов С.Ф.** Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв. М., 1995.
13. **Скрынников Р.** Далекий век. Л., 1989.
14. **Скрынников Р.** Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988.
15. Софийский Временник. Ч.II. М., 1821.

В.И. ОСИПОВ

Боровск в Смутное время (1600 - 1618 гг.) и его восстановление

В конце XVI в. усилилось крепостное право. В 1601 - 1603 гг. в стране свирепствовал голод, вследствие этого обострились отношения крестьян с помещиками. Начались крестьянские волнения. Народные массы, выступавшие против феодального гнета «за хорошего царя», поддержали авантюриста Лжедмитрия I.

После смерти Лжедмитрия I в мае 1606 г. крестьянские восстания не прекратились. Восставших возглавил Иван Исаевич Болотников. Из Путивля восставшие направились к Москве. В сентябре 1606 г. армия И.И. Болотникова вступила на территорию Калужского края. За очень короткое время на сторону И.И. Болотникова перешли города Калуга, Козельск, Перемышль, Серпейск, Малоярославец, Боровск и др.

В мае 1607 г. царские войска потерпели поражение от войск И. Болотникова на Пчельне. Один из царских отрядов в панике бежал к Боровску.

После Лжедмитрия I польские и русские феодалы выдвинули нового самозванца - Лжедмитрия II. На сторону Лжедмитрия II перешли некоторые западные города калужской земли, в том числе и Калуга. Весной 1608 г. самозванец двинулся на Москву и, разбив царские войска под Болховом, расположился под Москвой в селе Тушино. К январю 1610 г. лагерь распался, и Лжедмитрий II вынужден был бежать в Калугу, жители которой оказали ему радушный прием. Весной 1610 г. Лжедмитрий II, собрав новое войско, двинулся на Москву. В июле он подошел к Боровску. До прибытия самозванца в городе за стенами деревянной крепости находился гарнизон московских стрельцов в количестве 800 человек, возглавляемый князем Михаилом Волконским. Но князь Волконский понимал, что обороняться в Боровске неудобно, так как часть жителей поддерживают самозванца и считают его настоящим царем. Вместе с гарнизоном и частью жителей он переходит под защиту стен Пафнутьев-Боровского монастыря. Оборона монастыря была упорной, но тем не менее враг прорвался, и весь гарнизон был перебит, а князь Михаил Волконский погиб в соборе Рождества Богородицы. Монастырь был полностью сожжен и разграблен. Основным источником сведений о взятии Пафнутьева монастыря является «Новый летописец» (первая треть XVII в.). По летописной версии, монастырь взят вследствие предательства, при этом погибло 12 тысяч защитников. Однако есть документы, в которых приводятся иные данные. В журнале Я.П. Сапеги записано: «*Нападение на монастырь св. Пафнутия. Войска убито 4909 человек. Гусарская конница, сошедши с коней содействовала овладению монастырем, который разорен до основания*».

Сохранилась роспись войск Лжедмитрия II, когда он вышел из Калуги в Москву. В пяти полках насчитывалось около пяти тысяч человек. Если бы при штурме монастыря потери Лжедмитрия II составляли 4909 человек, он бы не смог продолжать свой поход на Москву. Следовательно, количество убитых, названное Сапегой, относится к обеим сторонам.

Некоторые источники сообщают, что вместе с Михаилом Волконским монастырь обороняли 500 - 800 стрельцов. За его стенами находились 50 монахов и укрывшиеся местные жители.

В память этого события в 1777 г. городу Боровску был дан герб, на котором изображен серебряный щит, в центре его сердце с золотым крестом, окаймленное зеленым лавровым венком.

Самозванец дошел до с. Коломенское, где он узнал о свержении царя Василия Шуйского и провозглашении на московском престоле польского королевича Владислава. Лжедмитрий II вынужден был возвратиться в Калугу, где в декабре 1610 г. был убит на охоте князем Петром Урусовым.

После смерти Лжедмитрия II и изгнания польских войск из Москвы война с Польшей продолжалась до 1618 г. Территория Калужского края не раз подвергалась нападению польских захватчиков. В борьбе с ними участвовал князь Дмитрий Пожарский.

По указу царя 1617 г. князь Дм. Пожарский со своим полком находился в Калуге. В 1618 г. во время похода польского королевича Владислава на Москву произошла встреча польских и русских полков под Боровском. Русские войска проиграли битву. Отряд В.П. Ахмашукова-Черкасского соединился под Боровском с пришедшими из Калуги от князя Дм. Пожарского передовыми казаками и дворянскими сотнями. Головы и казачьи атаманы не захотели подчиниться князю (не дождались прибытия Пожарского и его главных сил). Во время боя, происходившего в семи верстах от Пафнутьева монастыря, русские войска действовали разрозненно и были разбиты. «*Их же топташе до Пафнутьева монастыря, едва воевода уйде в Пафнутьев монастырь. Многих же московских людей побииша: одних смолян убита шестдесят человек, а князь Дмитриева полку Михайловича Пожарского убииша полтораста человек*». После 1618 г. военных действий на территории Боровского уезда не было.

УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ БОРОВСКУ В 1610 г.

Трудно с большой точностью определить ущерб, причиненный Боровску войсками Лжедмитрия II в июле 1610 г., но показать реальную картину вполне возможно. В 1621 г. Ильей Васильевичем Чемесовым и подьячим Василием Прокофьевым была составлена Дозорная книга г. Боровска. При описании дворовых мест, которые раньше были жилыми, они указывали причину их запустения. В основном, это были брошенные дворы, хозяева

которых покинули эти места, или сожженные дворы, чьи владельцы *«побиты в Пафнутьеве монастыре в 118 г.»*.

Боровск в XVII в. состоял из городища, где находились крепость и административные дворы посада и слобод. Часть слобод принадлежали Пафнутьеву монастырю, но со второй половины XVII в. были отписаны к посаду. Поэтому будем рассматривать Боровск как единое целое, которое включает посад и слободы без владельческой их принадлежности.

Боровск в 1610 г. имел на городище деревянную крепость с шестью башнями (две башни имели ворота), 16 церквей (в т. ч. 2 каменные), из которых 6 было сожжено. Сожжены были монастыри: Рождественский (храм, кельи, ограда), Покровский Высоковский (каменный храм, кельи, ограда). Пострадали, в основном, слободы, принадлежавшие Пафнутьеву монастырю: Мякишевская, Мельничная, Высоковская, Никольский погост, а также государственные слободы - Ямская и Пушкарские. В монастырских слободах были сожжены 34 двора, а люди в монастыре перебиты. В Мельничной слободе сожжена мельница и разрушена плотина. Ямская слобода была уничтожена полностью (40 дворов), а *«ямские охотники побиты в Пафнутьевом монастыре, а иные разбрелись неизвестно»*. Больше эта слобода не восстанавливалась. В Пушкарской слободе сожжено было только 6 дворов. В различных местах посада были сожжены 64 двора. (Только в Рождественском приходе писцы отметили, что владельцы 14 сожженных дворов побиты в Пафнутьевом монастыре).

Таким образом, войсками Лжедмитрия II было сожжено 6 церквей и 138 дворов. Большая часть их владельцев погибла, спасаясь за стенами монастыря. В Боровске осталось 123 двора. 53% городских построек было уничтожено.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОРОВСКА

Почти 20 лет город и уезд залечивали раны, нанесенные в Смутное время.

В 1621 г. дозорщик Илья Васильевич Чемесов переписал посад и слободы Боровска. Он отметил, что деревянная крепость не пострадала. Из писцовой книги 1625 г. видно, что *«город (крепость - В.О.) Боровеск на реке Поротве, рублен городнями; у города двои ворота - одни косые к торговищу с двумя затворами, да*

перед ворота зарублены тарасы, а у тарасов щит опускной, а другие ворота к реке к Паратве прямые с одним затвором; а на обеих воротех башни, да на городе 4 башни глухих, да у города ж к реке тайник, в длину города 115 саж., а поперек 50 саж.». На посаде (улицы Пятницкая, Егорьевская, Вострый конец; приходы Спасский, Успенский, Воскресенский, Рождественский, Фроловский и на Московской дороге) насчитывалось 6 церквей, 6 мест церковных, 7 дворов церковнослужителей, 10 келий, 54 двора посадских людей. Всего 61 двор. (На этой же земле насчитывалось и 60 мест дворовых, которые не были восстановлены). В слободах насчитывалось 5 церквей. В Рождественском монастыре была восстановлена ц. Рождества Христова. В Покровском монастыре вместо уничтоженной каменной ц. Покрова была восстановлена деревянная церковь. В Пушкарской слободе было 10 дворов и 6 мест дворовых. В различных приходах посада имелось 24 двора служилых, духовных и светских лиц и 15 мест дворовых. В 1618 г. появляется новая служебная слобода Казачья. Место под нее было отведено за р. Протвой. Но часть казаков (от 1 до 5 дворов) были поселены в различных частях посада. Всего же было построено 45 дворов - атаману, есаулу, десятнику и 42 рядовым казакам. Вторую часть города составляли слободы Пафнутьева монастыря: Мякишевская, Мельничная, Никольский погост и приписанная в 1617 г. Высоковская слобода. Здесь имелось 4 двора монастырских (4 чел.), 23 двора монастырских служебников (25 чел.), 4 двора жилецких людей (6 чел.), 18 дворов бобыльских (30 чел.). Итого - 49 дворов. Имелось на этой земле 34 места под строительство дворов. Таким образом, на территории города в 1621 г. находилось 11 церквей и 165 дворов, что составляло 63 % от довоенного уровня. Город за десять лет залечил раны только на 10 %. (Восстановление произошло, в основном, за счет создания новой Казачьей слободы).

В 1625 г. проводилось описание посада Боровска Иваном Петровичем Турским. В описание не попали служебная Казачья слобода и слободы Пафнутьева монастыря - Мякишевская, Мельничная, Высоковская, Никольская. Согласно этому описанию, в городе существовала деревянная крепость, в пределах которой находилось две церкви - Благовещения (деревянная) и Никольская (каменная), воеводский, осадный дворы, две *«государевы*

житницы». На посаде было 8 церквей и 113 дворов. Ввиду того, что восстановление жилых домов - процесс продолжительный, можно предположить, что увеличение их количества в слободах Пафнутьева монастыря в период с 1625 по 1630 гг. было незначительно. В эти годы проводилось описание слобод Пафнутьева монастыря Василием Колычевым. По его описи, в Мякишевской, Высоковской, Никольской и Мельничной слободках насчитывался 71 двор. Всего на территории Боровска в 1625 - 1630 гг. было 14 церквей, 226 дворов.

Итак, к 1630 г. в Боровске было восстановлено 87 % домов по отношению к 1610 г.

В.Д. ЛАГУТИН

Из истории школьного обучения в Калужском крае в XVII в.

Если теперь жизнь каждого юного калужанина начинается со школы, то многие столетия назад, начиная от поселения вятичей в верхнем Поочье, учителем и наставником детей была семья.

Грамотность, умение читать и писать не являлись необходимостью. В быту существовали даже такие пословицы: «Грамотей не пахарь, не работник», «Не будь грамотен, а будь памятен» или «Люди мы неграмотные, а пряники едим писанные» и т. п. (Даль И.В. Толковый словарь. М., 1956.).

С возникновением государства, в особенности после принятия христианства, появляется потребность в грамотных людях: священнослужителях, писарях, чиновниках, военных и других специалистах.

Для обучения этим и другим профессиям необходимы были школы с целенаправленным обучением, отвечающим требованиям государства, церкви, общества, семьи и самой личности.

Когда же и где открылась первая школа в Калужском крае?

После долгих поисков, прочтения «Повести временных лет», «Вологодско-пермской летописи», «Изборника Святославова», «Летописи Калужской», писцовой книги г. Боровска и других источников удалось установить, что в 1667 г. близ г. Боровска священнослужителем Рождественской церкви была открыта школа

для «учения детям». Кстати, следует добавить, что в г. Москве в том же году на Коровьем валу было открыто училище под названием - гимназиум.

Боровское училище первоначально располагалось в частном доме. Затем, когда число учеников значительно возросло, священник Рождественской церкви Еуфим строит для школы новое здание площадью около ста квадратных метров с квартирой для учителя. Об этом историческом факте так записано в Боровской писцовой книге: «Подле той богадельни построена школа для учения детям. Строения та школа Рождественского попа Еуфима, а земля под тою школою по мере в длину шесть сажень, а поперек - четыре сажени» (ЦГАДА, оп.1, д.18, л.315.).

Чему учили и как учили в первых церковных школах XVII в.?

Священнослужитель с помощником набирали 6 - 8 учеников в зависимости от площади обеденного стола. Родители перед тем, как отвести сына в школу, служили молебен покровителю учения Науму». Существует даже такая поговорка: «Святой Наум, наставь на ум».

Придя в школу, они кланялись учителю в ноги и договаривались о плате за учение, отдавали ребенка с родительским наставлением слушаться во всем учителя и прилежно учиться.

Учеба начиналась с первого декабря и продолжалась до Пасхи. Ученики заучивали наизусть церковно-славянскую азбуку, складывали буквы в слоги. Научившись складывать слоги, выучив положенные молитвы, переходили к чтению Часослова, Псалтыри. На дом уроков не задавали, но ученик, придя домой, должен был пересказать все, чему учили в школе. Продолжительность обучения составляла год или два, в зависимости от того, как быстро дети могли научиться читать, писать и знать молитвы. Научившись грамоте, одни впоследствии становились сами учителями, другие служили в церкви, а иные, не осилив трудного курса учения, оставляли школу.

Таково краткое сообщение об истории школьного обучения на Калужской земле в XVII в.

Дальнейшее развитие школ, зарождение системы государственного образования относится к XVIII в., так называемому веку Просвещения.

И. Н. ЮРКИН

Профессиональный состав мастеровых людей Дугненского завода Н.Н. Демидова

По материалам 1-й ревизии

Начальная история Дугненского завода Н.Д. и Г.Н., позднее Н.Н. Демидовых (Алексинский у., в настоящее время - пос. Дугна Ферзиковского р-на Калужской обл.) почти не исследована; это касается и состава его мастеровых и работных людей. Ниже приводятся сведения о квалифицированной части его персонала по материалам росписи, составленной в ходе 1-й ревизии в феврале 1723 г. (выявлена в ф. 350 РГАДА).

Согласно росписи, на заводе работали 53 человека. Фактический штат завода (по профессиям) включал: 8 мастеров (1 доменный и 7 молотовых), 8 подмастерьев (2 доменных и 6 молотовых), 11 работников (2 доменных рудных, 2 доменных угольных, 1 доменный горновой, 6 молотовых), всего 27 человек, плюс 24 работника, квалификационная характеристика которых в документе отсутствует. В числе последних большинство были непосредственно связаны с основным производством. Это лица, осуществлявшие входной контроль сырья (1 приемщик угля и 1 рудный приемщик), засыпщик, доменные литухи (трое), доменные соровщики (двое), переборщики «сора» под домной (двое), кузнецы (4 человека, из которых двое названы молотобойцами) и 2 человека по основной специальности тоже кузнецы, занимавшиеся отделкой готовых изделий (гирь). Вспомогательный персонал составляли 3 сторожа в молотовых, административно-управленческий - приказчик и писарь. Непосредственно с основным профилем производства не были связаны только 4 плотника и мельник.

Эти данные интересно сравнить с аналогичными данными для Тульского завода Н.Д., позднее А.Н. Демидовых и штатами, приводимыми в «Описании уральских и сибирских заводов» В. Геннина.

В 1713 г. работающих на Тульском заводе было почти в полтора раза меньше, чем десятилетие спустя на Дугненском - всего 35 или 36 человек. Число доменных мастеров и подмастерьев на Тульском заводе не известно: в имеющихся источниках они, по-

видимому, объединены в общую группу «мастеровые», состоящую из 5 человек. На Дугненском, напомним, в 20-е гг. был один мастер и двое подмастерьев. Явный перекося отчасти исправлялся наличием на Дугненском заводе 5 доменных работников, впрочем, мы не знаем, сколько их было на Тульском. Доменных литухов - 8 на Тулице, 3 на Дугне, молотовых мастеров - 3 против 7, подмастерьев - по 6. Судя по этим данным, на Тульском заводе, несмотря на меньший масштаб производства, больший акцент делался на производстве доменном, тогда как на Дугненском - на молотовом.

Объяснить большое число работников доменных специальностей в штате Тульского завода и малое - Дугненского можно, если предположить, во-первых, что уже в 1713 г. в Туле было две домны (уверенно утверждать это допустимо только для 1714 г.), и, во-вторых, что за год, прошедший между получением разрешения на строительство на Дугненском заводе второй домны и проведением на нем 1-й ревизии, пущена новая печь так и не была. Кроме того, нельзя не учитывать особое место, которое чугунное литье традиционно занимало в структуре продукции, выпускавшейся Тульским заводом Демидовых по заказам военных ведомств.

Ко времени 2-й ревизии штаты по основным специальностям в Туле изменились мало, в связи с чем при сравнении их со штатами Дугненского завода вырисовывается в общем сходная картина. Специфическая черта Тульского завода этого времени - развитие на нем металлообработки (замещающей свертываемое металлургическое производство), о чем, в частности, свидетельствует появление среди заводских работников трех слесарей. На Дугненском заводе 20-х гг. с его находящимся на подъеме металлургическим производством таких мастеров нет вообще.

Примечательная черта штата Дугненского завода 1723 г. - наличие в его составе целой бригады (4 человека) приезжих плотников-олончан. По всей видимости, оно связано с большими работами по реконструкции предприятия, выходящими за границы строительства одной лишь новой домны.

Определенный интерес представляет и сравнение фактического штата Дугненского завода с типовыми штатами, приведенными в упомянутой выше работе Геннина (1735 г.), отразившей накопленный за треть столетия опыт работы доменных и пере-

дельных заводов Урала. Геннин отмечал комплексный подход к формированию штата, проявившийся в том, что наряду с собственно металлургами работали и горняки, обеспечивавшие домну сырьем. На Дугненском же заводе служили исключительно рабочие металлургических специальностей. Последних было заметно меньше, чем положено по уральским штатам, что, в частности, связано с меньшими размерами домен металлургических заводов центра Европейской России.

А.А. ЗОРИН

Калужский наместник Кречетников и его окружение

Открытие Калужского наместничества в январе 1777 г. стало эпохальным событием в истории Калуги. Один из крупнейших торговых городов России становится крупным административным центром трех губерний. На влиятельнейшую должность наместника был назначен Михаил Никитич Кречетников. По рассказам современников, он имел приятную наружность, отличался энергичной деятельностью, трудолюбием и храбростью, имея доброе сердце, был высокомерен. Кроме того, имел страсть к щегольству и до преклонных лет к прекрасному полу. Кречетников окончил сухопутный кадетский корпус. Отличился в войне с Турцией, был произведен в генералы и награжден орденами. Затем последовательно был Псковским и Тверским губернатором.

При Кречетникове Калуга стала коренным образом перестраиваться по регулярному плану, был открыт театр, начала действовать типография.

Подбор чиновников наместник осуществлял по знакомству и родственным связям. Чиновники образовывали подобие царской свиты и должны были сопровождать Кречетникова в поездках, как деловых, так и в гости к местным помещикам на охоту. Гостили по несколько дней, что было накладно для хозяев. С женой Кречетников не жил, а имел любовницу Вельяминову, которую фиктивно выдал замуж за Бунина, сделав его вице-губернатором. В 1790 г. Кречетников становится генерал-аншефом и дополнительно назначается наместником в Киев. Многие чиновники отправились за ним в Киев, а когда Кречетников стал команди-

ром корпуса, во время польской кампании 1792 г., поступили и на военную службу. Скончался Кречетников в 1793 г.

Среди окружения Кречетникова выделяются три незаурядных личности: это П.С. Батурин, П.Р. Никитин, И.Д. Ясныгин.

Петр Романович Никитин (1727-1784) родился в семье придворного художника Романа Никитина. В 1745 г. экзаменовался у Бланка, нашедшего его знания превосходными, затем учился у Д.В. Ухтомского, возглавлявшего архитектурную команду Москвы. В 1749 г. занимает первое место по рисункам и получает очень высокую оценку своих знаний самого В.В. Растрелли, становится гейзелем архитектуры. С этого времени работает под началом Ухтомского и занимается обучением учеников в его архитектурной школе. В 1760 г. после ухода Ухтомского становится во главе архитектурной команды Москвы. В 1764 г. его с лучшими московскими архитекторами направляют в Тверь для восстановления города после пожара. Приехав в Калугу в 1776 г., Никитин разработал план города, начал переустройство Калуги, построил или начал строительство многих зданий. Скончался Никитин в 1784 г. и был похоронен в Лаврентьевском монастыре.

На место Никитина был назначен Иван Денисович Ясныгин. С 1758 по 1766 годы он обучался в Академии художеств рисованию, архитектуре, математике, истории. По окончании был определен в экспедицию строений Московского кремля архитектурным помощником, работал вместе с Баженовым и Казаковым. В январе 1785 г. стал калужским губернским архитектором, определен также в штат калужской управы кварталным надзирателем. Ясныгин перерабатывает план города, приближая его к реальным условиям, продолжает перепланировку Калуги, строит или завершает строительство многих зданий, в том числе величественного Троицкого собора. Кроме того, строил триумфальные ворота для приема Екатерины II в Туле, после отъезда Кречетникова в Киев перестраивал в Чернигове Спасо-Преображенский собор, в Новгород-Северском Троицкий монастырь. Затем участвовал в польской кампании, а с 1794 г. продолжил работу губернским архитектором до своей смерти в 1822 г., похоронен был в Лаврентьевском монастыре.

Пафнутий Сергеевич Батурин - беспоместный дворянин. Начал служить в 1754 г., участвовал в Семилетней войне, попал в плен.

В 1763 г. вышел в отставку и путешествовал по Европе. В 1770 г. возвращается на службу и участвует в войне с Турцией, был ранен. В 1782 г. оставляет военную службу, а в следующем, по приглашению Кречетникова, приезжает в Калугу советником в гражданскую палату. Кроме того, возглавил театр, составил наставление для игры актеров по образцу итальянской. Сочинил несколько пьес, взяв за основу итальянские и французские. Начал собирать деньги для строительства театра, но из-за конфликта с любовницей Кречетникова отошел от театральных дел. После этого Батурин возглавил типографию. Напечатал свой перевод с немецкого сборника «Разные повествования» с приложением собственных басен, сборник «Краткая история о Аравлянах», перевод с французского поэмы «Колумб», написал собственное сочинение «Исследование книги о заблуждениях», где выступил против масонства. В своих мемуарах он весьма нелестно отозвался о чиновниках, так как гражданскую палату в то время возглавлял немец, не знавший русского языка, а советниками были немец и русский, не знавшие законов и не умевшие рассуждать о делах, управлял же в палате секретарь Борисов. В дальнейшем Батурин служил в Туле, Киеве, Воронеже, скончался в Минске в 1803 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Благово Д.** Рассказы бабушки. СПб., 1885.
2. Журнал реляций М.Н. Кречетникова // Русский город. Вып. 5, 1982.
3. Записки Батурина // Голос минувшего. 1918. №№ 1-3, 4-6.
4. ЦГИА, ф.1286, оп.1, ед.хр.80. О награждении сановников, личное дело Ясныгина.

А.В. СВИРИДОВ

О происхождении матери декабриста С.И. Кривцова Веры Ивановны

В литературе немало внимания уделено подвигу жен декабристов, добровольно последовавших за своими мужьями. В то же время мало написано о родных декабристов, которые не побоялись оказывать им помощь и поддержку. Среди них мать декабриста С.И. Кривцова, Вера Ивановна Кривцова, урожденная Карпова (ок. 1771 - 1849). Кривцов отбывал ссылку в Туруханске, считавшемся гиблым местом. По прошению матери его перевели

в Минусинск, позже он был направлен рядовым на Кавказ. Письма Веры Ивановны к сыну, отрывки из которых приведены в книге М.О. Гершензона¹, служили ему духовной поддержкой. В книге подчеркнута простота Веры Ивановны, «которая глубже и прекрасней всякой хитроумной мудрости».

Бытует несколько мнений о происхождении рода Кривцовых. По одному из них, их предки - выходцы из простого народа. Однако существующая поколенная роспись калужских Карповых, с которыми Кривцовы были связаны брачными узами, опровергает это. Ниже представлена эта роспись, в которой отец Веры Ивановны указан под номером 22 (РГИА, ф.1343, оп.23, ч.1, ед.хр.1791):

- I. Афанасий.
- II. 2(1). Степан. 3(1). Федор.
- III. 4(2). Матвей. 5(3). Андрей.
- IV. 6(4). Ерофей. 7(4). Алексей. 8(5). Аким.
- V. 9(6). Петр. 10(7). Тимофей. 11(8). Тарас. 12(8). Иван.
- VI. 13(9). Сафон. 14(10). Сергей. 15(10). Николай. 16(11). Михаил. 17(12). Андрей.
- VII. 18(13). Петр. 19(15). Петр. 20(15). Ефим. 21(16). Богдан. 22(17). Иван. 23(17). Андрей.
- VIII. 24(18). Николай. 25(18). Алексей. 26(18). Михаил. 27(21). Иван. 28(21). Петр. 29(21). Михаил. 30(22). Николай. 31(22). Дмитрий.
- IX. 32(27). Владимир.

От брата Веры Ивановны Дмитрия, архивариуса Государственной коллегии иностранных дел берет начало орловская ветвь рода, роспись которой имеется в Алфавитном указателе дворянских родов Орловской губернии, утвержденном Пр. Сенатом. (Орел, 1910). В деле имеется сообщение, что среди документов, представленных им, есть копия с доказательством дворянства Карповых, из которой ясно, что предки его происходят от кн. Юрия Святославича и Константина Юрьевича Фоминских. Кстати, утвержденный Сенатом герб наших Карповых имеет на щите изображение герба г. Смоленска (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1799 - 1840. Ч.9. С.48), что объяснимо лишь для потомков смоленских князей. Герб нижегородской ветви рода такой же, но вместо дворянской короны увенчан княжеской шап-

¹ Гершензон М.О. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.

кой (Там же. Ч.5. С.12). Текст гербовника прямо производит ветвь от праправнука князя Константина Юрьевича Карпа Федоровича. Происхождение Карповых, живших в XVI в. от смоленского князя Юрия Святославича (от Рюрика) подтверждается по Временн.О.И.и Д.Р., 1851, кн.Х, содержащему роспись рода. О родоначальнике калужских Карповых Афанасии из дела известно лишь, что он отец 2 и 3. В Алфавитном указателе фамилий и лиц, упомин. в боярск. кн. (П.И. Иванов. М., 1853), назван лишь один Афанасий Карпов (в отчестве Федор) и в Родословце имеется один Афанасий, сын Андрея Федоровича, правнук Карпа. По годам упоминания он мог быть отцом Федора (3). Мы предполагаем, что Афанасий из Родословца есть отец калужского Федора. Связи Карповых с Кривцовыми, по-видимому, давние. В духовной А.И. Шадрина 1525 г. (Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975) Андрей Карпов назван рядом с Федором и Нежданом Кривцовыми. Все они служили, вероятно, кн. Юрию Ивановичу Дмитровскому. Родной брат Андрея, Петр Муха, состоял в «совете» с Максимом Греком, за что попал в темницу. Их двоюродный брат - знаменитый дипломат XVI в. Федор Иванович. Ему посвящен ряд публикаций и диссертация Н.В. Синецкой (М., 1966). В XVIII в., судя по списку владельцев д. Митрашевой Орловского у. (РГА-ДА, ф.1209, ед.хр.10170, д.54), Иван Акимович Карпов (12), прадед Веры Ивановны был женат на Матрене Кирилловне Кривцовой, т.е. по-видимому, отец Веры Ивановны был четвероюродным братом ее мужа Ивана Васильевича Кривцова.

Среди калужских Карповых - стольники (12, 11), дворяне московские (3) и калужские городовые (5), поручик (17), секунд-майор (23), ротмистр и коллежский асессор (22). Дед Веры Ивановны Андрей Иванович Карпов был женат на Анне Васильевне Шамординой. А мать Прасковья Алексеевна, вероятно, урожденная Скуратова. Это следует из упоминания письма Н.И. Кривцову, брату декабриста, от «гранд тант Скуратов» (РГБ, муз. собр. отд. рук., ф.178, ед.хр.9842, 1-3). Здесь имеется в виду сестра бабушки, а «Скуратов» - либо ее фамилия, либо указание на родовое имение Скуратовых в Тульской губ. Эти Скуратовы - потомки Ивана, родного брата известного Малюты. Через Скуратовых С.И. Кривцов оказывается троюродным братом отца И.С. Тургенева, Сергея Николаевича, и это объясняет их родственные связи, о которых пишет М.О. Гершензон.

В.А. ИВАНОВ

Калужская уездная бюрократия в конце 40-х гг. XIX в.

История такого важного политического института как российская бюрократия, несмотря на всю актуальность этой темы, не была предметом самостоятельного изучения в отечественной историографии. До сих пор мы не имеем четкого и ясного представления о той категории населения, в руках которой были сосредоточены все управленческие функции в центре и на местах. Каково было социальное происхождение государственных служащих, их имущественное положение, возрастной ценз, уровень образования, личные, деловые качества, психология? Без учета этих и многих других факторов, оказывающих непосредственное влияние на деятельность чиновно-бюрократического аппарата, невозможно объективно оценить ни работу отдельных учреждений и ведомств, ни понять сам феномен российского чиновничества.

Цель данного сообщения - познакомить историков и краеведов с некоторыми результатами проведенного историко-социологического изучения социального состава калужской уездной бюрократии предреформенного времени. Источником для изучения вопроса послужили формулярные списки служащих 110 уездных присутственных мест (суды, думы, магистраты, казначейства) и должностных лиц (стряпчие, врачи, землемеры и др.) за 1847, 1849 гг., хранящиеся в госархиве Калужской области (ф.62.).

Всего учтено 767 чиновников и канцелярских служащих. Сведения о социальном происхождении имеются в формулярных списках 752 человек - 98 % выявленного числа. Из них детей потомственных дворян (см. табл.) насчитывалось 195 человек - ровно четверть (25,4 %), недворянского происхождения - 572 (74,6 %). Среди последних было 198 детей духовенства (25,8 %), 128 (16,7%) - обер-офицеров (дети офицеров недворянского происхождения, родившиеся до получения их отцами первого офицерского чина), 80 (10,4%) - приказных людей (дети канцелярских служащих без чина), 104 - купцов и мещан (13,5 %), 19 - крестьян (2,5 %), 3 - иностранцев (0,4 %), 25 человек, (3,3 %) представляли прочие слои и группы населения (дети солдат, казаков, лекарей, аптекарских учеников и т. д.). Более всего выходцев из дворянского сословия было в Жиздринской, медынской, перемышльской и тарусской администрациях. Здесь на их долю приходилось почти

Социальное происхождение служащих уездных учреждений Калужской губернии

Уезд	Всего учтено служащих (абс.)	В том числе (%)										ино- стран- цев	прочие	неизве- стно
		дети дворян	духо- вен- ства	обер- офице- ров	приказ- ных людей	купцов, мещан	кре- стьян							
Боровский	62	21,0	24,2	19,4	14,5	14,5	1,6	-	3,2	-	1,6			
Жиздринский	77	31,1	18,2	22,3	9,1	15,6	3,9	-	-	-	-			
Калужский	95	26,3	35,8	8,4	10,5	11,6	2,1	-	1,1	-	4,2			
Козельский	70	22,8	18,6	20,0	14,3	10,0	2,9	1,4	8,6	-	1,4			
Лихвинский	64	17,2	25,0	21,9	7,8	12,5	6,3	-	7,8	-	1,5			
Малоярославецкий	69	22,1	8,8	28,9	11,6	19,1	3,0	-	4,4	-	1,5			
Медынский	60	31,7	25,0	16,7	8,3	13,3	-	-	1,7	-	3,3			
Мещовский	71	23,9	35,2	8,5	12,7	12,7	1,4	-	5,6	-	-			
Мосальский	66	21,2	37,9	9,1	7,6	15,2	1,5	1,5	3,0	-	3,0			
Перемышльский	70	30,0	20,0	20,0	10,0	12,8	2,9	-	1,4	-	2,9			
Тарусский	63	30,2	33,3	11,1	7,9	12,7	1,6	1,6	-	-	1,6			
Итого:	767	25,4	25,8	16,7	10,4	13,5	2,5	0,4	3,3		2,0			

треть (30 - 31 %) всех служащих. Менее 1/5 дворян (17,2 %) насчитывалось только в одном лихвинском присутствии. В учреждениях Боровского, Калужского, Козельского, Малоярославецкого, Мещовского и Мосальского уездов процент дворян составлял 21 - 26,3. Численность лиц из духовного звания в уездных присутственных местах Калужской губернии варьировалась от 37,9 % (Мосальский уезд) до 8,8 % (Малоярославецкий уезд); обер-офицеров от 28,9 % (Малоярославецкий уезд) до 8,4 % (Калужский уезд); приказных людей от 14,9 % (Боровский уезд) до 7 % (Мосальский уезд). Дети купцов и мещан, в основном замещавшие выборные должности в органах городского управления и суда (думы, городнические правления, городские магистраты), в уездной администрации распределялись относительно равномерно, занимая до 10 - 15 % штатных должностей (в Малоярославецком уезде - 19,1 %). Выходцы из крестьян (выборные от сельских обществ) присутствовали в 10 из 11 уездов (кроме Медынского), иностранцы лишь в трех - Козельском, Мосальском и Тарусском.

Таким образом, низшее (уездное) звено калужской бюрократии в середине XIX в. на 4/5 было укомплектовано лицами недворянского происхождения, среди которых преобладали дети священнослужителей и обер-офицеров.

Н.А. МИХАЙЛОВА

Д.Н. Гончаров и реформа 1861 г.

К середине XIX в. в России назрела необходимость отмены крепостного права. Она была обусловлена всем ходом социально-экономического развития страны. В этот период активную общественную позицию, в том числе по проблемам крестьянской реформы, занимал один из потомков Афанасия Абрамовича Гончарова Дмитрий Николаевич Гончаров (1808-1859). Для рассмотрения его взглядов необходимо осветить три вопроса: 1) послужной список Д.Н. Гончарова; 2) материальное положение семьи Гончаровых в сер. XIX в.; 3) позиция Д.Н. Гончарова в отношении основных положений реформы: о наделе, повинности, вотчинной власти помещика.

1. В 1825 г. Д.Н. Гончаров окончил Московский университет. В разное время служил в Государственной коллегии иностранных дел, занимал должность почетного попечителя Калужской губер-

нской гимназии, почетного смотрителя Медынского училища. В 1851 г. за выслугу лет произведен был в надворные советники. С мая 1854 по 1859 гг. являлся уездным предводителем дворянства.

Его награды за службу: орден Льва и Солнца 2-й степени (пожалован персидским шахом), орден св. Владимира 4-й степени, орден св. Анны 2-й степени.

Итак, Д.Н. Гончаров был исправным чиновником, он честно служил своему отечеству на гражданской службе. Находясь на службе, в 1832 г. он вступил в управление полотняной и бумажной фабриками, гончаровским майоратом.

2. Предприятия Гончаровых представляли собой тип посессионно-вотчинной мануфактуры. В период усиленного развития капиталистического производства (полотняного - с конца XVIII в., бумажного - в 20 - 40-е гг. XIX в.) в условиях возросшей конкуренции и потери вотчинных ресурсов быстро падала их доходность. Снижение доходов от производства привело к огромным долгам. Поправить материальное положение Дмитрий Николаевич мог, получив выкупную ссуду за землю крестьян.

Следовательно, Д.Н. Гончаров был экономически заинтересован в проведении этой реформы.

3. Позицию Д.Н. Гончарова в отношении готовившейся реформы рассмотрим на основе документа ГАКО. Дмитрий Николаевич дает ответы на «вопросы по устройству улучшения быта помещичьих крестьян». (Дело велось с октября 1858 по май 1859 гг.). Такая анкета была предложена всем помещикам Медынского уезда для составления местного проекта реформы.

Одним из главных вопросов реформы был вопрос о земле. По мнению Дмитрия Николаевича, выкуп полевых наделов надо было поощрять, не препятствовать тому, но при согласии между помещиком и крестьянами. Он полагал возможным сохранить существующий размер полевого надела.

В организации выкупа усадеб Гончаров считал необходимой государственную помощь. Государство должно было, по его мнению, выплатить помещикам сразу всю сумму выкупа, а крестьяне постепенно обязаны были погасить ее государству. При определении стоимости усадеб Дмитрий Николаевич предлагал учитывать ценность земли, строения, прибыль от промышленных заведений, чтобы выкупная сумма была максимальной. По вопросу о размежевании земли Д.Н. Гончаров придерживался такой

точки зрения: уважительной причиной переноса крестьянских усадеб является их близость к господской; желания крестьян переселиться в другое место недостаточно, необходимо согласие помещика. Перенос должен быть осуществлен не за счет помещика, а миром. Размер оброка и барщины за пользование землей должен определить, по мнению Д.Н. Гончарова, комитет. Оброк он предлагал «соразмерять по большинству однородных благоустроенных имений» и не меньше прежнего. Таким образом, он определял оброк не стоимостью земли, а теми доходами, которые получал крестьянин.

У Дмитрия Николаевича не было уверенности в том, что «при моральном ослаблении и нанесенном разрушении помещичьей власти, при предстоящем перевороте» работа крестьянами будет выполняться исправно и оброк они уплатят вовремя. Он видел выход в одном: предоставить владельцу право выгонять из имения неплательщиков и ленивых, в случае массовых выступлений он предлагал применять военную силу. Еще в 1845 г. Д.Н. Гончаров просил о расширении полицейских прав владельца мануфактуры, чтобы искоренить разрушительный дух вольности. В это время наблюдался новый подъем классовой борьбы.

Из всего сказанного следует, что по вопросу о земле Д.Н. Гончаров стоял на либеральных позициях. Он один из первых высказался за наделение крестьян землей в постоянное пользование. Но как представитель своего класса, в решении любой проблемы усматривал интересы и выгоды дворянства. Он жалел о потере вотчинной власти над крестьянами и, как любой крепостник, боялся выступления народных масс, революции.

Итак, Гончаров противоречиво относился к крепостному праву и его отмене. Будучи крепостником, он стремился к сохранению существующего порядка вещей. Однако он понимал, что без отмены крепостного права невозможно преодолеть отсталость России, снизить остроту классовых противоречий, предотвратить крестьянские волнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА, ф.472, оп.1, ед. хр.605; оп.2, ед. хр.877.
2. РГИА, ф.733, оп.37, ед. хр.193.
3. РГИА, ф.1349, оп.3, ед. хр.571.
4. ГАКО, ф.364, оп.1, ед. хр.15.

5. *Булывев Н.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 окт. 1908 г. и перечень лиц, занимавших должность по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908.
6. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. Учпедгиз, 1960.
7. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М.: Сов. Россия, 1978.
8. *Рубинштейн Е.И.* Полотняная и бумажная мануфактура Гончаровых во 2-й пол. 18 в. М., 1975.
9. *Харитонова Ю., Щербаков Д.* Крестьянское движение в Калужской губернии 1861-1917. Калужское книжное издательство, 1961.
10. Калужские губернские ведомости. №5, 21 января 1848. Отд.1.

Е.В. ЧАЙКИН

Л.А. Кавелин (архимандрит Леонид)

К 175-летию со дня рождения

В 1997 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Льва Александровича Кавелина (архимандрита Леонида).

В истории русского ученого монашества отец архимандрит Леонид занимает особое место. За полвека своей научной деятельности он написал поразительно много.

В советское время имя Л.А. Кавелина было забыто. Но до революции исследованию его жизни и научной деятельности посвятили свои исследования И. Корсунский, Д. Корсаков, Г. Воскресенский, М. Семевский, С. Шереметьев, А. Дмитриевский и др.

Профессор Д.А. Корсаков указал до 180 работ, профессор И.Н. Корсунский - до 300, М.И. Семевский, редактор «Русской старины», предполагал до 700 работ, написанных Л.А. Кавелиным.

За заслуги перед отечеством 26 мая 1870 г. архимандрит Леонид был награжден орденом св. Анны 2-й степени, 8 апреля 1873 г. - орденом св. Анны 2-й степени с императорской короной, 26 марта 1877 г. - награжден орденом Владимира 4-й степени, 16 апреля 1880 г. - сербским князем Миланом награжден орденом Таково 3-й степени, 20 апреля 1880 г. награжден орденом св. Владимира 3-й степени, 5 декабря 1882 г. получил почетный знак Палестинского общества.

Архимандрит Леонид, в миру Лев Александрович Кавелин, родился 22 февраля 1822 г. Все вышеперечисленные исследователи называют местом рождения село Грива Козельского уезда Калужской губернии. Но проведенные нами исследования в Государствен-

ном архиве (ГА) Калужской области показали, что записей в метрических книгах за этот год о Кавелине Льве Александровиче нет.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге удалось найти метрику Кавелина. В формулярном списке о службе бывшего заседателя Козельского уездного суда, дворянина, штаб-ротмистра Кавелина, лист 136(оборот), имеется копия свидетельства о рождении Льва Александровича Кавелина, сына штаб-ротмистра Кавелина Александра Александровича, выданная Смоленской духовной консисторией, где изложено следующее: *«тысяча восемьсот двадцать второго года февраля 20 числа гродненского гусарского полка штаб-ротмистра Александра Александровича Кавелина с женою его Марией Михайловной родился законоприемный сын Лев...»* (метрическая книга села Спаса Вяземского Вяземского уезда Смоленской губернии). После ухода в отставку по болезни 14 января 1824 г., согласно данному формулярному списку (л.122об.), Александр Александрович по выбору дворянства становится заседателем Козельского уездного дворянского суда. Живет он в своем имении в селе Грива Козельского уезда, где и прошли детские годы его сына - Льва Александровича Кавелина.

Род Кавелиных - знатный и древний дворянский род. Согласно послужной грамоте 7159 г. (1648 г.) 5 марта царя и великого князя всея Руси Алексея Михайловича *«в Перемышльском уезде Торбеевском стане в деревне Бурнашево на речке Боровка и на реке Серене деревня Бочкино, которыми владела вдова Салагаева Наталья Петровна и продала свою вотчину в 7131 году (1620 г.) патриаршему дьяку Ивану Кавелину»*.

С этого времени и обосновался род Кавелиных на Калужской земле, *«...коллежского секретаря Александра Александровича Кавелина с сыновьями его Львом, Дмитрием, Михаилом и Владимиром внести в шестую часть (Калужской) Дворянской родословной книги»*.

Герб рода Кавелиных внесен в высочайше утвержденный Гербовник в VI часть на 6-й странице (резолюция Геральдии 19 февраля 1822 г.)

Дед Льва Александровича имел 12 сыновей и 8 дочерей. Дядя Льва Александровича Дмитрий Александрович жил в Санкт-Петербурге, где был одно время ректором университета, его сын Константин Дмитриевич (двоюродный брат Л.А.) - известный историк, философ и реформатор XIX в., внесший неоценимый

вклад в разработку крестьянской реформы.

Отец Льва Александровича - Александр Александрович Кавелин начал службу в Гродненском гусарском полку. Был участником войны 1812 года, заграничных походов русской армии против Наполеона, участвовал в штурме Парижа.

Мать Льва Александровича Мария Михайловна, урожденная Нахимова, приходилась двоюродной сестрой адмиралу П.С. Нахимову, герою Синопа и Севастополя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воскресенский Г.А.* Памяти О. Архимандрита Леонида. ЧОИДР, 1892. Кн.2. С.3,11.

2. Послужной список Свято-Троицкой Лавры архимандрита Леонида РГИА СПб., ф.797, оп.95, д.203, л.14,15,16.

3. РГИА СПб., ф.1343, оп.23, д.24, л.142об,164,168.

А.А. ФОМИН

Землеустроительная деятельность Крестьянского Поземельного Банка в годы столыпинской реформы

Аграрная реформа П.А. Столыпина была направлена прежде всего на реорганизацию наделного землевладения крестьян. Но вместе с крестьянским наделным, в России существовало и частновладельческое землепользование. В пореформенный период происходил интенсивный переход дворянских земель в руки крестьян. Этому процессу активно способствовал Крестьянский Поземельный Банк, созданный в 1883 г. В 1895 г. банку были разрешены операции по покупке земли за свой счет. Эти операции втягивали банк в переселенческую политику правительства, осуществлявшего переселение крестьян на частные земли в пределах Европейской России [1].

С началом проведения столыпинской реформы банку отводилась особая роль в организации хуторских и отрубных хозяйств. Для продажи приобретенных банком земель правительство создавало из представителей банка, МВД и ГУЗиЗ временные отделения совета крестьянского банка. Первые три отделения начали работу в июне 1907 г., а в октябре были открыты четвертое и пятое. Последнее охватывало своей деятельностью и Калужскую губернию. Кроме того, в феврале 1908 г. при Крестьянском

Поземельном Банке был создан ликвидационный отдел с отделениями на местах. В их состав входили два члена отделения банка, неперенный член губернской ЗК, губернский землемер и председатель - управляющий местным отделением банка [2].

Законодательно посредническая деятельность Крестьянского Поземельного Банка согласовывалась с общими землеустроительными мероприятиями, изложенными правительственной инструкцией от 27 июня 1908 г [3].

После опубликования инструкции от 27 июня 1908 года ликвидируемые банком имения по возможности разбивались на отрубные участки. В 1908 г. в Калужской губернии ликвидировалось 8 имений общей площадью 6725 дес. По одному имению в Калужском и Перемышльском уездах и по 2 в Козельском, Мещовском и Мосальском. Из 6735 десятин 1800 десятин было продано под отруба и хутора [4].

В 1909 г. к продаже было предложено 2313 десятин, из них 1494 десятин на хутора, 512 десятин на отруба и 307 десятин сельским обществам [5]. Определенный итог землеустроительной деятельности Крестьянского Поземельного Банка на начало 1910 года подводится в материалах по вопросу о созыве в начале 1910 г. съезда Непременных Членов УЗК и Земских Начальников. По состоянию на 20 января 1910 г. в Калужской губернии куплено у крестьянского банка 376 хуторов, у частных владельцев, с содействием банка - 182 хутора, а всех хуторов в губернии - 1230 [6].

Процесс образования хуторов и отрубов на землях крестьянского банка в 1910 - 1913 гг. представлен в табл.

Таблица 1

Структура продажи земель крестьянским банком¹

Год	Хутора, дес.	Отруба, дес.	Товарищества, дес.	Кр. общества, дес.
1910	3342	1444	-	-
1911	3726	1927	6,5	235
1912	3136	1843	170	-
1913	3165	1134	67	163

¹ Таблица составлена по следующим источникам: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1912 г. Калуга, 1912. С. 20; Статистический обзор Калужской губ. за 1912 г. Калуга, 1913. С. 29; Статистический обзор Калужской губ. за 1913 г. Калуга 1915. С. 32.

Как видно из табл. 1, в предвоенный период большую часть своих земель крестьянский банк продавал под хуторские участки и в два раза меньше земли продавалось под отруба и незначительная часть земли продавалась обществам и крестьянским товариществам. Это вполне согласуется с инструкцией от 27 июня 1908 г.

Общую картину деятельности Крестьянского Поземельного Банка по землеустройству можно составить по результату поземельной переписи 1917 г. По итогам переписи, в губернии образовалось 6796 хуторов на купчих землях, приобретенных в основном при посредничестве банка [7]. На надельных землях к 1917 г. было образовано 6206 хуторов [8]. Таким образом, землеустроительная деятельность банка сопоставима по масштабам с деятельностью правительственных землеустроительных комиссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дякин В.С.* Деньги для с/х // История СССР. 1991. № 3. С.71.
2. *Сидельников С.М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С.193-198.
3. ПСЗ Российской Империи. Т. XXVII. 1908. Отд. 1. СПб., 1911. С.377.
4. Статистический обзор Калужской губ. за 1908 г. Калуга, 1909. С.82.
5. Статистический обзор Калужской губ. за 1909 г. Калуга, 1909. С.38.
6. ГАКО, ф.266, оп.1, д.10909, л.313.
7. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной поземельной и городской переписи 1917 г. Калужская губерния. М., 1919. С.93.
8. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907 - 1914 гг. - М., 1992. С.131.

А.И. УЛЬЯНОВ

Нужна ли нам правда о маршале Жукове?

1 декабря 1996 г. исполнилось 100 лет со дня рождения маршала Г.К. Жукова.

Публикации о Г.К. Жукове четко разделили их авторов на два непримиримых лагеря. Для одних он кумир, спаситель Отечества; для других - жестокий солдафон. Четко обозначенные позиции не оставляют надежд на взаимопонимание и вносят смятение в общество. Декабрьские статьи 1996 г. в российских СМИ и новые книги о маршале лишний раз подтвердили эту печальную истину.

При этом биография полководца полна «белых пятен», а его мемуары, поистине «Священное писание» для некоторых, до сих пор не имеют научного комментария. Даже военная деятельность Жукова

все еще не получила объективной, всесторонней оценки и оставляет немало места для диаметрально противоположных мнений о ней.

Причины такого положения в жуковской историографии понятны. Тоска по «сильной руке», по национальному герою, наконец, просто по идолу, достойному поклонения в наше смутное время - все это ясно просматривается в «лакировочной литературе». Напротив, «ниспровергатели», увлекшись научным гиперкритицизмом, пришли к полному отрицанию какой-либо положительной роли Жукова в российской истории. В результате полемика двух враждебных лагерей стала абсолютно ненаучной и бесплодной. Незаметно для себя они создали **общий** миф, который либо не приемлют, либо всячески поддерживают. А в это время для многих россиян Жуков был и остается национальным героем на уровне лубочных картинок.

Выход из этой абсурдной ситуации один: отказавшись от идеологического заказа, историки должны обратиться ко **всей** совокупности фактов о выдающемся полководце. Необходимо:

1. Записать возможно большее количество воспоминаний о нем, с тем, чтобы впоследствии опубликовать их. Эта гигантская работа едва начата публикацией воспоминаний дочерей и многих соратников маршала. Основная масса людей, знавших Жукова, даже не опрошена исследователями;

2. Расширить круг зарубежных публикаций и архивных материалов о полководце, используемых в отечественных исследованиях. Пора наконец окончательно решить, например, вопрос о возможном военном обучении Жукова в Германии;

3. Поднять весь массив имеющихся в России архивных документов для всестороннего освещения жизни и деятельности Жукова.

Надо внимательно изучать и объективно оценивать жизнь и деятельность полководца, воспоминания о нем: как восторженные (отзывы И.Х. Баграмяна), так и резко критические (оценки К.К. Рокоссовского). Следует, наконец, правдиво осветить и частную жизнь маршала, поскольку она влияла и до сих пор влияет на оценку его деятельности.

Нужна ли нам сегодня правда о маршале Жукове? Разумеется - да, если мы не хотим быть рабами устаревших мифов. Но правда ко многому обязывает, и ее бремя - это прежде всего бремя сознательного и честного выбора каждого исследователя. Готовы ли мы к нему - покажет время.

Л.А. КОЗЫРО

Долбинская осень В.А. Жуковского

О будь же, долбинский мой уголок,
Спокоен, тих, храним святыми небесами.

В.А. Жуковский.

Многообразны связи поэта с Калужской землей: пребывание в разных уголках ее, родственные и дружеские отношения с жителями губернии, произведения, созданные в ее пределах.

Обратимся к одному из печальных эпизодов любви Жуковского и Маши Протасовой, дочери его сводной сестры Екатерины Афанасьевны Буниной. О чувстве к Маше, в то время двенадцатилетней девочке, впервые упоминается в дневниковой записи 1805 г [1]. Здесь многое предугадано: душевная чистота и красота Маши, глубокая взаимная любовь, соединившая их, препятствия к браку, возникшие в силу родственных отношений. Последующие годы с надеждами на соединение и разочарованиями будут трудны для него, тем более, что уже тогда, в 1805 г., он запишет в дневнике: *«Моя первейшая цель есть наслаждение семейственною жизнью»* (с.14). В 1814 г. многое горько определилось. Надежда на брак с Машей исчезла. Теперь поэт стремится сохранить хотя бы права родственные: быть истинным братом Екатерине Афанасьевне и другом Маше.

Осень 1814 г., с октября, и начало января 1815 г. Жуковский проводит в Долбине Калужской губернии, в имении А.П. Киреевской. Счастья нет. Но скорбь изживается творчеством. В ноябре он сообщает А.И. Тургеневу, что *«в стихах по уши»*. В феврале пишет ему же: *«Я написал много, столько, сколько не писал никогда»* [2]. Тематика стихотворений разнообразна. Они являют многоаспектность внешнего мира и его глубинную соотнесенность с переживаниями поэта. Формирующуюся идею единства поэзии и жизни он продекларирует позднее: *«Жизнь и поэзия одно»*. В.Г. Белинский справедливо отметил: *«До Жуковского на Руси никто и*

не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшим его биографией» [3]. Конечно, речь идет прежде всего не о прямом воспроизведении Жуковским в стихах фактов своей биографии, но о том мироощущении, которое определялось жизненными ситуациями и определило пафос творчества. Потому среди произведений, написанных в Долбине, прежде всего выделяются баллады во славу нетленной любви. *«Богатство на земле прямое Одно: любить»* (с.51). Баллады *«Эльвина и Эдвин»*, *«Алина и Альсим»*, *«Эолова арфа»* - о разорванном насильственно волею родных, стремящихся к земным благам, «союзе сердец»: *«Вам розно быть! Вы им сказали, Всему конец»* (с.54). Кратким было счастье влюбленных, *«минутная сладость веселого вместе»*, вынести томление разлуки они не в силах. Но любовь способна соединить их за гробовой доской. В *«Эоловой арфе»*, оригинальной балладе, автобиографический сюжет реализован в формах «оссиановской поэзии», отчетлив средневековый колорит. Но оссиановская мрачная таинственность совмещается с характерным для Жуковского тонким лиризмом. Недаром В.Г. Белинский считал эту балладу *«прекрасным и поэтическим произведением»*, *«где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского»* (с.138).

В Долбине началась работа над второй частью *«Двенадцати спящих дев»* - рассказе о любви, побеждающей пространство и время. Эпиграф ко всему произведению взят из первой части *«Фауста»* Гете - *«Чудо - любимое дитя веры»*. Несмотря на печальную реальность, Жуковский и надеялся на некое чудо, способное вернуть ему счастье.

В конце 1814 г., когда Протасовы стали собираться в Дерпт и Екатерина Афанасьевна, не дав согласия на брак Маши и Жуковского, позволила все же ему следовать за ними, Жуковский сделал набросок плана о том, как следует ему жить дальше, какие отношения должны установиться между всеми членами семьи по отношению друг к другу. В пунктике, обозначенном *«Мне»*, Жуковский формулирует выстраданное: *«Проза - все писать такое, что было бы достойно. Стихи - слава ей»* (с.45). *«Славой»* Маше были не только баллады о любви, но и определившаяся в это время для поэта система этических представлений, выраженная и в дневниковых записях, и в стихах. В декабре Жуковский создает

«Теона и Эсхина» - программу всей своей поэзии: «боги для счастья послали нам жизнь, но с нею печаль неразлучна», «сердца нетленные блага: любовь и сладость возвышенных мыслей», «страда- нье в разлуке есть та же любовь, над сердцем утрата бессильна» (с.213-215). В набросках плана дальнейшей жизни многое перекликается с мыслями «Теона и Эсхина». Размышляя о семье Протасовых-Воейковых, к которой он причислял себя, Жуковский писал: «Наша цель - общее счастье. В чем состоит это общее счастье? В семейном спокойствии» (с.49-50). Большое место отводилось определению новых отношений, которые теперь должны были установиться между ним и Машей: «Наша цель теперь быть столько счастливыми вместе, сколько возможно. Следовательно любить. Помогать друг другу быть лучшими. Мне все хорошее для Маши; Маше для меня» (с.45).

Установки Жуковского выходят за круг семейных отношений. Формулируемые им основы нравственной жизни проясняют систему ценностей поэта, носят характер общественный: «Главное правило, чтобы ни один день не прошел даром, не прибавив нам добра, чтобы он не исчез из жизни. Только из таких дней составленная жизнь называется жизнью. Из дней ничтожных составленная есть ничтожество» (с.51). Для поэта существование немислимо без творчества, а поскольку «поэзия есть добродетель, следовательно счастье» (т.4, с.562), в дневнике появляется запись: «Жить как писать» (с.45), т. е. в жизни следовать тем высоким установкам добродетели, которые задаются поэзией, в жизни быть нравственным и искренним. Главная мысль сформулирована одним из пунктов плана: «Жизнь для других» (с.44). В основе этической системы Жуковского лежат христианские ценности. Не случайно в плане среди «занятий вместе» обязательно должны быть: «Чтение духовных писателей. Священное писание». Маше рекомендуется делать из него выписки. Что же касается самого поэта, он категоричен: «Священное писание - моя исповедь» (с.45). В начале октября, под названием «Библия» появляется перевод отрывка из поэмы Л. Фонтана «Священное писание», где говорится о Библии, как о книге, вызывающей восхищение и питающей сердца людей, воспламеняющей своим божественным светом поэтический дар. «Конечный смысл поэзии - всеобщее счастье», достигается, по Жуковскому, только развитием духовных свойств личности.

В Долбине полно проявилось и многообразие интересов Жу-

ковского. В его письмах и стихах большое место занимают вопросы литературы, прежде всего полемика с архаистами, подготавливавшая рождение «Арзамаса». Из сферы высокой он умел переходить в бытовую, воспринимаемую иронически. Свидетельство тому - цикл шуточных стихотворений, «Долбинские стихотворения», как озаглавил их сам поэт. Этими стихами он внес свою лепту в характерный для 10-х гг. процесс утверждения жанров «домашней поэзии» как полноправных в профессиональном искусстве. В них Жуковский осваивал поэтический внешний мир как одну из важных сфер литературы, вырабатывал новые поэтические краски и формы.

Таким образом, долбинская осень стала для поэта плодотворным и открывающим перспективу дальнейшего творчества этапом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневники В.А. Жуковского¹. С примечаниями И.А. Бычкова. СПб., 1901. С.13-14.
2. Жуковский В.А.². Соч.: В 4 т. Т.4. М.- Л., 1960. - С.495.
3. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина // Соч.: В 9 т. М., 1988. Т.6. С.155.

О.Л. РОГАНОВА

Литературный портрет калужского губернского общества в «Письмах к родным» И.С. Аксакова

«Письма к родным» И.С. Аксакова - ценный историко-литературный документ 1840-х гг. и наиболее значимая часть его эпистолярного наследия. Находившийся многие годы вне дома, И.С. Аксаков регулярно по почтовым дням, а порой и чаще, писал домашним обстоятельные письма в Москву или Абрамцево. Первым ценителем писем сына был отец, С.Т. Аксаков.

И.С. Аксаков не вел дневник, хотя и не раз намеревался вести его. Письма заменили ему дневник, сочетающий в себе жанры увлекательного описания путешествий по России, дорожного дневника, путевых очерков, путевых заметок в записных книж-

¹ Далее дневники цитируются по этому изданию с указанием страницы.

² Далее произведения Жуковского цитируются по этому изданию.

ках. В письмах вся его биография, самая достоверная. Они привлекают особой интонацией задушевности и сердечности, откровенностью и непосредственностью высказываний автора, человека искреннего и чуждого лукавства, и раскрывают его личность, его симпатии и антипатии, внутренний строй души во всей полноте.

Многолетняя жизнь в провинции, связанная со службой в уголовном департаменте Сената, столкнула И.С. Аксакова с проблемами жизни, со злоупотреблениями местной администрации, с одной стороны, и с бесправием простого народа, с другой, убедила в необходимости перемен в российской действительности.

«Письма к родным» И.С. Аксакова - высокохудожественное произведение, характеризующее провинциальную Россию периода 1844 - 1849 гг., содержит 250 опубликованных в настоящее время писем и состоит из астраханского, калужского, серноводского, бессарабского и петербургского циклов. Калужские письма составляют почти половину (110 писем), и продолжают тему астраханских писем, в которых были даны первые характеристики губернского дворянства и в которых Аксаков сравнивает астраханского губернатора Тимирязева с орловским военным губернатором Трубецким.

Оказавшись по делам службы с 1845 по 1847 гг. в Калуге, в провинциальной чиновничьей среде, где честный человек считался величайшей редкостью, а плуты преобладали, Аксаков передает все виденное не только глазами смотрящего со стороны столичного ревизора. Его письма проникнуты чувством глубокого возмущения к царящей несправедливости и сочувствием к угнетенным.

«Удивительный город Калуга, - пишет Аксаков в письме от 4.5.1845. - Общественное мнение столь слабо, что мошенники, которыми она преизобилует, играют наглую, важную роль». Так, калужские чиновники нарочно проигрывали деньги в карты вице-губернатору А.Н. Хитрову, а проигрыши они возвращали себе, занимаясь поборами и вымогательством.

Емкий, собирательный образ-портрет чиновника дает автор именно в калужских письмах, в частности, в письме от 17.1.1846: «Получает два целковых в месяц, ни к чему на службе, кроме переписывания, не способен, женат, имеет полдюжины детей и мошеннича-

ет.» Своего непосредственного начальника, председателя калужской уголовной палаты А.И. Яковлева, Аксаков упоминает около тридцати раз в различных письмах, например в письме от 7.12.1845: «Ограничен, дело смыслит плохо, но довольно, кажется, оборотлив, картежник, сделал себе состояние женитьбой.» ...Вернувшись из отпуска, Аксаков вынужден был приниматься за дела, уже рассмотренные Яковлевым, так как тот попросту не разобрался в уголовном кодексе.

В письме от 24.9.1845 дается едва ли не единственный положительный портрет: «Брылевич, управляющий палатой госуд. Имуществ, благородный и образованный человек, лицеист во всяком городе найдешь двух или трех образованных, умных людей, но ей (Калуге) ни до чего нет дела, она ничего не читает, даже и решительно игнорирует всякое московское движение!»

«Семейные нравы провинции» представлены автором в письмах, в которых он рассказывает о губернаторе Н.М.Смирнове и его жене А.О.Смирновой, сопоставляя их с Бахметевыми, Унковскими и др. Портрет губернатора дан в 49-ти описаниях, а его знаменитой супруги - в 106.

Аксаков не боится в любом кругу высказывать свое мнение. Он, например, отказывается пойти на званый обед к губернатору Смирнову, поскольку туда приглашен и Нилус, известный мошенник; не оказывает «угодливого расположения» Яковлеву, что приводит к столкновению с ним. Калужские чиновники почувствовали положительное влияние Аксакова: все смелее начинают они высказывать вышестоящим свое мнение.

Письма родным И.С. Аксакова представляют читателю круг его общения в 1840-е гг., а в калужский период - полугодовое общение с семьей Смирновых. Историко-литературный материал писем изложен удивительно живо, непосредственно замечательным языком мастера: «Теперь, - как писал один из современников, - таким слогом даже и на академическую премию никто не напишет». Одним из главных, интересовавших автора и занимавших передовых людей того времени вопросов, был крестьянский вопрос. Аксакову «совестно и тяжело» видеть нищету и бедствия, он сострадает и мальчику «с вольнолюбивыми, быстрыми глазами», и крепостным музыкантам, и калужским бредущим по дороге бабам; окружающие получают положительную или отрицательную характеристику в зависимости от их отношения к народу.

Длительное и близкое знакомство Аксакова с провинцией помогло ему создать в письмах, в частности в калужских, яркий литературный портрет губернского дворянства и чиновничества и показать бездуховное существование обывателей, живущих в захолустье, ничем не интересующихся, ничего не читающих. Так, увидев новое лицо в доме губернатора и услышав, что это Белинский, калужские жители «не понимали, что это такое».

Письма Аксакова из Калуги, как и из Астрахани, Кишинева дают полное представление о маршруте следования автора, о состоянии дорог, обо всех достопримечательностях, кое-что автор даже зарисовывал.

В письмах сильно ощущение времени: все важнейшие события общественно-политической, культурной, литературной жизни России 40-х гг. XIX в. нашли отражение в них. Пишет автор и о собственной литературной деятельности, замыслах произведений, цитирует свои стихи. Много места уделено в письмах отношению автора к представителям славянофильского кружка и к славянофильству в целом. В этом удивительно современном произведении автор запечатлел и свой портрет, благородного человека, чьи дела приведены в полное соответствие с его представлениями, работающего над своим развитием, человека, без которого картина той жизни была бы неполной.

А.П. ЧЕРНИКОВ

Калужский спутник В. Маяковского

В немногочисленных источниках, скупо освещающих пребывание в Калуге в апреле 1914 г. В. Маяковского, вскользь говорится о том, что его сопровождал в поездке поэт К. Большаков. Кто же такой Большаков?

Имя этого поэта и прозаика принадлежит к числу незаслуженно забытых художников слова, которые сейчас постепенно возвращаются в нашу культуру. Жизненный и творческий путь К.А. Большакова (1895-1938 гг.) весьма поучителен, ибо отразил не только превратности частной судьбы, но преломил в себе сложные процессы развития русской литературы 1910 - 1930-х гг. XX столетия.

Родился К. Большаков 14 (26) мая 1895 г. в Москве в семье судмедэксперта. Будущего поэта влекла к себе с детства художественная литература. В автобиографии он отмечал: «*Стихи начал писать с 14 или 15-летнего возраста*» [1]. И действительно, еще будучи гимназистом, в 1911 г., он публикует свой первый сборник поэзии и прозы «Мозаика». В рецензии на книгу один из мэтров отечественной поэзии серебряного века Н. Гумилев среди подражательных стихотворений, плодов литературного ученичества, отметил и произведения, радующие «*подлинной непосредственностью и какой-то особой, юношеской восторженностью*» [2]. После окончания в 1913 году гимназии Большаков поступает на юридический факультет Московского университета. В этом же году он выпускает сразу две книги - поэму «Le futurum» и стихотворный сборник «Сердце в перчатке», обнаружившие тесную связь его творчества с поэтической практикой футуристов, прежде всего ориентацию на творческий опыт В. Маяковского и И. Северянина. Не чужды автору и урбанистические мотивы поэзии В. Брюсова. В лучших стихотворениях, вошедших в сборник «Сердце в перчатке» («Королева Май», «Звезды задумчиво резали воздух...», цикл «Город в лете»), молодой поэт стремится к передаче душевных движений лирического героя, к постижению многообразия окружающего мира.

В качестве примера можно привести стихотворение «Я хочу быть странным, странным...», которое является своего рода творческой декларацией поэта, стремящегося к художественному пересозданию мира - сложного, противоречивого, как и душа лирического героя с его юношеским максимализмом:

*Я хочу быть странным, странным
И понятным лишь себе,
То правдивым, то обманным,
Верным ветреной судьбе.*

*Вечно новой перемене
Все волю в напев стихов -
Целый мир: и свет, и тени,
Правду жизни, ложность снов.*

*Все создам и все разрушу,
Полюблю и прокляну,
В песни, в грезы, в речи, в душу
Целый мир вдохну.*

Есть в этой книге и заумные стихотворения, восходящие к словесному экспериментаторству А. Крученых. Но в целом сборник вызвал положительные оценки читателей и критики.

Этот успех К. Большаков закрепил выпущенными в 1916 г. еще двумя поэтическими сборниками - «Королем Мод» и особенно книгой «Солнце на излете», а также вышедшей отдельным изданием поэмой «Поэма смерти», посвященной теме первой мировой войны. Несмотря на определенную ориентацию автора на тогдашние поэтические авторитеты, эти книги свидетельствовали о несомненном таланте Большакова, обладавшего собственным видением мира и системой образов и интонаций, не заимствованных слепо, а лишь отчасти перекликающихся с образностью других поэтов-современников, прежде всего Северянина, Маяковского, Брюсова и Пастернака. Тематический диапазон поэзии К. Большакова довольно широк. Это жизнь большого города, тема природы, творческого поиска, особенно тема любви (стихотворения «Молитвы любимой», «Мадригал» и др.), которая в лучших его произведениях отличается глубиной и искренностью в изображении внутреннего мира лирического героя, испытывающего неподдельный душевный восторг перед любимой им женщиной.

*Никогда не сказать серебристое имя,
Никогда не назвать Вас, одну,
Как по книге страницам, Вы днями моими
В неизбежную тихо прошли тишину,-*

признается он в стихотворении «Молитвы любимой».

Большаков последовательно примыкал практически ко всем творческим группировкам, составлявшим течение русского футуризма: «Мезонин поэзии», «Гилея», «Центрифуга». Позднее В. Брюсов свидетельствовал: «В эпоху зарождения футуризма К. Большаков был отмечен критикой как один из наиболее талантливых представителей этого движения» [3]. В личном плане Большаков более всего тяготел к Маяковскому, близкому ему по духу поэту и человеку. В воспоминаниях о Маяковском Б. Пастернак пишет: «Из множества людей, которых я видел рядом с ним, Большаков был единственным, кого я совмещал с ним без всякой натяжки. Обоих можно было слушать в любой последовательности, не насилуя слуха» [4]. Этим обстоятельством, несомненно, и объясняется тот факт, что в поездку в Калугу Маяковский взял с со-

бою именно Большакова. Анонимный корреспондент газеты «Калужский курьер» в корреспонденции о выступлении обоих поэтов в Калуге следующим образом характеризует К. Большакова: «Скромный юноша, закатывающий глаза и захлебывающийся от упоения в передаче футуристической поэзии» [5].

Судьбу Большакова круто изменила первая мировая война. Осенью 1915 г. он оставляет университет и поступает в военное кавалерийское училище, после окончания которого служит корнетом в действующей армии. После Октябрьской революции он продолжает службу в Красной армии, из которой демобилизовался лишь в 1922 г. с поста военного коменданта г. Севастополя.

Во время революции и гражданской войны Большаков практически ничего не писал и вновь возвратился в литературу лишь в 20-е гг., но уже в качестве прозаика. Свой путь писателя-прозаика он начал с создания лирических миниатюр «Счастье», «Мираж», «Флакончик», пьесы «Странная песня», которые освещают тему несостоявшейся или неразделенной любви. Из наиболее значительных произведений Большакова 20-х гг. заслуживает внимание роман «Бегство пленных или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» (1928). Соединяя в этом произведении реальные факты и художественный вымысел, автор рисует сложную и противоречивую фигуру поэта. Оказавшись в плену господствовавшего тогда мифа о Лермонтове как о весьма неуживчивом человеке, писатель показывает его вздорным, грубым, подчас холодным сердцеедом. Но это лишь одна сторона психологического облика поэта. Другая же состоит в том, что Лермонтов предстает на страницах романа как гениальный художник слова, преемник Пушкина, обессмертивший русскую литературу. Роман в свое время был весьма популярен, о чем свидетельствуют четыре прижизненных переиздания.

Перу Большакова принадлежит также мемуарный роман «Маршал сто пятого года», в котором выведены обаятельные образы Маяковского, Северянина, Брюсова. Произведение, к сожалению, осталось незавершенным: 17 ноября 1936 г. Большаков был незаконно репрессирован и в апреле 1938 г. расстрелян.

Так трагически завершился жизненный путь одного из популярных писателей первой трети XX в., имя и произведения которого должны быть извлечены из забвения, чтобы занять свое место в истории отечественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. - Изд. 2-е. М., 1928. С.60.
2. Аполлон. 1911. № 6. С.75.
3. Литературное наследство. Т.85. М., 1986. С.244.
4. *Пастернак Б.* Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1952. С.269.
5. Калужский курьер. 1914. № 43.

В.Т. ЗАХАРОВА

Поэзия усадебного быта в изображении К. Леонтьева (роман «Подлипки»)

С Калужской губернией непосредственно связана «духовная биография» большого русского писателя, мыслителя, историка литературы К.Н. Леонтьева (1831 - 1891 гг.), чье наследие возвращается из небытия после долгих десятилетий забвения.

Родился писатель в имении Кудиново под Калугой в родовой дворянской семье. Здесь прошло его детство, сюда не раз приезжал он в юности, и благословенные воспоминания об этой поре легли в основу его первого романа «Подлипки», написанного в 1861 г. в Нижегородской губернии в имении барона Розена, куда Леонтьев был приглашен в качестве домашнего врача.

«Подлипки» - это очень «русский роман» с хорошо просматриваемой глубиной традиции. Как справедливо замечено, « в его истоках -

*Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины,*

что все более со временем ценил Пушкин, из чего возникла его «Капитанская дочка», на чем выросли аксаковские хроники, тургеневские повести и романы, «Война и мир» Толстого. На этом выросли и «Подлипки» [1].

Главное в романе - это всеобнимающая собой в повествовании стихия ностальгического лиризма, окрашивающая воссоздаваемый писателем мир ушедшего детства в провинциальном усадебном затишье, душевные бури юности, волны которых за дымкой времени, хотя уже и не кажутся столь грозными и потрясающими, но при воссоздании вновь обретают четкие контуры и значительность.

«Подлипки» имеют подзаголовок: «Записки Владимира Ладнева». Этот автобиографический образ и организует собой все повествование, в котором события изображены через его восприятие. Здесь важно то, что волновало душу юного Ладнева, что вольны вернуть из прошлого его память, его воображение. А волновали героя Леонтьева прежде всего прекрасные начала бытия, которые его художественная душа умела искать и находить вокруг себя.

В. Розанов писал, что красота у Леонтьева была главным пафосом, и именно «красота действительности в самой жизни, в быту, в событиях» [2].

Милые сердцу Володи Ладнева Подлипки дороги ему главным образом тем, что там, казалось, «никто не страдает - все цветет и зеленеет», что там «самая трава имеет больше смысла, чем в других местах» [3]. В подобных признаниях содержится важное свойство леонтьевского мировосприятия: неразрывность красоты и добра.

В восприятии Леонтьева воспоминаемые прекрасные дни благоуханного среднерусского лета в барской усадьбе неизменно соединены не только с красотой природы, но и нравственными устоями поместной жизни. Так, несомненную радость доставили ему слова двоюродного брата Модеста, впервые побывавшего в Подлипках: «Здесь у вас во всем видно довольство. Видно, что люди не угнетены, а баловство не сделало их надменными» (с.141). Вспоминая, к примеру, Клашу, подругу детских и юношеских лет, Владимир Ладнев не забывает отметить: «И доброты я в ней видел много самой утонченной» (с.117).

Не стоит думать, что герой Леонтьева не видит нигде в окружающем несправедливости, - видит, конечно, и чутко реагирует на них: свидетельством тому хотя бы эпизоды с наказанием крепостной девочки Кати или с выходкой брата Николая, травившего своими борзыми собаку деревенского мужика.

Однако подлиповское бытие столь благотворно воздействовало на чуткую душу Ладнева именно потому, что в целом было основано на веками освященных христианских этических представлениях, на православной обрядовости, воспринимаемой глубоко и сокровенно. Поэтому в душе героя «память о картинах детства жила неразрывно с молитвами и надеждами» (с.81), а жизнь в доме дядюшки в другой губернии казалась ему холодной и без-

жизненной еще и потому, что «здесь, - вспоминает Ладнев, - уже не ходила тетушка в белом капоте с оборками в день святителя Мокия молиться об отвращении града от полей; здесь некому было закапывать под межевые столбики склянки с святой водой; здесь не крестили кукушку, не наряжались на святках, забывали про Троицын день украшать углы березками» (с.74).

Красота и целесообразность календарной обрядовости, глубина и щемящая трогательность Священного писания задевали самые нежные струны в душе мальчика, высоко возносили его дух. Характерно его очень личностное восприятие Ветхого завета, эпизода явления Христа двум ученикам в Эммаусе: представляя в реальности происшедшее, Володя Ладнев переживает его так, «как будто самый близкий человек уехал из дому и из сада этого» (с. 82).

Известный американский исследователь творчества К. Леонтьева Ю. Иваск заметил, что в романе от образа Христа, «полночного Жениха», «веет тихой музыкой вечности: и эта музыка незаметно, но внятно звучит где-то на верхах - и в природе, и в быту, и в душе рассказчика - Володи Ладнева» [4].

«Подлипки» - первый роман незаурядного писателя, но он заслужил высокие оценки дореволюционных исследователей, считавших, что «это самое замечательное, что дала в то время русская беллетристика» [5], что К. Леонтьев один из «величайших и оригинальнейших выразителей самобытности русской культурной мысли» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Котельников В. Парадокс о писателе// Леонтьев. Египетский голубь. М., 1991. С.13.
2. Розанов В. Неоценимый ум// Опыты. Литературно-философский ежегодник.
3. Леонтьев К. Подлипки// Леонтьев К. Египетский голубь. М., 1991. С.81,116¹.
4. Иваск Ю. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. Берн-Франкфурт. 1974. С.36.
5. Закржевский А. Одинокий мыслитель (Константин Леонтьев). Киев, 1916. С.9.
6. Александров А. Предисловие// Леонтьев К. О романах гр. Л. Толстого. Анализ, стиль и веяние (Критический этюд). М., 1911. С.6.

¹ Далее ссылки на это издание даются лишь с указанием страницы.

Е.М. КЛИМОВА

Писатель А.К. Виноградов и его семья

Окружение Цветаевых в Тарусе

Русский писатель А.К. Виноградов, автор известных романов: «Осуждение Паганини», «Три цвета времени» и «Черный консул», с детства входил в тарусское окружение Марины Цветаевой. Знакомство Анатолия Виноградова и его сестры Нины с Мариной и Анастасией Цветаевыми, начавшееся в Тарусе в 1902 г., постепенно переросло в дружбу. Из книги А.Цветаевой «Воспоминания» (М., 1985): «Мы нередко бывали у Виноградовых. Как-то так разделялись, что я - с Толей, Марина с Ниной ...», «У Марины началась новая дружба - не гимназическая: с Ниной Виноградовой, их связывала Таруса ...». Марина Цветаева посвятила Н. Виноградовой 2 стихотворения, вошедшие в сборник «Вечерний альбом».

В московском доме Цветаевых А. Виноградов в 1911 г. впервые прочитал свою раннюю неоконченную повесть «Девочка со скрипкой», заслужившую одобрение М. Цветаевой.

Сестры Цветаевы и А.Виноградов принадлежали к одному дружескому кругу, в котором были А. Белый, Эллис, Нилендер, С. Соловьев. Об этом М. Цветаева упоминает в очерке об Андрее Белом «Пленный дух». Кстати, название романа А. Белого «Серебряный голубь» родилось из рассказов А. Виноградова о Тарусе.

В 1933 г. в Париже М.И. Цветаева написала хлесткий очерк «Жених», в котором карикатурно изобразила А. Виноградова. И хотя это художественный образ, рожденный творческой фантазией замечательного поэта, писательница А.И. Цветаева в статье «Об очерке моей сестры Марины «Жених», написанной в 1980-е гг., сделает попытку реабилитировать имя А. Виноградова. А. Цветаева сохранила теплые чувства к Виноградову до конца своей жизни.

Анатолий Корнелиевич Виноградов родился 28 марта 1888 г. в селе Полотняный Завод в семье учителя К.Н. Виноградова. Мать будущего писателя Н.Н. Виноградова (урожд. Гумилевская) близко дружила с Е.Д. Гончаровой - племянницей Н.Н. Пушкиной. По ходатайству семьи Гончаровых распоряжением управляющего Московским учебным округом от 14.II.1889 г. (РГАЛИ, ф.1303,

д.3, ед.хр.4) К.Н. Виноградов был назначен учителем арифметики и геометрии в Тарусское уездное училище. С того времени биография А.К. Виноградова связана с Тарусой. В Тарусе у Виноградовых был собственный дом, который сохранился по сей день на нынешней улице Каляева. В этом доме часто бывали Марина, Анастасия и Валерия Цветаевы. Валерия Цветаева, обладавшая хорошим голосом, и Н. Виноградова давали концерты.

Будучи гимназистом, Толя Виноградов обучался искусству препарирования у известного ученого-орнитолога Ф. Лоренца, в летнее время плавал юнгой на кораблях. Летом 1905 г. в составе научной экспедиции А. Шидловского оказался на берегах Ледовитого океана. Путешествие описано им в путевых заметках «От Кандалакши до Колы» (РГАЛИ, ф.1303, д.219). Сложилось так, что основная часть экспедиции во главе с руководителем погибла в море. Юный Виноградов добрался до России через Норвегию без паспорта и почти без денег. Потребность выразить чувства после пережитого подтолкнула его к первым литературным опытам. Помимо прозы, им написаны были и стихи.

В 1906 г. А. Виноградов закончил 1-ю Московскую мужскую гимназию, проучился 2 года на физико-математическом факультете Московского университета, в 1908 г. поступил на философское отделение историко-филологического факультета того же университета. Был под влиянием религиозно-мистического учения поэта и философа Вл. Соловьева, даже написал курсовую работу «Обоснование этики по Вл. Соловьеву». Был близким другом поэта и философа С. Соловьева - племянника Вл. Соловьева, двоюродного брата А. Блока. Сергей Соловьев неоднократно приезжал к Виноградовым в Тарусу, в сборник стихов «Апрель» (1910) включил стихотворение «Иоанн Грозный», посвященное А. Виноградову. Виноградов, в свою очередь, посвятил С. Соловьеву поэму «Век сатурна» (рукопись), написанную в 1910 - 1911 гг. античным размером. Но в ней, несмотря на тяжеловесную «антику» рифмы, изображены не деяния греков и римлян, а прекрасная природа Тарусы.

А. Виноградов пережил увлечение творчеством Д. Мережковского, его идеями. По истечении времени, усомнившись в своем кумире, в 1909 г. в поисках истины поехал в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому. Во время беседы осмелился не соглашаться с ним, спорить и противоречить ему. Из записной книжки № 2 А. Виног-

радова (РГАЛИ, ф.1303, оп.1, д.296): «Когда сказал мне, что надо душу спасти, я быстро спросил - «От чего?». Он сим вопросом был изумлен и рассержен». Однако после этого визита Виноградов еще дважды ездил к Толстому, но оба раза с Е.Д. Гончаровой, которую очень любил и уважал, называют крестной матерью. В одну из таких поездок услышал от Толстого о деятеле кавказской войны XVIII в. Мансуре, предшественнике Шамиля, что побудило А.К. Виноградова спустя годы написать очерк «Шейх Мансур», изданный отдельной брошюрой в 1934 г.

В 1910 г. вступает в «Общество свободной эстетики». В списке членов этого общества были: М. Волошин, Ю. Балтрушайтис, К. Станиславский, Ф. Шаляпин, Л. Пастернак, сестры Гнесины, В. Серов, С. Танеев и др. Общение с ними, посещение заседаний общества оказало большое влияние на А. Виноградова.

В 1912 г. Виноградов закончил Московский университет и был принят младшим помощником библиотекаря в Румянцевский музей, где уже проработал бесплатно 3 года вольноотруждающимся, т.е. внештатным сотрудником. С 1918 г. избран Ученым секретарем, а с 1921 г. работает директором музея. В это же время реорганизовывает Румянцевский музей в Румянцевскую библиотеку, которая в 1924 г. начинает называться: Государственная Публичная библиотека им. В.И. Ленина. Виноградов был первым директором этой библиотеки. В конце 1924 г. по состоянию здоровья и по заявлению освобожден от должности директора и назначен зав. отделом славяноведения и славянской литературы. В 1929 г. уходит из библиотеки в Госиздат редактором литературно-художественного отдела, где работает по 1931 г. включительно. (Сведения взяты из трудовой книжки и трудового списка. - РГАЛИ, ф.1303, оп.1, д.13). За годы работы в Румянцевской библиотеке А.К. Виноградов сделал чрезвычайно много для развития библиотечного дела в России: воплотил в жизнь уже после 1918 г. часть планов, созревших после поездки за границу для ознакомления с работой музеев и библиотек еще в 1913 г., в гражданскую войну развернул большую работу по спасению книжных богатств от уничтожения, по его инициативе были созданы библиотечные комитеты в России (в т. ч. в Тарусе).

Расцвет литературной деятельности А.К. Виноградова приходится на конец 1920-х гг. и 1930-е гг. Первая его книга «П. Мериме в переписке с Соболевским» вышла в свет в 1928 г., за нее Ви-

ноградов получил Академическую премию и был избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Эта книга французскими учеными включена в число основных исследований русско-французских связей. Книга «Мериме в письмах к Дубенской. Письма семьи Лагренэ» (1937 г.) также посвящена Мериме. Стендалю, помимо известного романа «Три цвета времени», А.К. Виноградов посвятил ряд работ, объединенных общей темой «Стендаль и Россия» (наиболее известна из них «Потерянная перчатка» (Стендаль в Москве), изданная отдельной книгой в 1931 г. Работа над творчеством Стендаля сделала Виноградова ученым с мировым именем, на которого ссылаются французские литературоведы. Среди книг, написанных в 1930-е гг., «Осуждение Паганини», «Черный консул», «Байрон», «Повесть о братьях Тургеневых» и др. Одних только статей в журналах и газетах с 1919 г. по 1932 г. было опубликовано Виноградовым около 100. Остался незавершенным роман «Хроника Малевинских», над которым писатель работал в 1940-е гг.

А.К. Виноградов был человеком деятельным, активным. Но чем бы он ни занимался, всегда находил время для посещения своей любимой Тарусы. Даже в гражданскую войну часто бывал в Тарусе. Выполнял в Москве всевозможные поручения тарусян. В РГАЛИ сохранились письма, документы о снабжении им уезда сельхозлитературой, о помощи уездному земотделу и Тарусскому театру, которым с 1918 г. по 1925 г. руководила его мать. В РГАЛИ есть документы, свидетельствующие о том, что театр финансировался Наркомпросом, а не был народным, как все думали.

В 1946 г. А.К. Виноградова не стало.

З.В. ВАСИЛЬЕВА

Неизвестные страницы жизни В.Д. Поленова

Владельцы Белкинской усадьбы Обнинские и Трояновские - поддерживали дружеские отношения с широким кругом деятелей русской культуры: Ф.И. Шаляпиным, И. Буниным, В.Я. Брюсовым, И.И. Левитаном, В. Серовым, Е. Лансере, И. Грабарем, К. Коровиным, В.Д. Поленовым и др.

Знакомство Ивана Ивановича Трояновского (1855 - 1928 гг.),

московского врача, меломана, коллекционера русской живописи, с Василием Дмитриевичем Поленовым состоялось в начале 1880-х гг. Трояновский, тогда начинающий, но уже страстный коллекционер «с сотней трудовых грошей в кармане» пришел к Поленову, смущенно изложив цель своего визита - желание приобрести картину. Его принял «... простой, нервный, чуткий, ласковый и деликатный, почти застенчивый человек, который сразу все понял ... и наделил сокровищами» [1]. Вскоре это первое знакомство переросло в большую дружбу, которая и продолжалась более 40 лет - на протяжении всей жизни. Став близким другом Ивана Ивановича Трояновского и его жены Анны Петровны (урожденной Обнинской), Поленов в одном из писем трогательно об этом напишет: «Вы и Анна Петровна были для меня истинными друзьями. Мои посещения Вашего привлекательного и полного радостных настроений лесного уголка, так называемых Бугров, (усадьба Белкино находится в черте г. Обнинска) остались чудными воспоминаниями, объатыми художественно-музыкальным трепетом» [2]. В Буграх у Трояновских часто собирались поэты, музыканты, художники. Здесь они работали, читали, спорили, музицировали. В этом принимал участие и В.Д. Поленов, веселый, обаятельный. Живописец и пейзажист, он обладал еще талантом музыканта и композитора: «... помню такие симпатичные вечера, - вспоминает он, - когда Анна Петровна (прекрасная пианистка) просматривала и даже руководила и исполняла мои музыкальные начинания» [3]. Не имея специального музыкального образования, Поленов написал музыку к опере «Призраки Эллады», которая была поставлена в Москве в Большом зале консерватории в 1906 г.

В начале девяностых годов Василий Дмитриевич знакомится с другими владельцами белкинского имения - Обнинскими. В 1901 году по приглашению В.Д. Поленова Обнинский (1867-1916 гг.) с женой побывали в его уютном имении Борок на берегу реки Оки. Гостеприимный хозяин преподнес им замечательный подарок - живописный этюд. «... Не перестаем с женой любоваться (этюдом) и открываем все новые и новые детали» [4].

Побывав у Поленова, Обнинские и Трояновские приглашают его к себе. «... Ждем Вашего приезда и не теряем надежды видеть Вас в Белкине еще зимой в конце масляной» [5]. Но Василий Дмитриевич в белкинское имение приехал только в мае 1902 г.

Живя у Обнинских, он много работает над серией картин «Из жизни Христа» (1899-1909 гг.) [6].

После посещения Белкинской усадьбы между В.Д. Поленовым и В.П. Обнинским крепнут дружеские связи.

Усадьба Борок на Оке сделалась любимым местом пребывания В.Д. Поленова, где он всегда рад был видеть своих друзей. Виктор Петрович Обнинский пишет: «... я не забыл о Вашей просьбе приехать к вам в Борок, на «долгих»...» и о возвращении таким же порядком с Вами к нам».

В 1904 г. Поленов еще раз приезжает в Белкино. Обнинские полны любви и благодарности к художнику за то, что навестил и за новый подарок - этюд старинного барского дома.

В апреле 1906 г. В.П. Обнинский от партии кадетов избран в I - ю Государственную думу. Оставив Калугу, он уезжает в Москву, но связи между Поленовым и Обнинским не прекратились. Читая переписку, мы знакомимся с их политическими взглядами, видим их симпатии и антипатии, понимаем их устремления.

07.04.1906 г.

«Дорогой Виктор Петрович!

Не знаю, как выразить Вам мою радость по поводу избрания Вас в Государственную думу. Если бы у нас на Руси было побольше таких людей как Вы, наверное, не было бы всяких ужасов, что мы пережили за последние годы ... Не было бы ни низких мошенничеств Витте и безобразных зверств Дурново и его сподвижников. Только бы Вас и ваших товарищей эти злые преступники на первых же порах не уничтожили. Если вы победите, то начнется эпоха света, и от всей души желаю Вам борьбы и наступления этой эпохи. Ваш Поленов.»

25.05.1906 г.

«Глубокоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич! Спасибо за Вашу постоянную память и одобрение ... Петербург настроен враждебно к Думе. В общем - положение куска железа между молотом и наковальней; очень беспокойно, очень больно, но может выйти зато клинок, которым и будет, наконец, проткнут абсолютизм ... Искренне преданный Вам В.Обнинский.»

8 июля 1906 г. Указом царя Дума была распущена. После роспуска I-й Государственной думы, за подписание Выборгского воззвания, В.П. Обнинский был осужден на три месяца одиноч-

ного тюремного заключения. Друзья не отвернулись и не оставили его. В.А. Серов, В.Д. Поленов и др. сочувствуют Обнинскому и поддерживают его. Выйдя из тюрьмы, Виктор Петрович получает от Поленова полное искренних чувств письмо.

«Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Петрович!

От души приветствую Вас и радуюсь с близкими, что окончилось Ваше заключение. Вы твердо перенесли невзгodu, за что честь Вам и хвала! Вы, да и мы все, слишком идеализировали действительность, не рассчитали сил и потерпели неудачу. Но несмотря на злорадство и насмешки темного царства, несмотря на клевету и обман, на их грубое насилие - наше дело не проиграно, и ваши высокие и бескорыстные убеждения, Ваша твердость и Ваш опыт еще понадобятся для дела. Грубая тьма реакции и подлое влияние так называемых октябристов рассеется и вечное наше солнце взойдет, и мы увидим Вас опять в первых рядах борцов за свободу и справедливость. Искренне уважающий и любящий Вас Поленов.»

Эти фрагменты переписки дают яркое представление о двух обаятельных людях, искренних, светлых, не вступающих в сделку со своей совестью, отличительными чертами которых были душевное благородство и любовь к своей родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сахарова Е.В.** Василий Дмитриевич Поленов: Письма, дневники, воспоминания. М.-Л., 1948. С. 431.
2. ГТГ. Рукописный отдел. 54/1086. Письмо В.Д. Поленова к И.И. Трояновскому от 29 июня 1920 г.
3. Там же.
4. ГТГ. Рукописный отдел. 54/3274. Письмо В.П. Обнинского к Поленову от 2 февраля 1902 г.
5. Там же.
6. ГТГ. Рукописный отдел 54/1086. Письмо Поленова к Трояновскому от 29 июня 1920.
7. ГТГ. Рукописный отдел. 54/3278. Письмо В.П. Обнинского к В.Д. Поленову от 10 августа 1904 г.
8. ГТГ. Рукописный отдел. 54/271. Письмо В.Д. Поленова к В.П. Обнинскому от 7 апреля 1906 г.
9. ГТГ. Рукописный отдел. 54/3281. Письмо В.П. Обнинского к В.Д. Поленову от 25 мая (1906).
10. ГТГ. Рукописный отдел. 54/272. Письмо В.Д. Поленова к В.П. Обнинскому от 29 августа 1908.

С.М. БУРМАН**Александр Александрович Ростиславов**

Жизнь и деятельность А.А. Ростиславова, художника и критика, связана с бурной эпохой рубежа XIX и XX вв. Его имя стало появляться на страницах многих известных изданий одновременно с уже хорошо знакомыми читателям и зрителям именами А.Н. Бенуа, Сергея Глаголя, С.П. Дягилева, Я.В. Филофова и И.Э. Грабаря. В отличие от большинства своих коллег-современников он не готовился к художественной деятельности в юности, и его путь в искусство не был простым.

Сведения о жизни и творчестве А.А. Ростиславова очень малочисленны: короткий информационный очерк М.М. Днепровского и рукопись статьи историка и краеведа Д.И. Малинина «На смерть Ростиславова». Две эти работы и труды самого критика, живописные произведения, рисунки и акварели послужили основой для этого сообщения.

А.А. Ростиславов родился в Калуге 9 марта 1860 г. в семье священника Воскресенской церкви. Годы детства и учебы в гимназии прошли под знакам увлечения идеями шестидесятников. Пример дяди-профессора определил выбор дальнейшего пути, и он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Однако традиции семьи, воспитание и занятия живописью еще в гимназические годы не могли не оставить следа. Встреча с В.Е. Маковским, регулярные посещения Третьяковской галереи и московских театров, частые прогулки по Москве изменили его жизнь. Свое художественное образование А.А. Ростиславов начал в Московском училище живописи, когда во главе его стояли В.Г. Перов и И.М. Прянишников, через два года поступил в Академию художеств, где проучился в течение шести лет. Особенно много дали ему занятия рисунком у П.П. Чистякова. В 1891 г. А.А. Ростиславов закончил Академию художеств со званием классного художника третьей степени.

К сожалению, коллекция произведений А.А. Ростиславова в собрании Калужского областного художественного музея не позволяет составить полного представления о творчестве художника и уровне его мастерства. В ней преобладают архитектурные наброски, пейзажи и портреты этюдного характера.

Главным делом жизни А.А. Ростиславова стала критика, куда он пришел уже сложившимся человеком, имеющим большую художественную подготовку и широкий круг интересов. Его первые статьи были посвящены театру и часто появлялись на страницах журнала «Театр и искусство». Интерес к театру и всему, что с ним связано, и прежде всего к театральной декорации, А.А. Ростиславов сохранил на всю жизнь. Он посвятил немало строк театральным работам В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, Л. С. Бакста, А.Н. Бенуа и др., отметив изменившуюся роль сценического оформления в театральном спектакле.

Занимаясь вопросами изобразительного искусства, А.А. Ростиславов обращался как к художественному наследию, так и творчеству современников (статьи о П.А. Федотове и К.П. Брюллове, С.Т. Коненкове, В.В. Верещагине, К.С. Петрове-Водкине). Несмотря на то, что взгляды критика иногда несколько субъективны, многое из сказанного им остается современным и точным в наши дни. Статьи, очерки, монографические исследования А.А. Ростиславова всегда отличает тонкий анализ, умение точно отметить самобытное и яркое в художнике («Декоративный дар Е. Лансере» и т.д.).

Большое место в критической деятельности А.А. Ростиславова занимают монографии о русских художниках. Работы эти не равноценны, но в каждой из них автор отмечает неповторимые черты художника, и когда он анализирует уже пройденный путь (А.И. Куинджи, И.И. Левитан, А.П. Рябушкин), являясь по сути историком искусства, и когда пишет о своих современниках (Н.К. Рерих), находящихся в начале пути.

Еще одной стороной многогранной деятельности А.А. Ростиславова была его работа по защите и охране памятников старины. А.А. Ростиславов много лет сотрудничал с журналом «Старые годы», печатая свои материалы в рубрике «Летопись провинциального вандализма». В 1904 - 1916 гг. он много путешествовал по России. Результатом поездок стали не только статьи и очерки об архитектурных памятниках, но и множество рисунков и акварелей, показанных на выставках «Нового общества художников».

А.А. Ростиславов неоднократно выступал со статьями в защиту архитектурных памятников Калуги (церковь Покрова, Гостиный двор, Палаты Коробовых, Золоторевский памятник). Об этой

деятельности достаточно подробно пишет Д.И. Малинин в своем очерке.

Интересное и разнообразное наследие А.А. Ростиславова еще не получило серьезной оценки и не нашло своего места в истории русской критики рубежа столетий.

С.И. ЛИЧЕНКО

Художественное собрание из имения Железники

«Старый дом Железников был полон портретами времен Екатерины и Александра. Здесь почти вся семья Лазаревых, Деляновы, Анна Давыдовна Абамелек ...» - так писал о художественном собрании известный искусствовед начала нынешнего века Н. Врангель в журнале «Старые годы». Портреты из имения Железники, хранящиеся в настоящее время в художественном и краеведческом музеях Калуги, представляют сложную и интересную картину переплетения судеб представителей древних армянских родов Лазаревых, Деляновых, Арапетовых, Сумбатовых, переселившихся в Россию в XVIII в.

Исследовательская работа по изучению художественного собрания из Железников предполагает решение целого комплекса проблем генеалогического, атрибуционного, исторического характера. Подписные и датированные портреты следует отнести к «росике» - так в искусствоведческой литературе называют произведения иностранных художников, работавших в России в XVIII - XIX вв. Портреты И.И. Арапетова, М.Е. Деляновой, Е.Е. Арапетовой, М.Е. Абамелек и др. выполнены в технике пастели К.В. Барду, немецким художником, жившим и работавшим в России в первой пол. XIX в. и принявшим русское подданство. По своим формальным признакам портреты К.В. Барду представляют собой тип камерного поясного портрета; модель, как правило, дается в трехчетвертном повороте на нейтральном фоне. Отмеченные хорошим вкусом, изящные портреты К.В. Барду в отдельных случаях страдают погрешностями в рисунке, однообразием композиционного решения и несколько одинаковым выражением лиц портретируемых. Его манера работы пастелью и композиционные постановки достаточно хорошо узнаваемы во всех произведениях. В изучении портретов неоценимую помощь оказывают архивные материалы,

в частности, при определении личности модели. Так, архивные документы помогли в идентификации личности Семена Давыдовича Абамелека на акварельном портрете, происходящем из Железников. С.Д. Абамелек, сын генерала Д.С. Абамелека, героя Отечественной войны 1812 г., и М.Е. Лазаревой, младший брат прославленной красавицы, поэтессы-переводчицы Анны Давыдовны Абамелек, которой посвящали свои стихи А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, следуя семейной традиции, избрал военную карьеру, служил в лейб-гвардии гусарском полку, был товарищем М.Ю. Лермонтова по школе гвардейских юнкеров и по службе в полку. В 1869 году С.Д. Абамелек в чине генерал-майора вышел в отставку и серьезно занялся живописью. Как сообщает «Словарь русских художников...» Н.П. Собко, «...он писал портреты и исторические картины, а также образа для церквей в своих имениях, и за картину «Св. Стефан Пермский» был удостоен Академией художеств звания художника».

Из имения Железники происходят два портрета с изображением Давыда Артемьевича Делянова, генерала, героя Отечественной войны 1812 года. Один из них, более ранний по исполнению, подписной, датированный 1810-м годом, исполненный в технике пастели малоизвестным в России художником Франсуа Бодьо. Исследования, посвященные пребыванию иностранных художников в России, не называют имени этого художника, и лишь в работе А.П. Мюллера удалось обнаружить упоминание о том, что в 1803 году «С.-Петербургские Ведомости» сообщили о пребывании в России французского художника-миниатюриста Ф. Бодьо, который представлял в Академию художеств свои работы, «...написанные маслом, акварелью, пастелью». Вторым портретом с изображением Д.А. Делянова принадлежит кисти английского художника Джорджа Доу и является авторским повторением или копией портрета генерала Делянова, выполненного художником для Военной галереи Зимнего дворца.

Из Железников в разное время в краеведческий и художественный музеи Калуги поступили портреты с изображением представителей знаменитого в России рода Лазаревых: портреты попечителей Лазаревского института И.Е. Лазарева, Х.Е. Лазарева, парный портрет супругов Лазаревых и их сына А. Лазарева и др. Лазаревы вошли в историю искусства как меценаты, коллекционеры, их портреты писали известные художники. Изучение

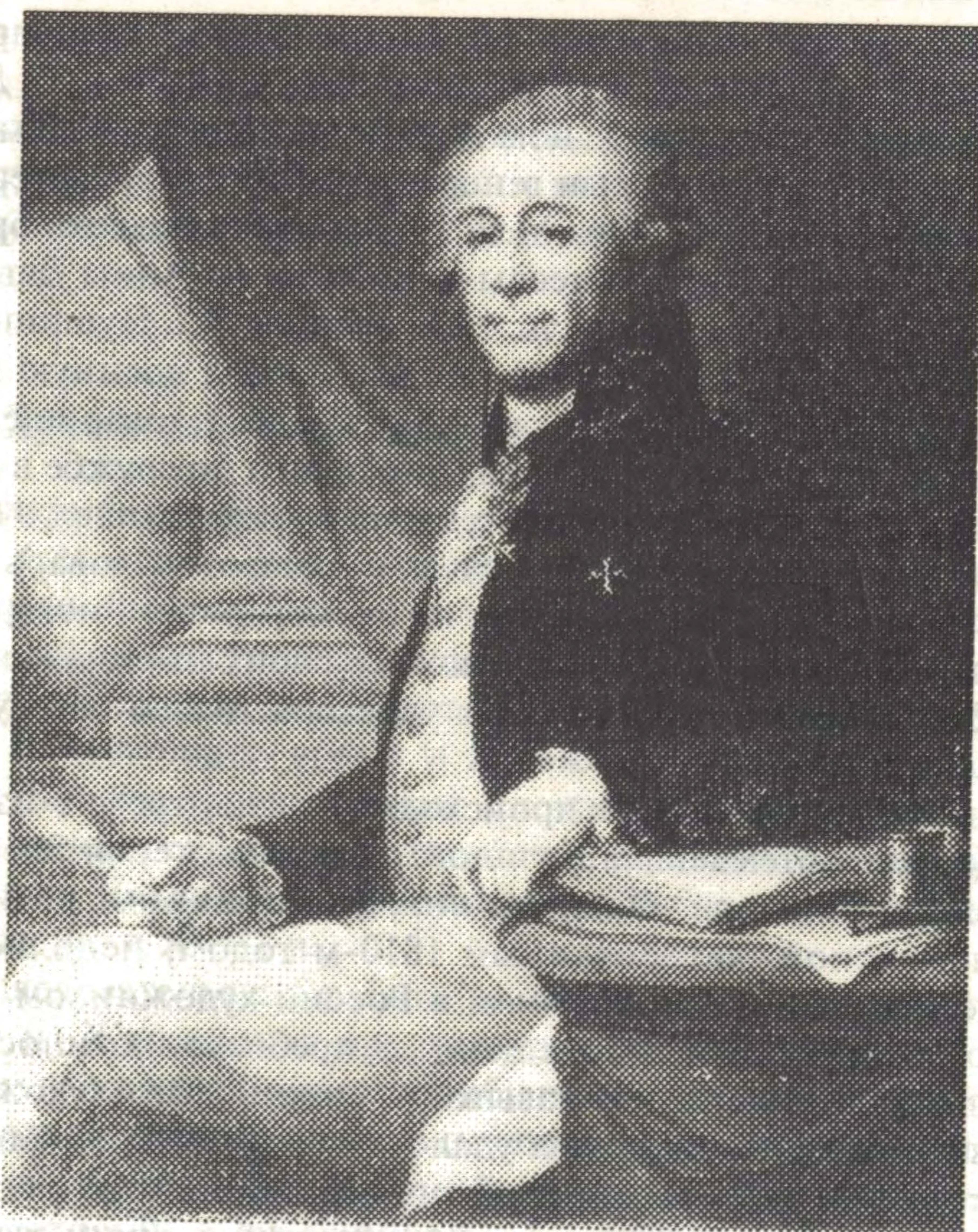


Рис. 1. И.Б. Лампи старший, портрет И.Л.Лазарева, 90-е гг. XVIII в., холст, масло.

портретов с изображением Лазаревых необычайно затруднено наличием большого количества авторских повторений, копий, которые заказывались для различных имений, отсутствием единообразия в написании инициалов лиц, изображенных на портретах. Живописные портреты супругов Лазаревых - Ивана Лазаревича Лазарева и Екатерины Ивановны и их сына Артемия Ивановича традиционно приписываются кисти И.Б. Лампи старшего, одного из крупнейших австрийских художников, работавшего в России с 1792 г. на протяжении пяти лет. Но изучение архивных материалов и стилистических аналогий позволяет утверждать, что Калужский художественный музей в лучшем случае

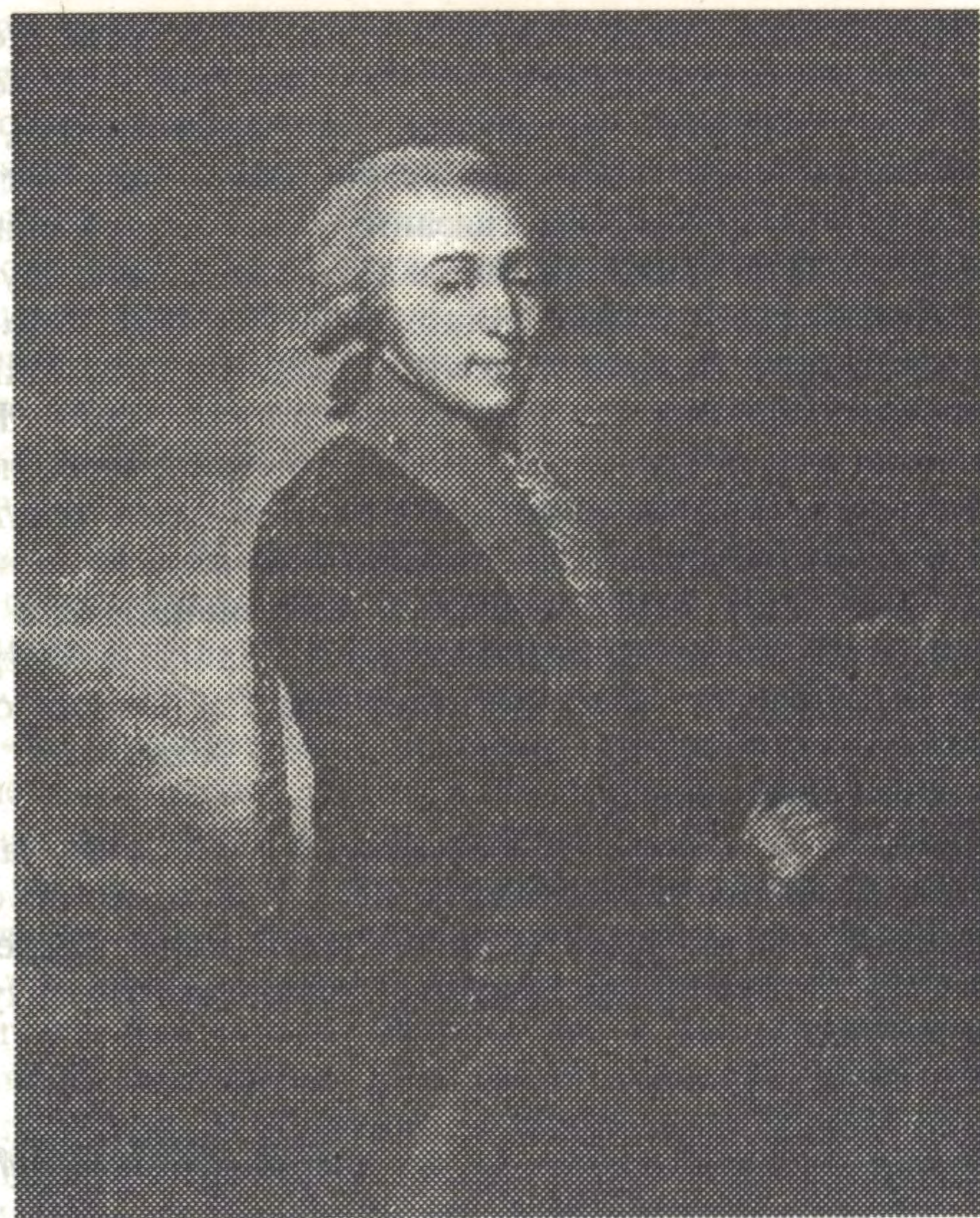


Рис. 2. И.Б. Лампи старший, портрет А.И. Лазарева, 90-е гг. XVIII в., холст, масло.

имеет авторские повторения портретов представителей семейства Лазаревых или же копии Лампи младшего, сына известного художника, который также работал в России, и хотя не пользовался такой известностью, как отец, все же имел много заказов и в 1797 г. стал академиком. Более того, Лампи младший был превосходным копиистом и часто копировал работы своего отца.

Вглядываясь в портреты И.Б. Лампи старшего, безусловно, приходишь к мысли, что это типичный придворный портретист, но блистательный художник, профессионал европейского уровня. Особенно впечатляет профессионализм, который дается только строгим классическим художественным образованием. Чрезвы-

чайно импозантным, преисполненным чувства собственного достоинства предстает перед нами И.Л. Лазарев (рис.1), известный в России как политический деятель, предприниматель, меценат, основатель Лазаревского института восточных языков, и наконец, придворный ювелир, связанный с историей одного из крупнейших в мире бриллиантов, известного в литературе под названиями «Амстердамский», «Лазаревский», «Русский», «Орлов». Молодой граф Лазарев Артемий Иванович (рис.2) изображен в парадном мундире адъютанта светлейшего князя Потемкина. Глядя на этот портрет блистательного счастливого молодого аристократа трудно представить его скорую трагическую кончину. В портретах Лампи старшего особая роль отводится аксессуарам. Шелк и бархат, ленты и ордена, драгоценности и пудренные волосы - все это не «околичности», а главное в портрете, и к ним как бы добавляется то или иное лицо, и каждый отдельный человек с индивидуальными внешними данными - это во многом типаж своей эпохи.

Живописная коллекция из Железников отличается разнообразием и по времени, и по технике исполнения, и по своему художественному уровню, но каждое произведение представляет собой в настоящее время большую историческую и художественную ценность.

Л.В. КАЛАШНИКОВА

Князь Евгений Николаевич Трубецкой в Калужской губернии

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (23 сент./9 окт. 1863 - 23 янв. 1920 гг.) - крупный юрист, философ, видный общественный деятель земского движения, родной брат известного философа Сергея Николаевича Трубецкого, был владельцем имения в Бегичеве Калужского уезда Калужской губернии.

Отец братьев Трубецких - Николай Петрович Трубецкой (1828 - 1900 гг.) в 1876 г. был назначен вице-губернатором в Калугу и с 5 ноября 1867 по 21 сентября 1886 г. прослужил калужским вице-губернатором [1, с.30]. Осенью 1877 г. семья Трубецких переехала в Калугу, и Сергей и Евгений Трубецкие с пятого по восьмой класс (1877-1881 гг.) учились в Калужской мужской ка-

зенной гимназии, которая оставила у них лучшие воспоминания. В Москве братья два года учились в частной гимназии Фр. Креймана и могли сравнить эти учебные заведения. Евгений Николаевич в своих воспоминаниях писал: «Весь дух школы был здесь совсем другой, чем там... Здесь, в Калуге, были некоторые учителя-чиновники... Но в Калужской гимназии не было карьеристов... В них не только не было фальши, напротив, в некоторых из наших учителей была та сердечная теплота, благодаря которой и по выходе нашем из гимназии между нами сохранилась тесная духовная связь до самой смерти их» [2, с.30].

Уже в шестом классе гимназии братья Трубецкие начинают серьезно заниматься философией. В Калуге быстро завершился процесс самоопределения молодых князей Трубецких. Братья читали имевшиеся в личной библиотеке философские книги Куно Фишера о Спинозе и Лейбнице, его же «Историю новой философии», «Философию бессознательного» Э. Гартмана. Молодые Трубецкие зачитывались романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», который печатался в журнале «Русский вестник» в ту пору. Их увлекало чтение богословских сочинений А. Хомякова, Вл. Соловьева. Уже в гимназии братья решили посвятить себя философии и в 1881 г. осенью поступили в Московский университет на юридический факультет. Весной 1885 г., окончив университет и став кандидатом права, Евгений Николаевич Трубецкой для отбывания воинской повинности поступил на правах вольноопределяющегося в Киевский гренадерский полк, который находился в Калуге. После сдачи экзаменов на офицерское звание, Евгений Трубецкой стал подпрапорщиком, в запас он уволился в звании подпоручика Киевского полка. Через несколько месяцев князь защитил диссертацию в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, получил звание приват-доцента и стал преподавателем лицея (1886-1897 гг.), затем служил в должности профессора в Киеве (1897-1905 гг.). После смерти брата С. Н. Трубецкого заведовал кафедрой Московского университета (1905-1917 гг.).

Будучи калужским вице-губернатором, отец Евгения Николаевича подал документы в Калужское дворянское собрание и был записан в дворянскую родословную книгу вместе с сыном Евгением, в V часть [3, с.176].

Профессор Московского университета Евгений Николаевич

Трубецкой был калужским помещиком и был выбран гласным в Губернское земское собрание от Калужского уезда. Сведения эти можно найти в Памятных книжках Калужской губернии [4, с.29]. Был он и членом уездного земского собрания Калужского уезда [4, с.74] и почетным мировым судьей Калужского уездного окружного суда [4, с.75].

В 1915 г. Евгений Николаевич Трубецкой был избран членом Государственного Совета от земства Калужской губернии [5, с.10]. Был он и членом Калужского уездного земского комитета по призрению семей воинов, призванных в действующую армию [6, с.61].

Сын Евгения Николаевича - Сергей Евгеньевич Трубецкой избирался депутатом в Дворянское депутатское собрание [6, с.10].

Революцию 1917 г. Евгений Николаевич не принял. Семья покинула имение Бегичево, в сентябре 1917 переехала в Москву. Евгений Николаевич уезжает из Москвы на юг. В Новороссийске он заболевает сыпным тифом 5 ноября 1920 г., а 23 января 1921 г. князя Е.Н. Трубецкого не стало [6, с.24]. Сын, Сергей Евгеньевич Трубецкой, был выслан в Германию в 1922 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. Калуга, 1914. С. 182. В т. ч. Трубецкой Н.П., кн., д.с.с. 5 нояб. 1876 по 21 сент. 1886 гг. С.30; Е.Н. Трубецкой. С. 65.
2. *Трубецкой Е. Н.* Воспоминания. София: Рос. - болг. изд-во, 1921. С. 195.
3. *Булычев Н.* Калужская губерния: список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 окт. 1908 г. и перечень лиц, занимавших должность по выборам дворянства с 1785 г. Калуга: Тип. - лит. губ. правления, 1908. 274 с. В т. ч. Трубецкие, с.176.
4. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1908 г. Калуга, 1908. 237 с. В т. ч. гласный от Калужского уезда в Губернском земском собрании Е.Н. Трубецкой, с.29; член уездного земского собрания Калужского уезда, с.74; почетный мировой судья уездного окружного суда, с.75.
5. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1916 год. Калуга, 1916. 314 с. В т. ч. Е.Н. Трубецкой - член Гос. совета по выбору от Калужской губернии, с.10; С.Е. Трубецкой - депутат Дворянского депутатского собрания, с.10.
6. *Филонова Л.Г.* Князь Евгений Николаевич Трубецкой // Русские

философы (конец XIX - середина XX века): Антология. М., 1994. Вып.2. С.232-243.

7. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. - М.: Дем, 1991. 336 с. В т. ч. Бегичево. С. 81-82, 173.

Н.В. ЗАЙЧЕНКО

Добротворские - тарусские родственники Цветаевых

Семья Добротворских вошла в историю Тарусы как семья земских врачей. За свой труд во благо города И.З. Добротворский был удостоен звания - почетный гражданин г. Тарусы. «Добрым гением уезда» называла Ивана Зиновьевича в своей книге «Воспоминания» А. Цветаева. Дочери И.З. Добротворского продолжили дело отца.

И.З. Добротворский (1856-1919 гг.) родился в семье священника с. Андреевское Владимирской губернии. В 1881 г. он окончил медицинский факультет Московского университета, получив звание уездного врача и степень лекаря.

3 июня 1881 г. И.З. Добротворский женился на Елене Александровне Цветаевой, двоюродной сестре И.В. Цветаева, дочери священника с. Зиновьево Владимирской губернии Александра Васильевича Цветаева. В этом же году молодая семья поселилась в Тарусе. По ходатайству Тарусской уездной земской управы и представлению калужского губернатора Иван Зиновьевич был утвержден земским врачом Тарусского уезда с правами службы по чинопроизводству с 13 марта 1882 г. А после того как И.З. Добротворский дал клятвенное обещание на верность службе, он приступил к должности городского врача с 25 февраля 1886 г., получив чин восьмого класса.

За короткий срок работы И.З. Добротворский приобретает славу грамотного, честного врача. На заседаниях городской Думы о деятельности врача И.З. Добротворского восторженно отзывались гласные, городской голова Е.Т. Лебедев отмечал, что «независимо от других неоцененных заслуг его, даже за одни последние противохолерные мероприятия И.З. Добротворский заслуживает одобрения и награды» (ГАКО, Калужские ведомости 1892 г.).

Из документов, хранящихся в ГАКО, известно, что И.З. Добротворский в 1888 г. был утвержден в должности попечителя Буриновского народного училища Тарусского уезда, избран чле-

ном Тарусского отделения Калужского епархиального училища. На XXVI, XXIX, XXXII Тарусских земских собраниях единогласно избирался почетным мировым судьей по Тарусскому уезду на 1890-1893 гг., 1893-1896 гг., 1896-1899 гг.

И.З.Добротворский был награжден серебряной медалью в память почившего императора Александра III.

С 1885 г. семья Добротворских жила в доме у купца З.М. Лихоманова. Позже дом перешел в собственность Ивана Зиновьевича, что отражено в формулярном списке земского врача И.З. Добротворского за 1897 г.

Елена Александровна Добротворская (1857 - 1939 гг.) закончила в Москве учительскую семинарию. Так как в Тарусе средних школ не было, Елена Александровна готовила своих детей для поступления во 2-3 классы средних школ Москвы и Тулы.

В 1891 г. Е.А. Добротворская пригласила на отдых в Тарусу в имение Бутурлиных - Игнатовское семью двоюродного брата И.В. Цветаева. С того времени Цветаевы часто гостили в доме тарусских родственников.

Иван Зиновьевич оказывал врачебную помощь А.В. Цветаеву, М.А. Мейн-Цветаевой, И.В. Цветаеву.

Из письма И.В. Цветаева архитектору Р.И. Клейну, 13.09.1906 г.: «... А когда я переехал в Тарусу к моему двоюродному брату, местному врачу, через полчаса по приезде случился со мной обморок, с повреждением речи и формы рта. Меня донесли до кабинета хозяина, где я до сих пор и лежу, не поднимая головы, обложенный компрессами и принимая лекарства ».

Елена Александровна особенно любила Валерию и Андрея - детей И.В. Цветаева от первого брака.

Е.А. Добротворская на протяжении многих лет поддерживала дружеские отношения с В.И. Цветаевой, интересовалась судьбой М.И. Цветаевой.

В архиве ГМИИ хранятся письма Е.А. Добротворской к В.И. Цветаевой. Большой интерес представляет письмо от 12.12.1939г., в котором есть упоминание о Марине Цветаевой: «Нового у нас тут ничего нет. Пиши относительно Марины. Я плохо поняла». Сопоставляя дату письма, время возвращения М. Цветаевой из эмиграции, ее звонок В. Цветаевой, можно сделать вывод, что в этом письме речь шла о несостоявшейся встрече Марины с сестрой Валерией Цветаевой.

Александр, Надежда, Людмила Добротворские были близки по возрасту с Валерией и Андреем Цветаевыми.

А.И. Добротворский (1883-1945 гг.) после окончания физико-математического факультета 1-го Московского университета работал преподавателем реального училища в Москве, а позже - преподавателем железнодорожного училища для взрослых в Институте путей сообщения.

Жена А.И. Добротворского - Н.П. Марино происходила из бывших дворян, а фамилия Марино говорит об итальянских предках. Их сын Дима (1915-1927 гг.) каждое лето гостил у бабушки Елены Александровны. В настоящее время в Москве проживает родственница А.И. Добротворского - Черняева Таисия Павловна.

Дочери И.З. Добротворского пошли по стопам отца.

Н.И. Добротворская в 1909 г. закончила медфакультет Петербургского женского мединститута, впоследствии работала в Ленинграде врачом-невропатологом. Надежда Ивановна умерла в блокаду во время войны.

Л.И. Добротворская (1885-1953 гг.) свое медицинское образование начинала с учебы на годичных фельдшерских Екатерининских курсах, позже поступила на медфакультет Московского мединститута, который и закончила в 1913 г. с медалью, отличием и званием лекаря. С 1914 г. Л.И. Добротворская работала врачом. В бытность ее главным врачом в Тарусе была построена больница. В свое время строил прежнюю больницу ее отец.

Когда-то Л.И. Добротворская лечила В.Д. Поленова и пользовалась большой любовью и уважением семьи великого художника. Людмила Ивановна была замужем за Ф.Ф. Глаголевым, главным санитарным врачом Тарусы.

В 1937 г. решением Тульской тройки НКВД Л.И. Добротворская была осуждена по ст.58 на 8 лет и выслана в трудлагерь Тульской области. Пошла по этапу: НТК (г. Алексин - ст. Груздево - г. Рязань - г. Орск). Все годы в лагерях работала врачом. В 1945 г. была освобождена. Последние годы жизни провела в г. Орске Оренбургской области, с 1947-1953 гг. работала врачом в поликлиниках г. Орска, осуществляла медицинское обслуживание учащихся школ, ремесленного училища. Л.И. Добротворская реабилитирована посмертно в 1989 г.

Многие тарусяне старшего поколения еще помнят семью Добротворских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело об определении Тарусского земского врача Добротворского на должность городского врача. ГАКО, ф.62, оп.22, д.2105.
2. Рапорт Добротворского по службе. ГАКО, ф.62, оп.22, д.4052.
3. Калужские ведомости за 1892г., № 132. ГАКО.
4. Фонд Л.И. Добротворской. Музей семьи Цветаевых (ТМСЦ).
5. Письма Е.А. Добротворской В.И. Цветаевой. Архив ГМИИ, ф.6, оп.6, д.143, 144.
6. Открытки Н.И. Добротворской от В. Молчановой и др. Архив ГМИИ, ф.6, оп.6, д.444, 445, 448.
7. Запись актов о смерти Е.А. Добротворской, И.З. Добротворского, Ф.Ф. Глаголева. Тарусский загс.
8. Метрики Добротворских Надежды Ивановны, Александра Ивановича, Людмилы Ивановны. Тарусский архив.
9. Домовая книга за 1957 г. с записью о проживании Н.П. Добротворской. Москва, ЖЭК Свердловского района.
10. Некролог по поводу смерти Ф.Ф. Глаголева. // Известия, 1935. 22 марта.
11. Ксерокопии писем И.З. Добротворского И.В. Цветаеву от 28.IX.1912., Л. Добротворской И.В. Цветаеву 1908., б.д. ТМСЦ.
12. *Цветаева А.* Воспоминания. Изд.3-е, доп. М.: Сов. писатель, 1994.
13. *Цветаева В.* Записки. Из неопубл. книги «Семья Цветаевых и Таруса» (Сост. Е. Климова) Машинопись.
14. *Цветаева М.* Автобиографическая проза. Минск.: Народная Асвета, 1988.
15. История создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Г.И. Клейном и др. документах (1896-1912). В 2 т. Т.1. М.: Сов. художник, 1977.
16. *Конторин С.* Наш цветаевский род священнический. Таруса// Тарусский провинциал. 1991. № 3.
17. *Никулина Л.А.* В. Цветаев. - Таруса// Октябрь. 1992.

Н.А. СЕМЕНОВА

Связь великого князя Константина Константиновича Романова с Оптиной пустыней

Его императорское высочество великий князь Константин Константинович Романов был человеком выдающимся. Известный поэт, подписывавшийся псевдонимом К.Р., переводчик,

композитор и музыкант, актер, военный, занимавший высокие посты в государстве, президент Российской Академии наук, организатор научных экспедиций, почётный член различных обществ, создатель первых в России комиссий помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам. На фоне всей этой многогранной деятельности великого князя встает вопрос о связи его с Оптиной пустыней.

Подробного исследования по данному вопросу нет, а есть лишь фрагменты и отдельные упоминания в некоторых литературных источниках.

Это либо старые издания начала века, либо репринтные воспроизведения с добавлением новых материалов, где кроме констатации факта посещения великим князем Оптиной пустыни и Шамордина, ничего не описывается. О дальнейших его отношениях с оптинскими старцами позволяют судить найденные в архивах отдельные неопубликованные письма.

В одном из первых посланий в Оптину пустынь, адресованном архимандриту Исаакию от 19 сентября 1887 г., великий князь пишет: «...почти пять месяцев прошло с той поры, что Вы так ласково и радушно приютили меня в стенах святой вашей обители, но память о пребывании у Вас не может изгладиться... Мне слишком хорошо было в вашей пустыни, я до конца жизни буду с умилением и благодарностью вспоминать Ваше гостеприимство». Почти в каждом оптинском письме звучат его слова о «светлой памяти об Оптиной пустыни» и желании еще раз побывать в святой обители.

Из переписки становится известным факт передачи в дар князю Константину Константиновичу от архимандрита Исаакия иконы Казанской Божией Матери.

От старца Амвросия Константин Константинович получил в дар икону «Усекновение головы Иоанна Предтечи». В ответ на это великий князь присылает для скитской церкви от себя такую же икону, а немного позже и лампаду к ней.

Князь Константин был известен своей глубокой религиозностью. Это чувство было настоящим, твердым, непоколебимым, поэтому Оптина для Константина Константиновича не случайный эпизод. Стремление к высокой духовной жизни привело его в почитаемую обитель.

Переписка князя Константина Константиновича с Амвроси-

ем продолжалась до самой кончины последнего. Послания князя полны благоговения перед оптинским старцем. В одном из писем, сообщая о тяжелом недуге, поразившем его родителя, великого князя Константина Николаевича, прося молитв за болящего, он пишет: *«Прошу Вас принять в дар от меня мои новые стихотворения, хотя чтение их недостойно вашего умного делания, но мне приятно будет знать, что у Вас, Батюшка, находится моя книжка»*. В существующей переписке есть письма, где старец излагает свои просьбы к великому князю. Так, в апреле 1888 г. Константин Константинович получил от оптинского старца письмо, в котором Амвросий продолжает начатый с ним при встрече разговор о том, *«какой великий вред душевный приносится через то, что простых солдатиков без всякой надобности, на службе, кормят мясною пищею в постные дни»*. Это, по мнению старца, развращает все русское простое народонаселение, и он просит великого князя передать и объяснить, кому следует, *«что растительная пища для них обычна и безгрешна»*.

Из содержания другого письма становится ясно, что до старца дошли слухи о беспорядках в стране, и это заставило его опять обратиться к Константину Константиновичу, чтобы тот довел до сведения Государя Императора, *«что необходимо освидетельствовать будки сторожей железной дороги между Мценском и Орлом. Есть достоверный слух, что у каких-то будок в этой местности устроены на дороге взрывные мины... По долгу и чувству совести не мог умолчать о том, что написал»*, - добавляет он. В письме от 2 октября 1890 г. открывается еще один интересный факт: старец сообщает великому князю, что послана братия с живой рыбой стерлядью, выловленной в реке Жиздре, *«...а через Вас, если найдете возможным, и государю императору послать большую часть»*.

Как видно, процитированные отрывки из переписки открывают новые неизвестные факты и проливают свет на установившиеся отношения, которые продолжались долгие годы. Они показывают, сколь тесны были взаимоотношения Константина Константиновича Романова с Оптиной пустынью. Великий князь был истинно верующим христианином, его привело сюда не горе и смятение, как многих, а желание высокого духовного общения, молитвы, видимо, отсюда его благоговение перед Оптиной.

Кроме писем, существуют еще 64 тетради дневниковых записей великого князя. Вероятно, в них он должен был отразить свое пребывание в Оптиной пустыни, Шамордине, Прысках. Очевидно и в скитских летописях приезд великого князя должен быть описан. Но это поиск уже для другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. БГР(о.р.), ф.295, к-51, д.11, л.25-26.
2. ГАРФ, ф.660, оп.2, д.271.
3. **Быков В.П.** Тихие приюты. Репринтное изд. Троице-Сергиева Лавра, 1993.
4. Казанская Амвросиевская женская пустынь и ее основатель Оптиный старец иеромонах Амвросий. Изд-во Оптиной пустыни, 1908.
5. Князь Олег. Репринтное изд. Казань, 1995.

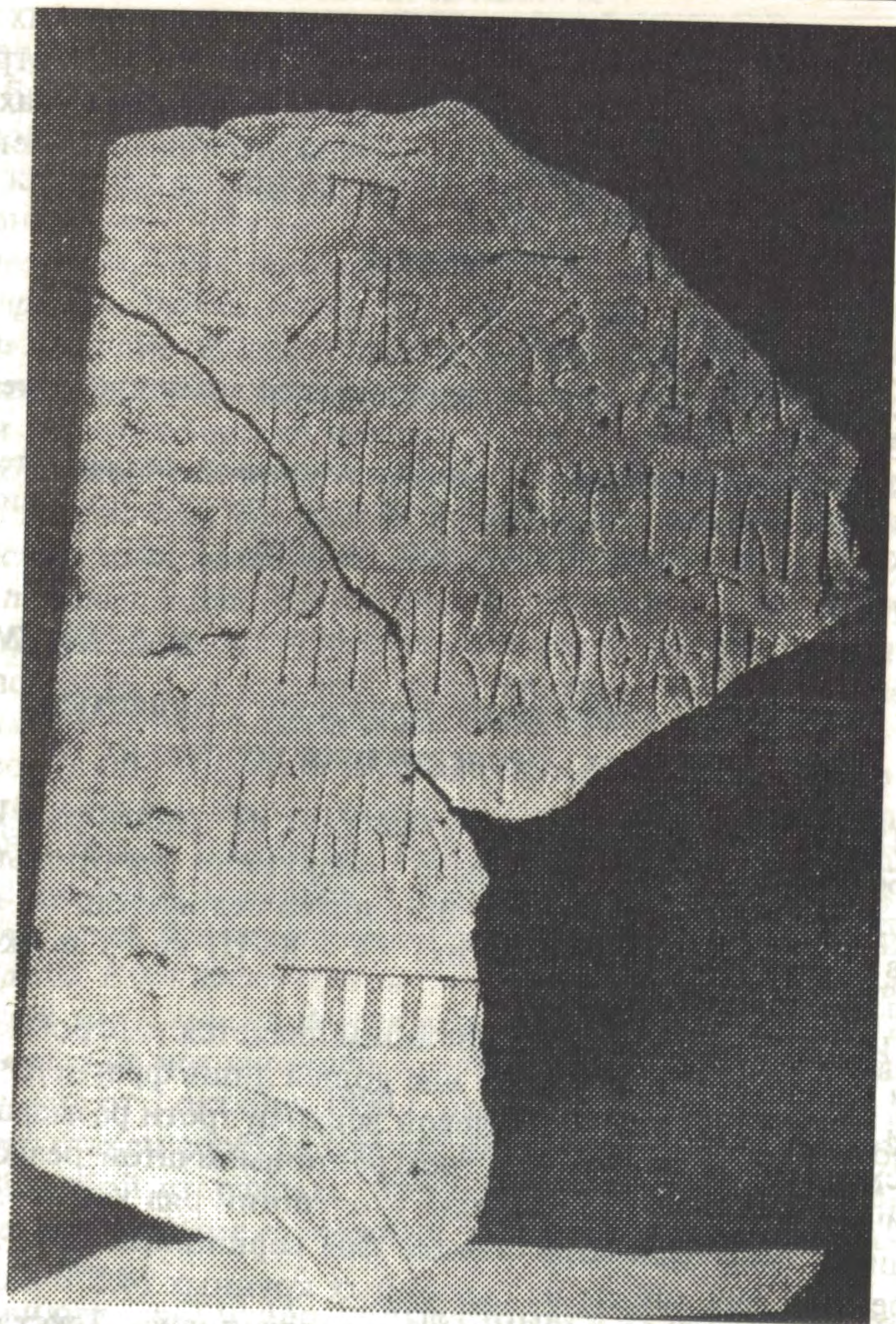
С.А. НИКУЛИНА

Некрополь Пафнутьев-Боровского монастыря XVI - XVIII вв. Исследования последних лет

В 1994 г. при нивелировочных работах на территории Пафнутьев-Боровского монастыря было обнаружено значительное количество более или менее сохранившихся белокаменных надгробий (в т. ч. и анэпиграфических) XV - XVIII вв., а также фрагменты настенных плит.

1. Из наиболее целых древнейшим является надгробие 1555 г. инока Феофила (см. рис.). До нас дошел лишь фрагмент (расколотый надвое по диагонали) левой верхней трети размерами 50,5 x 40 см. Орнамент (техника трехгранновыемчатой резьбы) геометрический: левая нижняя тяга и внешний ряд каймы из чередующихся треугольников «волчий зуб» вершинами друг к другу; внутренний ряд каймы из сдвоенных крупных (4,5 x 2 см) прямоугольных треугольников. Клейма не сохранились. Текст в 4 строки (все неполные): «лета 7064 г. д...бря престаи йнокъ Феофил... ревь б [а]...». Выносных букв три (под титлами): «т», «г», «л».

2. Почти полностью сохранилась верхняя половина плиты размером 95 x 45 x 8 см с верхним средним клеймом, орнаментированной рамой, двумя дуговыми тягами и четырьмя полностью сохранившимися строками текста. Текст и орнамент выполнены трехгранновыемчатой резьбой. Орнамент рам из двух рядов мел-



Надгробие 1555 года инока Феофила из Пафнутьев-Боровского монастыря, фото В.И. Осипова (Боровск)

ких треугольников («волчий зуб») вершинами друг к другу, в верхней трети плиты в раме имеется еще один ряд треугольничков вершинами наружу. Верхнее срединное клеймо в виде полукруга, заполненного сеткой из крупных треугольников, окаймленного однорядным «сиянием» из мелких треугольничков вер-

шинами к центру; обрамлен линейным картушем. В 1557 г. подобный тип орнамента уже архаичен (ср. орнамент плиты инока Феофила). Буквы (высотой 8 см) вырезаны по специальным линиям разметки; расстояние между строками 2,5 - 3,5 см. Текст равномерно распределен в пространстве между верхним клеймом и полукруглыми дуг: «лет 7066 г. майа 19 ден преставис йнокъ Орсеней Бабровъ». Слово «майа» выделено точками. Выносные буквы «т», «г», «де», «н», «с», «й». Имеются два разных варианта написания буквы «а».

Обращает внимание в этих двух надгробьях сходство в написании букв «а», «б», «в», «т» (в слове «лет»).

3. Третья плита имеет размеры 60 x 53 см и дату 1581 г. Это фрагмент левой верхней четверти надгробия в виде неправильного четырехугольника с тремя неполными строками текста, верхним клеймом и фрагментами орнаментированной рамы. Вся лицевая поверхность покрыта многочисленными сколами, что затрудняет чтение текста. Текст гласит: «лета 7081 го генваря в... [преста]вис рабъ божий Юри Семио[нов сын]... Завелинъ во иноцех [Нико н]...». Буквы высотой 7 см процарапаны неглубоко, по специальным линиям разметки. Выносных букв 9: «т», «г», «н», «с», «й» (дважды), «р», «л», «х». Буквы «а», «б», «е», «ѣ» имеют по два разных варианта начертания. Текст расположен под верхним срединным клеймом, имеющим вид полукруга (заполненного сеткой из крупных треугольников) в линейном картуше и однорядного «сияния» (из «волчьего зуба» вершинами к центру). Клеймо и орнаментированную раму отделяет от текста линейный картуш. Наружная часть орнаментирована каймой из двух рядов противопоставленных «волчьих зубов», внутренняя - из крупных треугольников вершинами друг к другу.

4. Плита имеет примечательную историю. В сентябре 1994 г. автору удалось соединить три обломка в единый фрагмент правого нижнего угла памятной закладной доски. Размеры ее в таком виде 32 x 54,5 x 9,5 см. Сохранились три неполные строки текста и рельефная неорнаментированная рама, выполненные в технике обронной резьбы. Ширина рамы 5 см, высота букв 6 см. Текст вязью: «... жия княз никиты ивано...ча репнина жена ево кня...ня параскева дмитриевна». Проставлены ударения, паузы. Выносных букв три: «н», «с», «в». Лигатур тринадцать: «ия», «ки», «ты», «ан», «нин», «на» (дважды), «ня» (дважды), «па», «ак», «дми», «ри». Полностью восста-

новить текст помогает работа архимандрита Леонида (Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. Изд.3. Казань, 1907. С.89.): «Лета 1703 году Генваря 4 дня за два часа до дни на Соборъ Семидесяти Апостолъ, преславися раба Божия Князя Никиты Ивановича Репнина жена ево Княгиня Параскева Дмитриевна». Таким образом, архимандрит видел эту доску еще совсем целой. Прасковья Дмитриевна - вторая жена князя Н.И. Репнина. Многие представители этого рода захоронены в Пафнутьев-Боровском монастыре (см.: Осипов В.И. Вкладчики Пафнутьев-Боровского монастыря в XVII в. (к истории родословной князей Репниных) // Боровский краевед, Вып.4, Боровск, 1992. С.33).

Н.Г. ЧЕРЕПАНОВА

История формирования музея-усадьбы Ольгово в 20-е гг. XX в.

1. В 60 км. на север от Москвы, в Дмитровском районе, находится одна из интереснейших подмосковных усадеб Ольгово - родовое гнездо семьи Апраксиных. По стечению обстоятельств, начиная с середины XVIII в. и вплоть до 1917 г., усадьба никогда не переходила в другие руки. В течение почти двухсот лет Ольгово владели представители одной семьи. В результате комнаты были уже готовыми музейными залами, а сама усадьба являлась прекрасным образцом дворянской культуры и быта.

2. После принятия Декрета о земле в 1917 г. усадьба перешла в ведение местного волостного совета, который следил за неприкосновенностью имущества. За этим же внимательно следили вначале Московская комиссия по охране памятников искусства и старины, затем с середины 1918 г., музейный отдел Наркомпроса. 23.09.1918 г. Наркомпрос специальной охранной грамотой берет Ольгово на государственную охрану.

3. Начавшаяся музеефикация усадеб в первые послереволюционные годы способствовала открытию музея усадебной культуры и быта XVIII - XIX вв., который мог гарантировать сохранность ольговских вещей. Официально музей был открыт в 1920 г.

4. С 1919 г. по 1923 г. в музее не существовало постоянных сотрудников. Его организаторами являлись сотрудники музейно-

го отдела подотдела провинциальной охраны, (Ю.П. Анисимов) которые там постоянно не жили, а приезжали на некоторое время. Экспозиция музея была сформирована из тех экспонатов, которые уже имелись в усадебных комнатах и тех, которые были обнаружены в кладовых, флигелях после обследования усадьбы сотрудниками музейного отдела во время своих приездов. Целью музея было создать экспозицию быта семьи Апраксиных, в основе которой лежали историко-бытовые принципы.

5. В 1923 г. в Ольгово появляется заведующий музея - С.И. Дараган, который приступает к описанию коллекций музея, составляет первую инвентарную опись художественно-бытовых предметов усадьбы, ведет учетную документацию. Начинает ремонт усадебного дома, активно занимается научно-просветительской работой, выдает ряд предметов на выставки в московские музеи. В 1926 г. его сменяет новый заведующий музея И.А. Смирнов, который занимается научным изучением музейных коллекций, обработкой музейного материала, составляет каталоги библиотеки, географических карт, планов, занимается атрибуцией предметов.

6. С 1923 г. выходит ряд постановлений, узаконивавших продажу части культурно-исторических ценностей, музейных предметов без четкого определения критериев их ценности. Распродажи музейных предметов, начатые при С.И. Дарагане, в последующие годы приобретают регулярный характер. Наряду с продажей музейных ценностей начинается вывоз музейных ценностей из усадьбы. Происходит передача части усадебных построек и территории в ведение различных организаций. Часть усадебного парка переходит в ведение с/х артели «Борьба», один флигель передается в аренду клубу крестьянских сел Ольгова, другой - в распоряжение Яхромского молочного завода.

7. С 1919 г. музей находился в системе Наркомпроса. До ноября 1925 г. он входил непосредственно в ведомство Главнауки Наркомпроса РСФСР. По постановлению СНК в 1925 г. усадебные музеи из ведения Главнауки Наркомпроса передавались на бюджет местных органов власти. Музей Ольгово подчинялся Музейному подотделу (Губмузею) при Московском отделе народного образования (МОНО), что практически подорвало финансовую базу музея.

8. В 1926 г. музей усадебного быта в усадьбе Ольгово становится

филиалом Дмитревского художественного музея. В том же году по постановлению коллегии Комиссии Московской рабоче-крестьянской инспекции (МРКИ) музей в Ольгово был свернут и передан в музей Дмитревского края, а сам усадебный дом МОНО передал санаторию. Для музея выделяются 3 комнаты. 1 мая 1927 г. по постановлению МРКИ музей был окончательно закрыт.

9. Начиная с конца 1930-х гг., а особенно интенсивно в период пресловутой «централизации» в 1950-1960 гг. произведения живописи, декоративно-прикладного искусства, книги, документы передаются из Дмитрова в различные и не только центральные музейные хранилища.

10. Значительное число оставшихся экспонатов из музея-усадьбы Ольгово составляют наиболее ценную часть коллекции Дмитревского историко-художественного музея.

В.В. ФЕДОРОВ

Растительные сюжеты на калужских печных изразцах

Изготовление изразцов - одна из наиболее ярких страниц керамического производства в Калуге. Изразцы объединили в себе совершенную ручную технологию производства и индивидуально-коллективное творчество народных мастеров росписи, в которой проявляется местная художественная традиция, вбирающая в себя изобразительные начала окружающей природы, ее фольклорное и поэтическое осмысление. В музее ремесел, по мере накопления материалов, была поставлена задача дать краткое описание и некоторые характеристики калужских изразцов с растительными сюжетами.

Предметом нашего внимания являются печные изразцы XVIII - XIX вв. с сюжетами росписи, отражающими природное окружение. Это гладкие расписные изразцы различных форматов, из которых строились разнообразные по сложности архитектурных форм печи. Наиболее распространенными сюжетами и мотивами росписи изразцовых плиток являются цветы и травянистые растения, в одних случаях узнаваемые в качестве конкретных видов, а в других стилизованные до орнамента. Однако и стилизованные образцы не являются реалистическим повторением живых образцов. В цветах и растениях, травах, деревьях схвачено

самое главное, узнаваемое, то, что раскрывает воображение и не утомляет однообразием на протяжении многих лет жизни печи. Красочные цветы XVIII в., среди которых выделяются лилии, розы и их вариации. По цветовой гамме их можно подразделить на повседневные и праздничные. Ощущение света и радости дают зеленые лилии на желтом фоне дорогой эмали, в обрамлении орнамента белых завитков и ростков на углах (рис.1).

К повседневным можно отнести те же мотивы лилий, но исполненные на белом фоне синими эмалями в конце XVIII в. (рис.2).

Имеющийся в коллекции музея ремесел изразец первой половины XVIII в. (рис.3) с изображением «розы» насыщен желтым цветом вокруг белого зеркала с букетом роз, перевязанных коричневой лентой. Зеленый фон закраин живописного поля, сочетание цветов эмалей порождает эффект глубины пространства и воздушности. Силуэт букета вызывает в воображении образы полета бабочки, движения человеческих фигур в танце. Неоднозначность видения того, что написано на изразце, является одной из особенностей художественной школы Калуги.

Несколько выделяются в слегка обособленную группу изразцы со слегка «фантазийной» росписью по всему белому полю плитки желтыми цветами, похожими на «мальвы», а также изразцы с синей «розой» в центре переплетения легких гирлянд из цветов, похожих на бархатцы, в рамке по краю из косых штрихов.

К концу XVIII столетия распространение получили изразцы с изображением ваз, в которых к началу XIX в. появились «условные цветы» (рис.4).

Крупная роспись печей, кроме «Вазы», состоит из растительных гирлянд в сочетании с корзинками, цветами и декоративными элементами. С начала XIX в. корзинки с цветами и травами встречаются уже на отдельных плитках изразцов.

Наиболее известны калужские изразцы XIX в. с букетом колокольчиков, перевитым лентой, на плитках с синей каемкой. Букет является красочным пятном, выделяющимся на белом поле изразца (рис.5). По этому же принципу расписаны изразцы с «гвоздикой», а «букет незабудок» на гладком белом, с каемкой, изразце дополнительно включен в рамку вертикального ромба. Синее с белым царит на печных изразцах конца XIX - начала XX вв.

Менее разнообразно использованы в сюжетах деревья и другие растительные формы. XVIII в. дает разнообразную по испол-



Рис. 1. Сюжет "Лилия"



Рис. 2. Сюжет "Букет из лилии с нарциссом"

нению серию пейзажных изразцов. В них пейзажи с облаками, водой, деревьями, домами не выходят за рамки одной изразцовой плитки, насыщенной деталями (рис.6). Но иногда встречаются целые печи, которые выглядят как единый пейзаж, с картинками из жизни и быта.



Рис. 3. Сюжет "Розы"



Рис. 4. Сюжет "Ваза с цветами"



Рис. 5. Сюжет "Колокольчики"

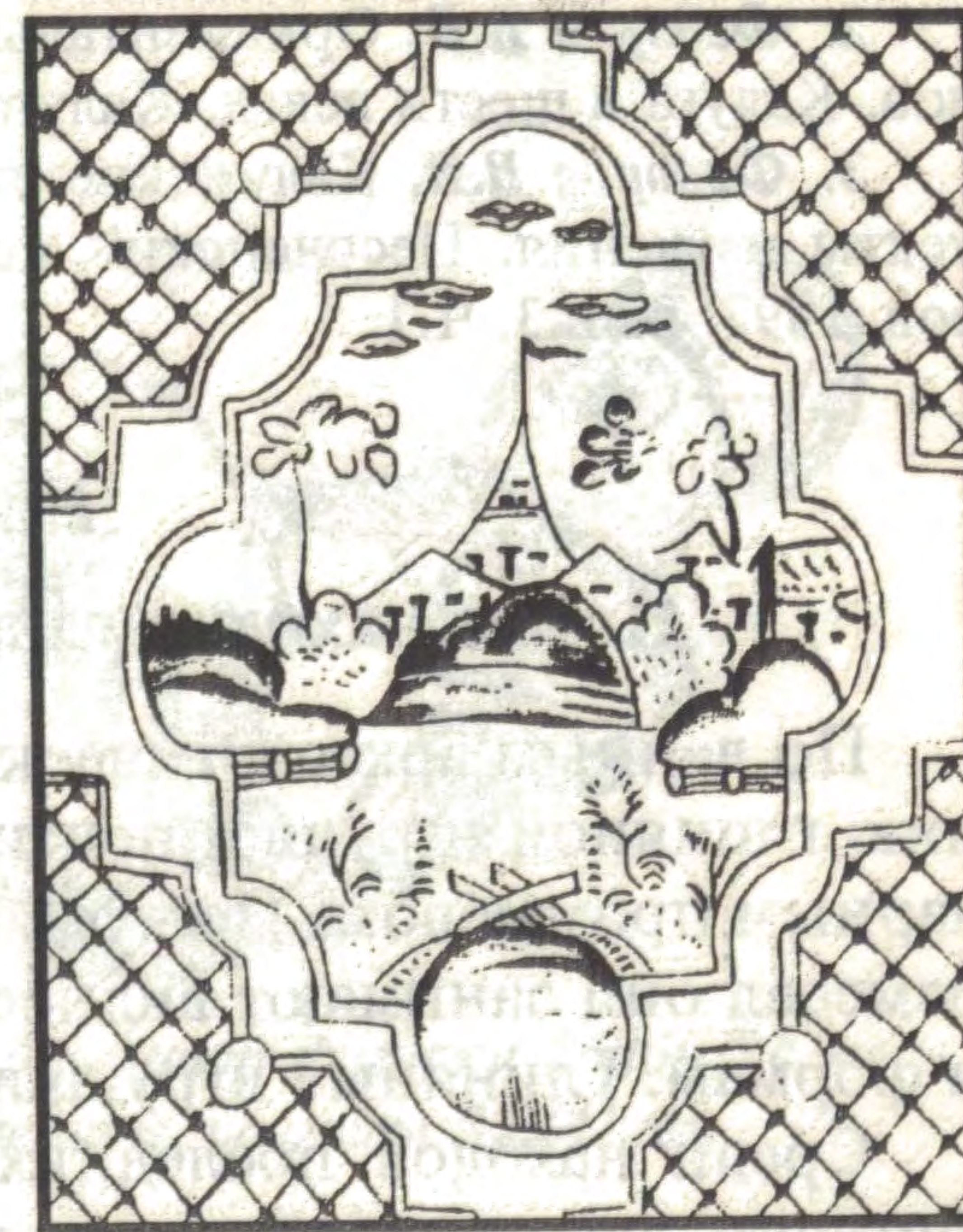


Рис. 6. Пейзажный образец

В XIX в. получил распространение сюжет «березка» в многоцветной рамке с условными цветами в белых кругах по углам. Не менее знаменательны разнообразные «лимончики», композиционно построенные по трехчастному принципу. Более не расширяя круг растительных сюжетов, кратко отметим изразцы с изображениями животных. По сравнению с «растительными», они не столь многообразны. На синих, и очень редко зеленых, изразцах середины XVIII в. наиболее распространены рисунки «сокола» и «попугайчика». Последний встречается в сочетании с сюжетными картинками бытовых зарисовок. Наиболее интересен найденный изразец с изображением вереницы плывущих уток, расположенных в основании крупнописаной вазы 1786 г. Пластика их рисунка напоминает вышивку на местных калужских полотенцах. Кроме того, мастера XIX в. явили целую серию с изображением всадников на лошадях - это герои войны 1812 г.

Изучение калужских изразцов в настоящее время пока не вышло из стадии накопления и изучения материалов. Для широких обобщений еще не настало время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV - XIX веков. М., 1976.

2. **Федоров В.В.** Орнаментальные мотивы в декоре калужских изразцов. Калуга в шести веках. Калуга, 1997.

3. **Федоров В.В.** Калужские изразцы: метрические и структурные аспекты изучения. Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1997. Вып.3. Ч.1.

В.А. ТКАЧЕНКО, Л.И. ФЕДОРОВА

Новые находки глиняных игрушек в Калуге

По данным археологических находок, ремесло по изготовлению глиняной игрушки почти всегда существовало рядом с гончарным промыслом. Поэтому в сложившейся коллекции в музее ремесел они занимают видное место, разнообразны по сюжетам и формам. Глиняные игрушки относятся к XV - XX векам.

Среди находок последних лет обращают на себя внимание фигурки людей, «баб», оригинальных в своем исполнении, не имеющих аналогов в других промыслах по своеобразию пластических форм. Три из них выделяются из общего ряда. Самая ранняя - поливная поясная фигурка (рис.1), имеющая хорошую сохранность. Выполненная из такого же глиняного теста с блестками, как и другие калужские «бабы», фигурка глазуровалась, но полива зеленого цвета неровно лежит на поверхности изделия: цветные пятна усиливают впечатление легкости, создавая радостный настрой. Лицо налепное: шарик из глины придавливался к столбику туловища выше плеч и примазывался к нему. Овал лица четко очерчен, выделяется нос и намечен рот. Наколоты глаза, как у ранних поливных уточек XVII века. Высокий головной убор выполнен в виде прилепа из глиняной колбаски, более плоский на затылке и расширяющийся с лицевой стороны. Руки-колбаски заведены вперед и прижимают к туловищу свистульку, выполненную технологическим приемом «пельмень», но с утраченной головкой (на рис.1 у свистульки головка уточки вновь восстановлена). Головка может быть как уточки, так и ребенка (рис.2). На «Смоленке» найдена глиняная поливная фигурка с сопровождающими предметами XVII века: чернолощенными обломками кувшинов с ручками, горшочками, топором с треугольным проухом, долотом с полкой втулкой и уступом на стержне ниже втулки.

Фрагмент фигурки (рис.2) близок по технике и пластике исполнения к «бабе», изображенной на рис.1. Отличается от нее



Рис. 1. Фигурка поливной «бабы», высота 65 мм



Рис. 2. Фрагмент фигурки «бабы» с младенцем, размеры 32x41 мм

цветом поливы: по бледно-зеленоватому фону рассеяны коричневые вкрапления «бабы». Эта фигурка более позднего изготовления. Она найдена в 1996 году на берегу реки Оки в районе старой калужской крепости вместе с керамикой XVII века. Фигурка «бабы» находилась почти в центре небольшого (25 x 30 см) пространства, ограниченного по периметру обломками глиняной посуды. Внутри лежали три глиняных шара - «камышка» диаметром 2,5; 2,8; 2,8 см, (два из них были черноморенные), глиняное рыболовное грузило и несколько обломков керамики. Ведь комплекс располагался в небольшой западине грунта. Можно предположить это остатки детской игры в «домики» или «дочки-матери».

Другая, более поздняя «баба» (рис.3) тоже найдена на «Смоленке», но она датируется XIX веком по сопутствующим предметам: монетам конца XVIII века, донышкам стеклянных бутылок и обломкам керамики. Эта фигурка продолжает ряд калужских «баб» XVII - XIX веков, но содержит новое композиционное решение. Правая рука-колбаска заведена вперед и положена на живот в традиционном жесте калужских «баб», левая рука-колбаска прижимает к груди «уточку». Рука обломана у плеча, но углубление на груди позволяет зафиксировать восстановленную часть руки и увидеть конечный образ. Колокол юбки не сохранился, но в обломке прослеживается талия и округлость бедер. Головка отсутствует, но можно предположить, что на ней был головной убор типа «кокошника». Поверхность фигурки тщательно



Рис. 3. Фигурка «бабы» с птичкой, высота 39 мм



Рис. 4. Фигурка «деда», высота 53 мм

выглажена пальцами. Фигурка прошла хороший горновой обжиг, после которого глина обрела приятный розовый цвет.

Перед фотографированием головка и левая рука были восстановлены из мягкой глины.

«Дед» (рис.4) вылеплен из более темной глины, дающей после обжига светло-коричневый цвет. Сохранившиеся верхняя и средняя части туловища имеют следы налепов рук и головного убора. Плечи более пологие, чем у «баб», крепкая шея подпирает слегка удлиненную голову. На лице выделяется крупный нос, глаза и рот наколоты в виде трех полосок, овал лица хорошо выражен. Фигурка «деда» найдена на улице Берендяковской под развалом фундамента печи в нетронutom слое первой половины XVIII века, насыщенном монетами эпохи Петра I, чернолощенной и светлой керамикой.



Рис. 5. Фигурка поливной «бабы» из коллекции С. Образцова, г. Москва.

В неполивных фигурках «деда» и «бабы» хорошо прослеживается местная технологическая традиция создания образа, известная в Калуге по предыдущим находкам игрушек XVI - XIX столетий. Сделать выводы по поливной фигурке-свистулке из-за скудости известных материалов пока невозможно без дальнейшего накопления материалов о подобных изделиях как в Калуге, так и в других местах бытования (рис.5).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Болдин И.В.** К проблеме типологии позднесредневековой керамики /По материалам археологических раскопок в г. Козельске//Уваровские чтения.- П.М.,1994.
2. **Болдин И.В.** Позднесредневековая керамика летописного Ворытынска. В сб.: Древний Ворытынск и его окрестности. Калуга, 1995.
3. **Образцов С.В.** Моя кунсткамера. М., 1990; Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI - XVIII вв. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т.1. М., 1947.
4. **Розенфельд Р.Л.** Инструменты московских ремесленников. В сб.: Древности московского Кремля. М., 1971.
5. **Ткаченко В.А., Федорова Л.И.** Новые находки старокалужских глиняных игрушек. Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3, ч.1. Киров, 1991.
6. **Федорова Л.И., Ткаченко В.А.** Калужская глиняная игрушка XVI - XIX в.в. Песоченский историко-археологический сборник. Вып.1. Киров, 1993.

Н.И. ЛЕПИХОВА

Дети, подростки и молодежь в бытовых обрядах зимних святок Калужской области

По материалам фольклорных экспедиций ОНМЦ

Зимний комплекс праздников земледельческого календаря начинается святками, длящимися от Рождества до Крещения. Начинаются святки рождественским сочельником (6 января по новому стилю), включают в себя Рождество (7 января по н. с.), Васильев день (14 января по н. с. - Старый Новый год) и завершаются Крещением (19 января по н. с.).

Русское двоеверие - фантастическое переплетение языческих и христианских обрядов - в полной мере проявилось в святках: христианское Рождество и Крещение смешались с элементами культа предков, гаданиями, языческим обрядом колядования. Колядование состояло в том, что группа колядовщиков (2 - 5 человек), как правило, это дети и подростки, обходила все дворы селения, славил Христа, хозяев домов особыми песнями, желала семье благополучия и требовала за это вознаграждения. Детей, обходивших дома под Рождество, называли христославами (от «Христа славим»). Их прихода ждали с особым желанием. Считалось, что чем больше групп христославов побывает под Рожде-

ство в доме, тем лучше будет жить семья весь год. Детей и подростков - христославов и колядовщиков - одаривали пирогами, пряниками и т. д. Время хождения христославов и колядовщиков - с вечера до полуночи, в отдельных случаях до 2 часов ночи.

В Калужском крае, как и по всей Руси, в праздниках зимних святок принимала участие молодежь: девушки добрачного возраста, холостые парни, молодые пары, живущие в супружестве первый год. К святкам готовились заблаговременно: подыскивали помещение (в Калужской области оно называлось «баня»), договаривались с хозяевами об оплате (откупали «баню»), проводили тщательную уборку.

Зимние святки - время посиделок - служили узловым моментом семейно-брачной обрядности. Проходили они особенно весело: шутки, смех, песни, гадания, игры. Наиболее распространенными играми были «Крыльцо», «Почта», «Голубки», «Ремни». Игры, как и многие другие действия зимних святок, содержали элементы выбора пары для супружества. Но если в шутку мог быть показан, «сыгран» обряд сватовства и даже свадьбы, в жизни в этот период свадеб не играли.

Неотъемлемым элементом святок было ряжение. В Калужской области ряжение разрешалось только после Рождества. Под Рождество по домам ходили христославы нарядно одетые, со звездой (атрибут христославов). В остальное время колядовщики изменяли свой облик: надевали маски зверей и птиц, рядились стариками и старухами, солдатами, цыганами, мазались сажей и т. д.

Во время святок девушки гадали о своей судьбе, суженом, удачной или неудачной жизни в следующем году. В гаданиях сохранялась брачная тема.

Обрядовые действия, в которых принимала участие молодежь, постепенно утрачивали религиозно-магическое значение, постепенно превращаясь в часть народного гулянья, развлекательную игру.

Е.Н. ЗАЙЦЕВ

Краеведческий компонент

в содержании образования сельских школьников

Перестройка в духовной жизни нашего общества, преодоление негативных тенденций застойного периода, проявившихся под

влиянием деформационных процессов в сфере межнациональных, в том числе этнокультурных отношений, обусловили значительное повышение интереса к краеведению как фактору патриотического воспитания школьников. Подъем национального самосознания усилил стремление больших и малых народов России глубже познать свое прошлое, родной язык, культурные и художественные традиции, накопленные предыдущими поколениями. Прав был русский философ Н.А. Бердяев, когда утверждал, что «высшие цели жизни не экономические и не социальные, а духовные. Величие народа, его вклад в историю человечества определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой». (Судьба России. 1990. С. 274).

Уважение истории своей земли, традиций и культуры народа, сопереживание его боли и радости, понимание народного характера, его стержня - вот лишь некоторые основы возрождения национального самосознания. А главное - связь с землей отцов и дедов, родовыми корнями, которые в городе оборваны, в селе еще сохранены. Назрела необходимость возродить начатое в 30-е гг. комплексное изучение родного края во всех его аспектах, идею родиноведения (или отчизноведения) - обращения к местным материалам, краеведческим источникам в школьном обучении и воспитании.

Краеведческий компонент, включенный в содержание образования сельских школьников, способствует достижению главной цели: на основе изучения, исследования окружающей жизни, литературных, исторических, архивных источников, воспоминаний современников, односельчан, родственников детей сформировать у школьников в процессе обучения возможно более полное представление:

- о национальном характере;
- о традициях семейной, деревенской жизни (о предметах материального быта, их эстетике, праздниках, народных приметах, обычаях, традициях, народных промыслах и т.д.);
- о мире народного искусства - фольклоре, ваянии, живописи;
- об истории своей деревни, села, их самобытности;
- о флоре и фауне родного края;
- об истории школы;
- о родословной каждого школьника;
- о выдающихся людях, выходцах из родного села или долгое

годы в нем проживавших (искусных мастерах, ученых, писателях, художниках, певцах, общественных деятелях, защитниках Отечества).

Органической частью содержания образования в сельской школе (и в городской тоже) должен быть курс краеведения.

К факторам, стимулирующим активизацию краеведческой работы в сельской школе, использование краеведческого материала в процессе обучения, мы относим:

а) обогащение источниковой базы исследования за счет открытия доступа к некоторым архивным фондам и обнародования неизвестных ранее материалов, позволивших приступить к освещению «белых пятен» отечественной истории, истории родного края;

б) переосмысление и переоценка части художественного наследия прошлого, рассматривавшегося упрощенно, тенденциозно, исходя из идеологических схем, а не из его подлинной художественной ценности;

в) реабилитация и восстановление в народной памяти жизненного пути и творчества представителей художественной интеллигенции, репрессированных или высланных из пределов страны в сталинские времена;

г) изучение народной культуры своего региона, народных традиций, обычаев и быта, выявление самобытных народных умельцев, передающих искусство своего ремесла из поколения в поколение;

д) создание предметных краеведческих кружков, организация фольклорных экспедиций и походов по родному краю.

В современной социокультурной ситуации созрели, на наш взгляд, благоприятные предпосылки для развития школьного краеведения, для успешной реализации его воспитательных, образовательных и развивающих функций в условиях сельской и малокомплектной школы.

Краеведение становится не только источником разносторонних знаний о жизни страны, региона, города, села, но и широкой ареной для получения и применения полученных знаний на практике.

На современном этапе развития образования, совершенствования его содержания широкое распространение получит инновационное движение в школе. Ученые, передовые учителя исследуют, разрабатывают и внедряют в процесс обучения и развития школьников новейшие, наиболее продуктивные педагоги-

ческие технологии. Потребность в коренном обновлении содержания образования отчетливо осознается сейчас педагогической общественностью.

В основе регионального базисного учебного плана должен быть краеведческий компонент. В содержании образования систематизирующим началом выступает культурологическое знание, складывающееся из таких образовательных модулей, как этнография и история родного края, народные верования и фольклор, культура и традиции народа, этика и этикет, зеленая аптека родного края.

На протяжении всего процесса обучения происходит знакомство учащихся с духовно-нравственными ориентирами, включенными в общий контекст традиционного жизненного уклада народа и проявляющимися в нравах и обычаях, в нормах бытового поведения, в практике ведения хозяйства и общения между людьми. Корреляция образовательных модулей «Этика», «Этикет», «Религия» усиливает эту направленность посредством универсальных моральных ценностей, социально-психологических особенностей личности. Краеведческий материал органически сливается с общетеоретическими вопросами, изучаемыми на уроках. Его использование в процессе обучения воспитывает у учащихся потребность к самостоятельному пополнению знаний, побуждает более внимательно вглядываться в окружающую жизнь, изучать историю родного края.

Включение в содержание образования сельских школьников краеведческого компонента, создание системы краеведческой работы в школе будут содействовать становлению человека-гражданина, патриота своей Родины.

В.А. ТАРАСОВ

Из опыта работы археологического клуба школьников АРКОС

Об организации летней творческой школы юных археологов

Археологи всего мира часто пользуются при раскопках трудом школьников и студентов. Благодаря свойственной ей тяге к романтике, молодежь готова работать в археологических экспедициях за весьма умеренную плату или совсем бесплатно.

На основании 15-летнего опыта работы нашего археологи-

ческого клуба АРКОС мы пришли к выводу, что работа школьников в экспедиции - это не просто романтика экспедиционной жизни, отдых и общественно полезный труд. Экспедиции можно использовать как базу для предвузовской подготовки школьников с профориентацией по истории и археологии.

Несколько последних лет наш клуб проводил подобную практику. Для этого в школах, на исторических и краеведческих олимпиадах и конференциях проводился предварительный отбор старшеклассников, интересующихся вопросами истории и археологии. Ученые, работающие в экспедиции, обучают ребят методике проведения археологических работ, навыкам экспериментальной археологии, читают лекции. По материалам экспедиционных работ ребята готовят доклады, с которыми выступают на научных конференциях школьников. После того как ребята докажут свои способности и свой интерес к истории и археологии, они должны получить право льготного поступления на исторические специальности вузов. Это будут самые лучшие студенты, т. е. школа должна быть связана с определенным вузом.

Поскольку предлагаемая школа является одной из форм дополнительного образования детей, то ее финансирование должно осуществляться за счет средств народного образования, в чем заключается особая привлекательность этой идеи для археологов. Возможно частичное финансирование за счет средств учащихся, как за дополнительные образовательные услуги.

Таким образом, основными чертами предлагаемой формы участия старшеклассников в археологических экспедициях являются:

1. Предварительный целенаправленный отбор участников.
2. Организация специальных занятий ученых со школьниками.
3. Связь школы с вузами.
4. Оплата работы школы за счет средств народного образования.
5. Активная работа школьников в научных обществах учащихся.
6. Льготное поступление на исторические факультеты вузов.

При предлагаемой форме организации работы соединяются воедино интересы нескольких участников: археологических экспедиций, исторических факультетов вузов, органов народного образования, школьников и их родителей.

Наш клуб постепенно шел к такой форме работы, вводя на

практике все больше и больше ее элементов. Последние два года мы работаем фактически по полной программе школы. При этом сложилось три уровня школы:

- местная (городская) школа на базе памятника раннего железного века Кривское-3 (Лужки) в ближайших окрестностях Обнинска. Эта школа должна финансироваться за счет средств г. Обнинска;

- областная (региональная) школа на базе раскопок городища Воротынский, в которой могут принять участие школьники всех районов Калужской области. Финансировать эту школу разумно из областного бюджета. Экспедиция организуется ИА РАН РФ и РНИА «Верхнее Поочье», связана с созданием национального парка «Угра» и ориентирована на работу с КГПУ;

- межрегиональная школа на базе экспедиции российского масштаба, например, на мезолитическом памятнике Замостье на р. Дубне в Московской обл., организуемая ИА РАН РФ. Эта школа должна финансироваться за счет средств Министерства образования РФ, и ее участниками могут быть учащиеся разных областей России. Школа должна быть ориентирована на МГУ или на областные вузы.

Нам представляется, что предлагаемая форма организации археологических работ школьников будет более полезна и для самих учащихся, и для развития археологии, чем существующая в настоящее время, так как она обеспечивает подготовку высококвалифицированных археологов.

**Е.Я. ЖМАКИН, В.П. НОВИКОВ,
О.А. ЕПИЩЕВ, О.И. АЛЕЙНИКОВ**

**Калужская область нуждается в исследовании
устойчивости ее природных ландшафтов**

Экологическая ситуация в Калужской области тесно связана с состоянием ее промышленного и сельскохозяйственного производства. Как отмечают А.В. Ершов и Н.Ф. Бочкарева (1995 г.), здесь сформировался индустриально-аграрный комплекс, в котором преобладают машиностроение, электроника, целлюлозно-бумажная, лесозаготовительная и деревообрабатывающая отрасли. К этому следует добавить, что в области развита также горнодобывающая (в основном добыча строительных материалов и в небольшом количестве - угля) промышленность и гражданское строительство.

В настоящее время экономический кризис, охвативший страну, в полной мере отразился на состоянии экономики и Калужской области. Физический объем производства промышленной продукции упал до предела, ниже которого возможен необратимый процесс полного развала экономики.

Все промышленные и строительные организации, железнодорожный и городской транспорт, сельскохозяйственные предприятия и фермы, а также предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции электрифицированы. Электроснабжение потребителей осуществляется от областной энергосистемы, входящей в объединенную энергосистему Центра. Область имеет собственные энергоисточники небольшой мощности.

Казалось бы, что при падении уровня промышленного производства экологическая ситуация в области должна улучшаться, поскольку снижается объем промышленных отходов и выбросов в атмосферу, поверхностные воды и на почву. Однако недостаточное или полное отсутствие финансирования на поддержание экологической ситуации обусловило напряженное со-

стояние ряда промышленных объектов. Так, потенциально опасными на территории области, города являются 15 промышленных предприятий, 5 железнодорожных станций, 2 газопровода. Действующее в Калуге подземное газохранилище во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к подобным объектам. В результате большие объемы закачиваемого в него газа теряются в подземных горизонтах. Проведенные одним из авторов данной статьи исследования позволяют сделать предположение, что некоторое количество газа утекает даже в атмосферу, заражая лесную растительность на этой площади.

На территории области расположены 52 промышленных предприятия, работающих с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений. Южная и юго-западная части ее территории подверглись радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС. В случае аварии на Смоленской АЭС в опасную зону могут попасть ряд населенных пунктов в северо-западной части области. В последние годы работа по дезактивации ландшафтов практически остановлена и решение проблемы оставлено природе в расчете на процесс естественного «старения» радиоизотопов.

Область нуждается в проведении значительных исследований и практических работ по охране атмосферного воздуха, водоемов, по снижению радиационного воздействия на население в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, по предупреждению возможного радиационного воздействия в районе объектов, опасных в радиационном отношении, по снижению воздействия на население в районе природных источников ионизирующего излучения. Область нуждается в срочном проведении работ по охране подземных вод, являющихся основным источником водоснабжения населения, от их истощения и загрязнения.

В числе других причин серьезную угрозу представляют горнодобывающие предприятия - как угольные шахты, так и некоторые карьеры по добыче известняка, а также сверхрасчетная и необоснованная откачка подземных вод через водозаборные скважины.

Антропогенные нагрузки на ландшафт нередко приводят к его деградации. И здесь необходимы исследования по определению устойчивости ландшафтов области и отдельных элементов к

различным антропогенным воздействиям. Это позволит построить соответствующую карту, которая должна стать руководством при проектировании развития хозяйственной деятельности области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ершов А.В., Бочкарева Н.Ф.* Экология Калужской области и здоровье населения. Калуга: Золотая аллея, 1995.
2. *Жмакин Е.Я., Новиков В.П., Алейников О.И.* Возможная эксплуатация угольных месторождений Калужской области и неизбежные последствия этого // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Антропогенное воздействие и здоровье человека». Калуга, 1995.
3. *Пашканг К.В. и др.* География Калужской области: Учебное пособие для учащихся. Тула: Приокское книжное издательство, 1989.

А.Б. СТРЕЛЬЦОВ

Проблемы создания системы биологического мониторинга Калужской области

До недавнего времени природные ландшафтные и экологические условия рассматривались в качестве фона, на котором происходило развитие общества, т.к. влияние деятельности человека на природные условия просматривалось только на очень длительных отрезках времени. Сейчас взаимоотношения Природы и Общества качественно стали другими - человеческая деятельность столь быстро меняет параметры биосферы, что за считанные десятилетия изменяются привычные жизненные стандарты. Необходимо ограничивать человеческую деятельность, согласовывать ее с возможностями природной среды с ее устойчивым развитием, или коэволюцией, по терминологии известного философа и эколога, академика Н.Н. Моисеева. Реализация устойчивого развития требует постоянной информации о качестве среды и ее динамике. Таким образом, оценка качества среды оказывается узловым заданием любых мероприятий в области охраны природы и природопользования. Эта оценка возможна только при проведении экомониторинговых работ.

Для объективного заключения о состоянии (качестве) среды необходима интегральная характеристика ее состояния. В настоя-

щее время существуют различные подходы к оценке качества среды:

- оценка физических агентов (радиация, температура, шум и др.);
- оценка химических агентов (содержание различных поллютантов);
- оценка физико-географических изменений (ландшафтные изменения);
- оценка самочувствия живых организмов, включая человека, при всем комплексе взаимодействий.

Два последних подхода ориентированы не на источники, которых может быть очень много, и воздействия, реальные эффекты которых практически невозможно определить, особенно учитывая возможность синергетизма воздействий, а на результат всего комплекса антропогенных воздействий. Учитывая определенную устойчивость и инерционность ландшафтов, именно последний подход, замыкаясь на целевом уровне (человек) оценки окружающей среды (об этом говорится в работе Е.Я. Жмакина и др., помещенной в настоящем сборнике), становится центральным в системе оценки качества среды.

Методической основой экологического мониторинга должен стать биомониторинг (оценка состояния окружающей среды по реакции живых организмов), т.к. живые организмы-биоиндикаторы суммируют действие всех без исключения биологически важных факторов антропогенного воздействия и отражают их влияние на состояние окружающей среды в целом, фиксируют скорость происходящих в окружающей среде изменений, раскрывают тенденции развития окружающей среды, позволяют контролировать состояние среды без необходимости постоянной регистрации химических и физических параметров, характеризующих качество среды, указывают места скопления в экологических системах различных загрязняющих веществ и токсикантов.

Кроме того, реакция живого организма позволяет оценить антропогенное воздействие на среду обитания в показателях, имеющих биологический смысл. Живые организмы несут наибольшее количество информации об окружающей их среде обитания, и отклик у них формируется в ответ на все присутствующие воздействия, а не на каждое из них в отдельности. В конечном счете нас всех интересует именно состояние различных биологических объектов и человека.

Для Калужской области, являющейся базой для отработки созданной по линии Госкомприроды системы экологического мониторинга, разрабатываются некоторые подходы по реализации системы биологического мониторинга разного уровня. Необходимо учитывать, что система регионального мониторинга - это слежение за процессами и явлениями в пределах какого-то региона, где эти процессы и явления могут отличаться и по природному характеру, и по антропогенным воздействиям от базового фона, характерного для всей биосферы.

Основной целью регионального мониторинга качества окружающей среды является обеспечение лиц, принимающих решение, необходимой информацией с целью планомерного снижения общего уровня загрязнения окружающей среды на основе контроля за загрязнением различных компонент среды и проведение комплекса мероприятий, направленных на стабилизацию и улучшение экологической ситуации в регионе.

Рекогносцировочную интегральную косвенную оценку качества среды и дает биомониторинг, что позволяет объективно выбирать приоритеты в деятельности по выявлению и устранению конкретных причин ухудшения качества среды.

Одной из основных трудностей при организации мониторинговых работ является создание наблюдательной сети. Мы предлагаем использовать в качестве наблюдательной сети (для сбора первичного биологического материала) соответственно подготовленные экологические группы и отряды школьников. Собранный ими материал будет концентрироваться областным эколого-биологическим центром учащихся и обрабатываться лабораторией биоиндикации КГПУ. Первый опыт подобной организации работ был получен летом 1996 г., когда для сбора биологического материала привлекались ОблЭБЦУ, Беляевская средняя школа Юхновского района и некоторые школы г. Калуги. Были получены результаты, вполне пригодные для серьезного научного анализа.

Дальнейшей перспективой системного анализа собранной информации может быть создание экологического атласа территории и проведение районирования территории по степени антропогенного воздействия на основании интегральных биологических показателей.

В.П. ЕСИПОВ

Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены

В центре Русской равнины наиболее разнообразны ландшафты вдоль границы московского оледенения, являющейся важным палеогеографическим рубежом. К северо-западу от нее господствуют ландшафты моренных равнин, южнее и юго-восточнее, в приледниковой зоне - низменные полесья и возвышенные ополья.

Описываемая территория (см. рис.) расположена в юго-восточной части Мещовского ополья, самого высокого и довольно значительного по площади из россыпи ополей среди полесий, простирающихся от бассейна Вислы до бассейна Камы.

Долина р. Серены в нижнем течении от населенного пункта (н.п.) Молостово до устья имеет своеобразный ландшафтный облик и на небольшом протяжении он существенно меняется. Формирование природно-территориальных комплексов долины реки тесно связано с деятельностью русла в условиях конкретной геологической среды.

Долина нижнего течения р. Серены начала формироваться в



Карта-схема нижнего течения р. Серены

период Московского ледника, когда происходила перестройка гидрографической сети этого региона. В доледниковое время р. Серена протекала от н.п. Молостово по современным долинам рек Перемеры, Выссы и впадала в р. Оку.

Для долины р. Серены, ее склонов и водоразделов характерны как типичные формы ледникового рельефа так и специфичные, созданные донной эрозией и существенно переработанные склоновыми процессами. В зависимости от особенностей состава геологических пород выделено два основных типа склонов: сложенных известняково-глинистой толщей нижнего карбона и песчано-глинистыми отложениями мезозойской эры.

От н.п. Молостово до н.п. Сбежня река пересекает древнюю ложбину, возникшую еще в мезозойскую эру и заполненную песчано-глинистыми породами юрской и меловой систем. На этом участке с глинистыми породами долина реки с меандрирующим руслом резко расширяется до 2 км. Склоны высотой до 30-50 м осложнены многоступенчатыми оползнями (н.п. Копцево и Сбежня). Уклон русла на этом отрезке составляет 0,51 м/км. Далее от н.п. Сбежня до н.п. Берды р. Серена прорезает породы нижнего карбона и здесь прекрасно выражены коренные меандры. Долина становится каньонообразной с ассиметричным профилем, с узкой поймой и слабо выраженными террасами.

От н.п. Берды до н.п. Жильково долина имеет форму прямолинейного каньона с наибольшим уклоном русла в 1,96 м/км. На этом участке отсутствует пойма и террасы, есть только бичевник.

От н.п. Берды до н.п. Грива река прорезает глинисто-карбонатную толщу нижнего карбона. Крутизна склонов местами достигает 45-50°. Они прорезаны промоинами, мелкими овражками, тальвеги их ступенчаты и сложены известняками. Изгибы долины то коленообразные, то дугообразные. На этом участке долины множество обнажений коренных пород, водообильных родников, например, родник у н.п. Ильинское изливает в секунду до 100 литров воды.

От н.п. Бурнашево долина реки расширяется, а русло - меандрирует. Такое изменение в характере реки связано с тем, что водные потоки встретили на своем пути известняки упинского горизонта, приуроченные к Козельскому поднятию, и стали их

огибать с севера. Здесь р. Серена имеет три надпойменные террасы, хорошо разработанную низкую и высокую поймы, то, чего не было выше по течению.

За четвертичный период на склонах долины р. Серены и ее притоков развились мощные гумусные делювиальные суглинки с серыми, часто намытыми почвами. Здесь же встречаются темно-цветные гидроморфные почвы.

Все сохранившиеся леса островного характера расположены вдоль долины р. Серены и в зависимости от геологического субстрата представлены дубово-липово-лещиновыми, березовыми и остатками хвойных лесов с разнотравьем. На коренных склонах речных долин развиты черноольшаники.

Все ландшафты р. Серены и прилегающих водоразделов отличаются большим разнообразием элементов микрорельефа.

Долина р. Серены является ярким примером определяющего влияния геологических и палеогеографических условий на ландшафтный облик слагающих её природно-территориальных комплексов.

Разнообразие ландшафтов и обилие естественных обнажений коренных пород в долине р. Серены издревле привлекала сюда исследователей. В 1798 г. у н.п. Бурнашево Левшиным был открыт бурый уголь. На карте Гельмерсена (1845 г.) были еще показаны выходы углей у н.п. Серено-Завод и Васильевка. В XIX в. на этой территории работают такие ученые, как А.Р. Мурчисон (1841 г.), Г.П. Гельмерсен (1845 г.), А.Фельдман (1855 г.), в середине XIX в. - Г.Д. Романовский, А.Ю. Дитмар, Кропоткин, Траутшольд, А.О. Струве, В.В. Докучаев.

Этими исследователями по обнажениям у н.п. Бурнашево и н.п. Грива (овраг Залом) были выделены известняки упинского и чернышенского горизонтов нижнего карбона, продуктивная угленосная толща с аргиллитоподобными огнеупорными глинами.

В овраге Залом наблюдается несколько слоев бурого железняка, разрабатываемых в старину. Содержание окиси железа в них достигает 73 %. Другие разработки железных руд располагались у н.п. Клыково по правому берегу р. Серены. Добыча велась кустарным способом по склонам оврагов, где мощность пласта не превышала 0,3 м.

В 1841 г. у н.п. Бурнашево и н.п. Маслово Оливьери проходит впервые на Калужской земле подземные горные выработки по

оценке углей. Им было пройдено три «хода» (штольни) и шахта. Около н.п. Маслово сохранились остатки двух «ходов».

В историческом прошлом природные богатства края, благоприятное географическое положение способствовали раннему заселению этих мест.

К настоящему времени здесь известно 23 памятника археологии, относящихся ко времени от раннего железного века (р.ж.в.) и до позднего средневековья, и 10 памятников истории, архитектуры и садово-паркового искусства.

Список историко-природных памятников, показанных на карте-схеме нижнего течения р. Серены

1. Селище Устье Липетки -1, р.ж.в.
2. Селище Устье Липетки -2, р.ж.в., XIV-XVI вв.
3. Н.п. Роксаново, селище, р.ж.в., XIV-XVII вв.
4. Курганная группа Гридино.
5. Церковь Александра Невского, 1755-1765 гг.
6. Н.п. Мерконицы, селище 1, XIV-XVII вв.
7. Н.п. Мерконицы, селище 2, р.ж.в. - к. 1 тыс. н. э. - XI-XIII вв.
8. Н.п. Марфинка, курганный могильник, XII-XIII вв.
9. Н.п. Копцево, Спасская церковь, 1700 г. - XIX в.
10. Н.п. Копцево, обнажение песков и песчаников аптского времени меловой системы.
11. Н.п. Копцево, селище XIII - XVI вв.
12. Н.п. Копцево, оползневый цирк 500 м x 120 м.
13. Н.п. Копцево, городище, р.ж.в., IV-VII вв.
14. Н.п. Копцево, селище, р.ж.в., IV-VII вв.
15. Н.п. Копцево, видовая точка с городища на долину р. Серены.
16. Н.п. Сбежня, оползневый цирк 2000 м x 80 м, поросший лесом.
17. Н.п. Ильинское, курганная группа.
18. Н.п. Сосновка, усадьба Манасеиных XVIII-XIX вв., культурный ландшафт.
19. Н.п. Ильинское, обнажения известняков, родник с дебитом 100 л/с.
20. Н.п. Ильинское, Ильинская церковь, 1858 г.
21. Н.п. Ильинское, видовая точка.
22. Берды, видовая точка на коренные меандры р. Серены, ключи.

23. Н.п. Збелево, мощные ключи, отложения известкового туфа.
24. Н.п. Пронино, городище, р.ж.в., XII-XIV вв.
25. Н.п. Пронино, селище, р.ж.в., XI-XIII вв., XIV-XVII вв.
26. Н.п. Пронино, обнажения известняков, водопады.
27. Н.п. Жильково, одиночный курган.
28. Н.п. Жильково, курганная группа.
29. Н.п. Плюсково, городище, р.ж.в., XIV-XVII вв.
30. Н.п. Плюсково, здание эдектростанции, 1924 г.
31. Н.п. Плюсково, селище, IV-VII вв., XIV-XVII вв.
32. Н.п. Плюсково, остатки усадьбы XIX в.
33. Н.п. Коробки, селище, IV-VII вв., XIV-XVII вв., летописный центр волости в XIV в.
34. Н.п. Плюсково, селище 2, IV-VII вв., XI-XIII вв.
35. Н.п. Бильдино, обнажение кварцевых песков тульского горизонта.
36. Н.п. Грива, городище, IV-VII вв., место находки каменного топора.
37. Н.п. Грива, древние разработки железных руд.
38. Н.п. Грива, овраг Залом с многочисленными обнажениями пород нижнего карбона.
39. Н.п. Бурнашево, обнажения известняков чернышенского горизонта.
40. Н.п. Бурнашево, городище, р.ж.в., XII-XIII вв., XIV-XVII вв.
41. Н.п. Бурнашево, селище, р.ж.в., XII-XIII вв., XIV-XVII вв.
42. Н.п. Бурнашево, сельская усадьба XIX в., культурный ландшафт.
43. Н.п. Клыково, Спасская церковь, 1824 г.
44. Н.п. Клыково, селище, начало I тыс. н. э., XIII-XVI вв.
45. Н.п. Клыково, обнажения пород нижнего карбона.
46. Н.п. Клыково, разработки железных руд.
47. Н.п. Клыково, обнажения подошвы известняков упинского горизонта и бобовых железных руд.
48. Н.п. Маслово, место первых подземных отработок бурых углей в 1841 г.
49. Н.п. Городец, селище, р.ж.в., IV-VII вв., XIV-XVII вв.
50. Н.п. Городец, городище, р.ж.в.; IV-VII вв.
51. Н.п. Серено-Завод, место расположения Серенского чугуноплавильного завода.

52. Шамординский монастырь, конец XIX в., видовая точка.

53. Н.п. Копаново, селище, IV-VII вв.

С.С. ПИСАРЕНКО

Влияние радиации на репродуктивную функцию диких и домашних животных на территории Калужской области

Существенные изменения радиационной обстановки на территории Калужской области произошли в результате аварии на Чернобыльской АЭС. К 28 апреля 1986 г. радиоактивное облако достигло границ нашей области. Выпадение радионуклидов характеризуется большой мозаичностью и различными уровнями радиационного загрязнения. «Пятнистость» загрязнения характерна не только для больших площадей, но и для некоторых населенных пунктов, где уровень плотности выпадения радионуклидов в отдельных частях их территорий может отличаться в десятки раз (М.Ф. Троянов и др., 1992; В.А. Бойко и др., 1992; В.А. Питкевич, В.В. Дуба, 1992; Г.Т. Воробьев и др., 1993; А.В. Васильев и др., 1996; В.Ф. Степаненко и др., 1996). В первые дни и недели территория области полностью находилась под воздействием «йодного удара». Только с середины лета 1986 после распада короткоживущего J-131, изотопы Cs-134 и 137, а также Sr-90 остаются определяющими в радиоактивном загрязнении местности. Около 4000 км² (16,3 % территории области) подверглись радиоцезиевому загрязнению от 1 до 15 Ки/км². По данным Н.А. Яковлевой (1992), после аварии содержание Cs-137 в почвах области возросло в среднем в 17, а в отдельных случаях в 105 раз. В результате этого ионизирующая радиация стала мощным абиотическим фактором прямого и опосредованного воздействия на животных через среду их обитания.

Изучение лицензионного материала Государственной службы охотничьих ресурсов при администрации Калужской области указывает на то, что с 1986 г. в промысловой выборке лося резко возросло число бесплодных самок. Так, на их долю в охотничьи сезоны 1986/87, 1987/88 и 1989/90 г.г. пришлось соответственно 59, 58 и 71 % от добытых половозрелых лосих. К 1989 г. количество бесплодных самок в популяции возросло более чем в 3 раза по сравнению с

1985 г., в котором зарегистрировано всего 23 % яловых лосих.

Анализ статистических данных о выходе приплода на 100 голов маточного поголовья свидетельствует о том, что число бесплодных коров в период с 1986 по 1989 гг. находилось на уровне 15-17 %. С 1989 г. прослеживается тенденция к возрастанию яловости в последующие два года до уровня 19 и 22 %. Если бы в хозяйствах не проводилась искусственная выбраковка яловых животных, то число бесплодных животных было бы как минимум в два раза выше. Выход приплода ягнят на 100 маток с 1987 по 1990 г.г. постепенно сокращается с 66 до 62, а в 1991 г. резко падает до 52. Соответственно процент яловых овец, при условии рождения одного ягненка, за исследуемый период составил 34, 36, 37, 38 и 48 %. Если учесть, что ярки приносят обычно 1 - 2 ягненка, то процентный показатель яловости животных за каждый год должен быть выше на 10 - 18%.

Полученные данные о яловости диких и домашних животных свидетельствуют о том, что изменения радиоэкологических условий в среде обитания оказали наиболее неблагоприятное воздействие на репродуктивную функцию лося. Среди домашних животных, репродуктивная система овец оказалась наиболее чувствительной к действию радиации, чем аналогичная система коров.

Х.Х. СЮНЯЕВ, О.И. СЮНЯЕВА

Особенности поведения радиоцезия в агроценозах Калужской области по истечении 10 лет после аварии на Чернобыльской АЭС

Целью исследований являлось изучение масштабов миграционных потоков радиоцезия в почвах агроценозов Калужской области по истечении 10 лет после аварии на ЧАЭС с целью разработки мероприятий по уменьшению содержания данного радионуклида в продукции растениеводства.

Рабочей гипотезой послужило некоторое сомнение в установленном представлении в научной и практической литературе о том, что основная масса цезия-137 локализуется в верхнем двадцатисантиметровом слое почвы и в дальнейшем слабо подвергается процессам миграции из-за прочного сорбционного закрепления почвенными компонентами.

В задачи исследований входило: изучить масштабы миграции радиоцезия по почвенному профилю в различных геоморфологических элементах агроценозов; выявить количественные показатели накопления радиоцезия растениями из почв с различным характером переноса и накопления вещества; оценить эффективность использования фосфорно-калийных удобрений и биостимуляторов по уменьшению содержания цезия-137 в продукции растениеводства. Схема опытов включала следующие варианты:

1. Почвы естественного ценоза (лес, луг) - контроль.
2. Почвы агроценоза: с элювиальным и транзитным характером переноса веществ, с аккумулятивным характером накопления веществ.
3. Почвы агроценоза на фоне применения РК-удобрений и биостимуляторов.

Исследуемой культурой агроценоза являлся ячмень. Исследования проводились в КДСП «Лесные поляны» Ульяновского района Калужской области. Так, сономическая классификация изучаемых почв - дерново-среднеподзолистые, среднесуглинистые на ледниковых отложениях. Подготовка и анализ почвенных и растительных образцов проводились согласно методикам, предназначенным для экспресс-радиометрического определения по гамма-излучению удельной активности на радиометре РУБ-6. Результаты исследований представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Распределение радиоцезия по профилю дерново-подзолистых среднесуглинистых почв естественных и агроценозов по истечении 10 лет после аварии на Чернобыльской АЭС

Слой почвы, см	Лес	Естественный луг	Агроценоз (элювиальный тип)	Агроценоз (транзитный тип)	Агроценоз (аккумулятивный тип)
Удельная активность (U_a) в Бк/кг					
0 - 10	1137	1125	896	832	1296
10 - 20	1324	937	300	894	776
20 - 30	630	684	270	616	348
30 - 40	422	370	198	333	520
40 - 50	245	377	322	224	242
50 - 60	187	160	195	216	203
60 - 70	143	221	219	234	174
Итого	4088	3874	2400	3349	3559

Таблица 2

Содержание цезия-137 в урожае ячменя в условиях радиоактивного загрязнения дерново-подзолистых среднесуглинистых почв по истечении 10 лет после аварии на Чернобыльской АЭС (нКи/кг)

Параметры	Почва с элювиальным характером переноса вещества	Почва с транзитным характером переноса вещества	Почва с аккумулятивным характером накопления вещества
Ап, ки/км ²	7,3	7,0	10,5
КУ - 91	5,0	5,0	5,0
Кн табл.	0,1	0,1	0,1
Ар расчетн.	0,73	0,7	1,05
Ар фактич.	0,43	0,6	1,08
Кн факт.	0,06	0,09	0,12
Ар факт. на фоне РК	0,21	0,3	0,5
Кн факт. на фоне РК	0,03	0,04	0,05
Ар факт. на фоне биостимуляторов	0,18	0,22	0,4
Кн факт. на фоне биостимуляторов	0,025	0,03	0,038

С.К. АЛЕКСЕЕВ, Л.С. СЕРКИНА,
М.П. ШАШКОВ

К методике сбора напочвенной фауны с помощью ловушек Барбера

Ловушки Барбера (ЛБ) - один из наиболее часто применяемых методов сбора беспозвоночных (Тихомирова, 1975). Кроме того, в них достаточно эффективно попадают и мелкие наземные позвоночные (Алексеев, 1997).

Чтобы выяснить возможности этого метода для сбора различных групп беспозвоночных и мелких позвоночных применительно к широколиственным лесам Средней полосы Европейской части России, в 1995-96 гг. авторы провели исследования по трем направлениям: а) выяснение наиболее оптимальной конструкции ловушки; б) необходимое и достаточное число ЛБ для сбора напочвенных животных; в) оптимальные сроки и сезонность сборов.

В 1995 г. в типичном широколиственном лесу юго-востока Калужской области было установлено 90 ловушек трех типов с двумя типами навесов. В качестве ловушек использовались стандартные стеклянные банки вместимостью 0,75 л, непрозрачные белые пластиковые стаканчики вместимостью 0,25 л и пластиковые цилиндры, изготовленные из пластиковых бутылок вместимостью 1,5 л. У всех трех типов ловушек диаметр горловины - 75 мм. Навесы представляли собой квадрат полиэтилена 20 x 20 см на алюминиевом каркасе, двух типов, с прозрачным и с черным полиэтиленом.

Для выявления оптимальной экспозиции и сезонности учетов наземной фауны широколиственных лесов в 1996 г. было установлено еще 270 ЛБ на девяти учетных площадках.

Из позвоночных учитывались насекомоядные, грызуны и бесхвостые земноводные. Основная масса грызунов была отловлена на пластиковыми цилиндрами, в них было отловлено 67,6 % всех учтенных грызунов, для насекомоядных эта цифра составила 56 %, в банки было отловлено 21 % всех грызунов и 40 % землероек. Стаканчики, в связи с малыми размерами, оказались неэффективными для сбора мелких млекопитающих. Грызуны и насекомоядные лучше ловились в ЛБ с черными навесами, процент их уловистости в ловушки с данным типом навеса был в 1,5 раза больше. Наибольшая уловистость мелких млекопитающих приходится на август - октябрь (более 60 % всех сборов) при стопроцентном выявлении всех собранных за сезон видов. Необходимое количество ловушек оптимальной конструкции для выявления фауны млекопитающих - не менее 40.

Наиболее оптимальным типом ЛБ для отлова земноводных являлись цилиндры и банки. В стаканчики не улавливались крупные половозрелые особи земноводных, а сеголетки серой жабы проявляли явную избирательность к этому типу ЛБ, попадаясь в 5-6 раз чаще, чем в ловушки других конструкций. Уловистость земноводных в ловушки с черными навесиками была несколько ниже, чем с прозрачными. Количество ловушек для выявления фауны - около 30, сроки сборов - с конца июля по середину сентября.

Из беспозвоночных учитывались следующие группы: мокрицы (*Isopoda*), сенокосцы (*Opiliones*), пауки (*Aranei*), кивсяки и многосвязники (*Diplopoda*), костянки и геофилы (*Chilopoda*); из жуков - стафилины (*Staphylinidae*) и жужелицы (*Carabidae*).

Мокрицы отлавливались в ловушки всех трех типов практически одинаково, не влиял на сборы и тип навесика. Наиболее благоприятный сезон для их учета май - июнь, необходимое и достаточное число ловушек - 5 - 10 штук.

Сенокосцы отлавливались преимущественно в банки, их уловистость в данный тип ЛБ составила 60 %. Тип навеса на уловистость не влиял. Основная масса сенокосцев была отловлена в июле - сентябре, за счет молодых особей. Для выявления фауны этой группы достаточно 10 ЛБ.

Пауки в стаканчики попадались в 2,5 раза реже, чем в остальные типы ЛБ. Цвет навеса на уловистость не влиял. Основная масса была отловлена в мае - июне. Ловушек необходимо не менее 30.

Двупарноногие отлавливались банками в 1,5 раза лучше, чем ловушками других конструкций. В ловушки с черными навесами они попадались в 1,5 раза чаще. Их наибольшая уловистость приходится на июнь.

Губоногие отлавливались преимущественно банками, в них отловлено 54 % губоногих. В ловушки с черными навесами было поймано 54 % этих многоножек. Их наибольшая уловистость приходится на май и сентябрь. Достаточное количество ЛБ оптимальной конструкции 20 - 25.

Стафилины отлавливались всеми тремя типами ЛБ примерно одинаково. Тип навеса на уловистость не влиял. Наибольшая их уловистость приходится на май - июнь. Количество ловушек, необходимое для выявления фауны, - не менее 30 - 40.

Для жужелиц наиболее уловистым типом ловушки оказались пластмассовые стаканчики, в них отловлено 40 % экземпляров всех жужелиц и около 75 % видового состава, эффективность использования остальных двух типов ЛБ в этой группе примерно одинакова. Для учета доминантных и обычных видов данного биоценоза достаточно десяти ЛБ. Но для выявления 75 % видового состава обитающих в широколиственных лесах необходимо 35-40 ловушек, дальнейшее увеличение количества ЛБ дает дополнительные виды, но они либо нетипичны для данного биоценоза, либо данным методом не учитываются (например, подкорные виды рода *Dromius* и *Tachyta nana* Gyll). Наиболее оптимальные сроки для учета жужелиц с середины мая по конец июля, в этот период отлавливается 90 % всех видов, если взять май целиком, то этот процент увеличивается до 95 - 100 %.

Учитывая результаты проведенных исследований, авторы пришли к заключению, что наиболее приемлемой конструкцией для комплексного сбора наземных беспозвоночных и мелких позвоночных широколиственных лесов являются ЛБ, изготовленные из пластиковых цилиндров объемом 1,5 - 2 л. с чередованием темных и прозрачных навесов. Необходимое количество - 35 - 40 штук. Сезон и сроки сбора для беспозвоночных - май - июль, для позвоночных - август - сентябрь.

М.П. ШАШКОВ

**Мезофауна напочвенных членистоногих
широколиственных лесов заповедника
«Калужские засеки»**

Напочвенная мезофауна - один из основных компонентов лесных биоценозов. Сборы напочвенных беспозвоночных проводились с мая по ноябрь 1996 г. в двух точках (на северном и южном участках) широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки» при помощи ловушек Барбера (Тихомирова, 1975). Всего было учтено более 60 тыс. экземпляров *Arthropoda* следующих систематических групп: *Isopoda*, *Opiliones*, *Aranei*, *Juliformia*, *Chilopoda* и *Insecta*.

Уловистость *Arthropoda* в среднем по изучаемым лесам составила 541,2 экземпляра на 100 л-сут. Уловистость членистоногих на южном участке в 1,7 раза больше таковой на северном участке.

Большинство в сборах составили насекомые (*Insecta*). Их доля в сборах - 64 %, а уловистость - 346,2 экз. на 100 л-сут. Среди насекомых личинки (*Larva Insecta*) составляли незначительную долю (6,7 %), что объясняется малой горизонтальной поверхностью активностью последних.

Среди Imago *Insecta* подавляющее большинство составляли жуки (*Coleoptera*) - 97,8 %, их уловистость - 317,6 экз. на 100 л-сут. Два семейства - жужелицы (*Carabidae*) и стафилины (*Staphylinidae*) из отряда *Coleoptera* составили 80,9 % (257,6 экз. на 100 л-сут.).

Из жужелиц массово встречались виды: *Agonum assimile*, *Eraphius secalis*, *Pterostichus oblongopunctatus*, *P. melanarius* (в сумме 70 % среди семейства).

Мокрицы (*Isopoda*) составили 17,1 % в уловах при уловистости 94,7 экз. на 100 л-сут. Основная масса этих членистоногих учтена на южном участке, на северном участке их уловистость была в 10 раз меньше. За исключением нескольких десятков экземпляров *Tracheoniscus rathkei*, все они относятся к виду *Ligidium hyrporum*.

Пауки (*Aranei*) - третья группа по обилию в сборах - 10,3 % при уловистости 54,7 экз. на 100 л-сут. Их уловистость была в 1,7 раза больше на более сухом северном участке.

Сенокосцы (*Opiliones*) составили 7,4 % в сборах при уловистости 40,1 экз. на 100 л-сут.

Многоножки (*Chilopoda* и *Juliformia*) составляли всего лишь 1 % в уловах.

В заключение надо сказать, что используемый метод учета дает представление об относительном обилии членистоногих. Более полную и точную картину должны дать количественные методы учета.

С.К. АЛЕКСЕЕВ, М.П. ШАШКОВ

**Жужелицы (*Coleoptera*, *Carabidae*)
широколиственных лесов заповедника
«Калужские засеки»**

Жужелицы - одна из самых многочисленных групп беспозвоночных лесных биоценозов. Они являются индикаторами почвенно-растительных условий.

В 1996 г. в широколиственных лесах северного и южного участков заповедника «Калужские засеки» проводились сборы жужелиц с помощью ловушек Барбера.

Оба участка находились в старовозрастных широколиственных лесах с богатым видовым составом и сложной структурой. Среди деревьев преобладали дуб черешчатый, ясень обыкновенный, клен остролистный, клен полевой, вяз шершавый, липа мелколистная. Кустарники были представлены лещиной обыкновенной, черемухой обыкновенной, бересклетом бородавчатым и европейским, крушиной ломкой. В травяном покрове широколиственных лесов северного участка (на супесях) доминировали осока волосистая, зеленчук, копытень европейский. На южном

участке (на суглинках) доминировали лук медвежий (черемша), пролесник многолетний, сныть обыкновенная.

На каждой из двух учетных площадок были установлены по 30 ловушек с полиэтиленовыми навесиками. Выборка материала проводилась два раза в месяц с мая по ноябрь.

Всего было собрано более 17 тысяч экз. жуžелиц, относящихся к 58 видам из 27 родов.

Наиболее представленными в сборах были: *Pterostichus* (7 видов), *Carabus* (6 видов), *Agonum* (5 видов), *Bembidion*, *Amara*, *Harpalus* (по 4 вида).

На северном участке в сборах доминировали *Pterostichus oblongopunctatus* (32,1 экз. на 100 л-сут.) и *Eraphius secalis* (30,5 экз. на 100 л-сут.). Несколько ниже была уловистость *P. melanarius* (10,4 экз. на 100 л-сут.). Обычными видами этого леса являлись - *Carabus granulatus*, *C. hortensis*, *Cychrus caraboides*, *P. niger*, *P. strenuus*, *Agonum assimile*, *Harpalus quadripunctatus*, *Badister bipustulatus*. Их уловистость колебалась от 1,1 до 3,8 экз. на 100 л-сут. Всего на этом участке было отловлено 43 вида при суммарной уловистости 96,1 экз. на 100 л-сут.

В сыром широколиственном лесу южного участка супердоминантом были *A. assimile* (36 % от всех *Carabidae*) с уловистостью 77,5 экз. на 100 л-сут. В группу доминантов также вошли *P. melanarius*, *P. oblongopunctatus*, *Patrobus atrorufus* (от 18,8 до 23,8 экз. на 100 л-сут.). Кроме того, наиболее обычными были *C. granulatus*, *Eraphius secalis*, *P. aethiops*, *P. niger*, *P. strenuus*, *P. nigrita*, *Loricera pilicornis*, *Leistus rufescens* и *Bembidion (Philochthus) biguttatum* (от 1,1 до 14,5 экз. на 100 л-сут.). Всего здесь отмечено 44 вида при суммарной уловистости 202,2 экз. на 100 л-сут.

Зоогеографический анализ видового состава жуžелиц показал, что голарктические виды (соответственно северного и южного участков) составляли 7,0 и 9,1 %; транспалеарктические - 41,9 и 43,2 %; европейско-сибирские - 20,9 и 22,7 %; западноевропейские - 16,3 и 11,4 %; европейские - 14,0 и 13,6 %.

По биотопической приуроченности 51 и 48% составляли лесные виды; 9 и 11 % - лесо-болотные; 7 и 5 % - болотные; 2 и 11 % - береговые; 5 и 7 % - луго-болотные; 14 и 16 % - луго-полевые; 5 и 0 % - полевые и 7 и 2 % - луговые виды (соответственно на северном и южном участках заповедника).

Среди отловленных жуžелиц преобладали виды с весенним типом размножения (65 - 68 %). Двум видам свойствен мультисезонный тип размножения и 21 - 23 % видов - осенний тип.

В заключение отметим, что по видовому обилию среди отловленных жуžелиц северного участка заповедника зоофагов было в 4 раза больше, чем миксофитофагов, в то время как на южном участке это соотношение было 15:1.

М.П. ШАШКОВ, С.К. АЛЕКСЕЕВ

Жизненные формы жуžелиц (*Coleoptera*, *Carabidae*)

широколиственных лесов заповедника

«Калужские засеки»

Спектры жизненных форм (ж.ф.) жуžелиц являются индикаторами степени изменения почвенно-растительных условий биоценозов (Шарова, 1981).

Задачей данного исследования было сравнить ж.ф. жуžелиц широколиственных лесов двух участков заповедника (северного и южного), схожих по древесно-кустарниковой растительности, но отличных по травяному покрову, почвенным и радиационным условиям.

На северном участке (на супесях) в травяном покрове доминировали осока волосистая, копытень европейский, зеленчук. На южном участке (на суглинках) доминировали черемша, пролесник многолетний, сныть обыкновенная.

Район исследования расположен в зоне, подвергавшейся радиационному загрязнению Cs-137 в результате Чернобыльской аварии. В связи с чем радиационная активность почвы в 1996 г. на Северном участке составляла 1,448 Ки на км², на Южном участке - 3,566 Ки на км².

В каждом из обследуемых участков мы установили по 30 ловушек Барбера (Тихомирова, 1975) с полиэтиленовыми навесиками. Выборки проводились два раза в месяц с мая по ноябрь 1996 г. Всего за сезон было отловлено более 17 тыс. экземпляров 58 видов жуžелиц, относящихся к десяти группам ж.ф. двух классов (зоофаги и миксофитофаги).

На северном участке заповедника отмечено 43 вида *Carabidae* девяти групп ж.ф.

Зоофаги (7 групп ж.ф.) составляли 98 % численного обилия жуужелиц этого участка при уловистости 94 экз. на 100 л-сут. Стратобионты подстилочные и стратобионты подстилично-почвенные составляли 84 % численного обилия, при 35 % видового обилия. Стратобионты поверхностно-подстилочные и эпигеобионты ходящие при значительном видовом обилии (18,6 и 16,3 % соответственно) имели численное обилие 2,7 и 10,6 %. Эпигеобионты бегающие, геобионты и хортобионты листовые составляли незначительную часть жуужелиц.

Миксофитофаги (2 группы ж.ф.) северного участка представлены геохортобионтами (типа *Amara*) и стратохортобионтами (типа *Ophonus*). Они составляли 2 % численного обилия среди жуужелиц данного участка при уловистости 1,9 экз. на 100 л-сут.

На южном участке отмечено 44 вида жуужелиц девяти групп ж.ф.

Зоофаги (7 групп ж.ф.) составляли 99,9 % численного обилия жуужелиц этого участка при уловистости 202 экз. на 100 л-сут. Самыми обильными группами ж.ф. были стратобионты поверхностно-подстилочные (43,3 % численного и 31,8 % видового обилия) и стратобионты подстилично-почвенные (34,2 и 18,2 % соответственно). Эпигеобионты ходящие (типа *Carabus*) составляли 6,2 % численного и 11,4 % видового обилия жуужелиц этого участка. Стратобионты подстилочные (типа *Calathus*) дали соответственно 15,4 и 22,7 %. Геобионты и стратобионты подстилично-подкорные были представлены единичными экземплярами.

Миксофитофаги южного участка представлены геохортобионтами с численным обилием 0,1 % при уловистости 0,12 экз. на 100 л-сут.

Сравнение комплексов ж.ф. жуужелиц широколиственных лесов северного и южного участков проводилось по группам и классам ж.ф. по формуле

$$K = C/(A+B-C),$$

где C - число групп или классов ж.ф. общих для двух сравниваемых биотопов,

A - число видов в первом биотопе,

B - число видов во втором биотопе.

В результате коэффициент сходства по группам ж.ф. - 0,89; по классам - 1.

Эти биоценозы также сравнивались по группам и классам ж.ф., но с учетом уловистости по формуле

$$K = \sum c_{\min} / (a + b - \sum c_{\min}),$$

где $c_{\min}$ - меньший из двух сравниваемых показателей уловистости каждой группы ж.ф.,

a - суммарная уловистость всех групп ж.ф. в одном из биоценозов,

b - то же, но в другом.

Коэффициенты сходства с учетом уловистости были 0,43 и 0,46 соответственно.

С.К. АЛЕКСЕЕВ, Д.А. БАРКОВ

Прибрежная фауна жуужелиц (*Coleoptera, Carabidae*) среднего течения р. Жиздры

Исследование проводилось на участке прибрежных пойменных формаций правого берега р. Жиздры в 5 км выше по течению от села Клюксы Козельского района Калужской области. Полоса учетной площадки была длиной около 50 м, шириной до 10 м. В нее попадали следующие станции: супралитораль, осоково-злаковые заросли, зарастающий песчаный пляж и молодой прибрежный ивняк. На учетной площадке было установлено 48 ловушек Барбера с полиэтиленовыми навесиками. Ловушки проверялись раз в две недели с июня по ноябрь 1995 г.

Всего было отловлено 3664 экз. имаго жуужелиц 92 видов из 35 родов.

Наиболее представительными были следующие роды: *Bembidion* (16 видов); *Agonum* (10 видов); *Dyschirius* (8 видов); *Pterostichus* (7 видов) и *Carabus*, *Amara* (по 5 видов).

Самым многочисленным в сборах был прибрежный вид *Omphron limbatum*, его уловистость составляла в среднем по прибрежным формациям - 12,5 экз. на 100 л-сут., достигая на супралитории 42,3 экз. на 100 л-сут. Другим доминантом берега р. Жиздры являлся подстилочный вид *Eraphius secalis* (ср. уловистость 6,7 экз. на 100 л-сут.), уловистость которого достигала в осоково-злаковых станциях 22,3 экз. на 100 л-сут. Субдоминантами являлись роющий вид *Dyschirius thoracicus* и подстилочный *Agonum obscurum*, их максимальная уловистость составляла (соответственно) 11,6

экз. на 100 л-сут. на супралиторали и 18,3 экз. на 100 л-сут. в осоково-злаковых стациях. Высокой уловистости, из отмеченных на зарастающем песчаном пляже 67 видов, достигла *Amara fulva* (12,5 экз. на 100 л-сут.), *Cicindela hybrida* (4,6 экз. на 100 л-сут.), *Bembidion* (s.str.) *quadrinotatum* и *B. (Peryphus) spp.* В осоково-злаковых стациях, помимо перечисленных выше жуужелиц, значительную долю в уловах составляли *Patrobus atrorufus*, *D. thoracicus*, *Pterostichus vernalis*, *Clivina fossor*, а всего встречено 56 видов.

Прибрежный молодой ивняк изобилует поверхностно-подстилочным и подстилочными видами, среди которых выделились - *Leistus rufescens*, *B. (s.str.) quadrinotatum*, *Bembidion* подвидов *Notaphus* и *Peryphus*. Всего здесь отмечено 45 видов.

На супралиторали к упомянутым можно прибавить *Chlaenius nitidulus*, *B. (Notaphus) spp.*, *B. (Trepanes) articulatum*, *Elaphrus riparius*, которые обильнее других 53 видов представлены в сборах с этой стации.

По отношению к влажности, подавляющее большинство жуужелиц берега р. Жиздры являются мезо- и гигрофилами.

По биотопической приуроченности прибрежную фауну можно разделить на лесные виды - 18 %; луговые - 3 %; полевые - 4%; болотные - 8 %; луго-болотные - 13 %; луго-полевые - 13 %; лесо-болотные - 6 %; болотно-береговые - 6 % и береговые - 28 %.

Зоогеографический анализ показал, что большинство прибрежных жуужелиц имеют широкие ареалы. Голарктический комплекс составлял 9 % отловленных видов, транспалеарктический - 37 %, западнопалеарктический - 18 %, европейско-сибирский - 24 %, и европейский - 12 %.

По типу сезонного размножения преобладали виды с весенним типом размножения (более 80 %), с мультисезонным типом отмечено лишь два вида, остальным отловленным видам присущ осенний тип размножения.

Анализ жизненных форм прибрежной фауны жуужелиц р. Жиздры дан в статье С.К. Алексеева, Д.А. Баркова (in litt.).

Авторы уверены, что число видов жуужелиц, обитающих в прибрежных биотопах р. Жиздры, должно быть выше отмеченного количества (92 вида), но в целом прибрежный комплекс *Carabidae* отражает состояние прибрежной карабидофауны данного региона.

С.К. АЛЕКСЕЕВ, Е.Г. КОМОГорова

Жуужелицы (*Coleoptera*, *Carabidae*)

приусадебных участков г. Калуги

Калуга - один из древнейших городов России, его облик менялся из века в век. Менялись вместе с Калугой и городские биотопы. Вместе с тем одним из наиболее неизменных биотопов, с точки зрения антропогенных форм использования, остаются приусадебные участки. Ранее это были участки вокруг частных домов, теперь это земельные участки вокруг дач в черте города. Как правило, на этих участках создается значительная мозаика почвенно-растительных условий (участки сада, кустарники, грядки с овощами, парники, цветники и т. п., обычно, хорошо удобренные и политые дорожки).

Для проведения исследований нами были выбраны пять приусадебных участков, два из которых расположены на территории «старого города», три других - на окраинах Калуги.

Сборы беспозвоночных проводились с помощью ловушек Барбера в 1994-95 гг. Среди беспозвоночных доминировали жесткокрылые двух семейств - *Carabidae*, *Staphylinidae*.

Жуужелиц отловлено около 13 тыс. экземпляров 89 видов (30 родов), что составляет более трети фауны Калужской области. Среди них наиболее разнообразно представлены роды *Amara* (четыренадцать видов), *Agonum* (девять видов), *Pterostichus*, *Harpalus* (по восемь видов).

Доминантами в сборах были *Pterostichus melanarius* (55,4 экз. на 100 л-сут. в среднем по приусадебным участкам) и *Agonum assimile* (46,4 экз. на 100 л-сут.), субдоминантами являлись *Poecilus cupreus* и *P. versicolor* (соответственно 26,5 и 15,8 на 100 л-сут.). Обычными в уловах (от 1,5 до 6,9 экз. на 100 л-сут.) были *Carabus cancellatus*, *C. granulatus*, *C. nemoralis*, *Asaphidion flavipes*, *Eraphius secalis*, *Patrobus atrorufes*, *Pterostichus oblongopunctatus*, *P. niger*, *Agonum dorsale*, *Amara aenea*, *A. communis* и *Pseudophonus rufipes*. Их средняя уловистость в этих биотопах колебалась от 1,5 до 6,9 экз. на 100 л-сут.

Анализ видового состава жуужелиц показал, что практически все виды являются типичными для фауны средней полосы Европейской части России. Большинство отловленных жуужелиц

относятся к видам с широкими ареалами: голарктические составляли - 6,7 % (6 видов); транспалеарктические - 39,3 % (35 видов); западнопалеарктические - 22,5 % (20 видов); европейско-сибирские - 22,5 % (17 видов). Лишь только 10 видов представляли европейский зоогеографический комплекс (11,2 %). Один вид (*Harpalus xanthopus winkleri*) с невыясненным ареалом.

По отношению к влажности подавляющее большинство отловленных журилиц относится к мезофилам, лишь 3 - 5 видов можно считать гигрофилами, настоящих ксеробионтов и фитофилов не обнаружено.

По своей приуроченности к наиболее предпочитаемым в «ди-кой природе» биотопам (экологический состав) Carabidae были представлены следующими группами: лесные составляли 28,1 %; луговые виды - 10,1 %; полевые - 6,7 %; луго-болотные - 5,6 %; лесо-болотные - 10,1 % и береговые 6,7 %.

В фенологических группах доминировали виды с весенним типом размножения (54 %), с осенним типом размножения было 28,1 %, два вида (2,2 %) с мультисезонным и пять видов с невыясненным типом размножения.

Большинство отловленных журилиц относится к зоофагам (57 видов - 64 %), где эпигеобионты ходящие составляли 6,7 % (6 видов); стратобионты подстилочные - 12,4 % (11 видов); стратобионты поверхностно-подстилочные - 27 % (24 вида); геобионты 45 % (4 вида); эпигеобионты бегающие - 2,2 % (2 вида); стратобионты подстилочно-почвенные - 11,2 % (10 видов).

Класс миксофитофагов (32 вида - 36 %) представлен группами: геохортобионты (типа *Amara*) - 28,1 % (25 видов); стратобинты - 3,4 % (3 вида) и стратохортобионты 4,5 % (4 вида).

В заключение отметим, что фаунистические комплексы журилиц приусадебных участков оказались одними из самых насыщенных видами биотопов Калужской области, с высоким биоразнообразием. Они сравнимы лишь с прибрежными биотопами рек (98 видов) области, но отличаются принципиально по фаунистическому составу и происхождению. В современном городе приусадебные участки являются замечательным рефугиумом для многих беспозвоночных, в т. ч. и журилиц.

И.В. ШМЫТОВА

Новейшие находки некоторых редких видов бабочек-мешочниц (*Lepidoptera, Psychidae*) в Калужской области

Представители семейства Psychidae издавна интересуют лепидоптерологов. Очевидно, это связано с привлекательностью мешочниц как объектов исследования (сложный жизненный цикл, наличие чехлика у гусениц, локальность распространения и т.п.).

А.П. Чернышов для Калужской области указывает 6 видов психид (Чернышов, 1919), М.И. Сироткин - 13 (из них два по списку А.П. Чернышова).

С 1993 года нами выявлено 7 видов Psychidae (5 выведено из гусениц, 1 пойман на свет и 1 собран кошением).

Для изучения видового состава психид собирались гусеницы со стволов деревьев, травянистых растений, деревянных построек, бетонных столбов. Гусеницы помещались в стеклянные баночки, закрытые крышками из пенопласта. Им предлагался корм (в основном горец птичий - *Polygonum aviculare* L. и листья одуванчика - *Taraxacum Wigg.*). Перед окукливанием гусеницы прикреплялись к крышкам баночек.

Определение проведено В.П. Соляниковым (г. Москва).

Обработанные материалы хранятся в фондах Калужского областного краеведческого музея.

В данном списке мы приводим 4 редких вида Psychidae.

Fumea betulina Z.

Материал: 3 экз. Пригород Калуги, Сивково, чехлики на деревянной постройке, 25.06.93 и 29.06.93 имаго, соответственно 29.06.93 и 15.07.93.

Epicnapterix pulla Esp.

Материал: 2 экз. Бабынинский р-н, Извеково; пл. 217 км., имаго днем 8.05.93 и 11.06.93; 2 экз. Мосальский р-н, Григорово, имаго кошением с подмаренника 15.06.95.

Psyche crassiorella Bruand.

Материал: 1 экз. Пригород Калуги, Сивково, опушка широколиственного леса, чехлики на деревянной постройке 29.06.93, имаго 5.07.93.

Megalophanes viadrina Stgr.

Материал: 1 экз. Козельский р-н, п. (Сосенский (Чертово го-

родище), чехлики собраны с травянистых растений 16.06.93, имаго конец июня 1993 г.

В заключение автор выражает благодарность В.П.Соляникову за большую научно-методическую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Загуляев А.К.** Сем. *Psychidae*//Определитель насекомых Европейской части СССР. Т.4. Чешуекрылые. Ч.1, 1978. С.112-138.
2. **Сироткин М.И.** Список чешуекрылых (*Macrolepidoptera*) Московской и Калужской областей РСФСР//Энтомологическое обозрение LXV, 2, 1986. С.356.
3. **Чернышов А.П.** Список бабочек Калужского и Перемышльского уездов Калужской губернии. Калуга, 1919. С.18.

И.В. ШМЫТОВА

Бабочки-мокрицы (*Lepidoptera, Limacodidae*) в Калужской области

Семейство *Limacodidae* в Европейской части представлено всего двумя видами (Сухарева, 1978).

Оба этих вида встречаются довольно редко, что обусловлено рядом возможных причин (низкая численность, стенопность, бабочки плохо привлекаются на источники света и др.)

Распространение слизневидок интересно в основном для фаунистики, т.к. биология их практически не изучена.

При подготовке статьи просмотрены собственные сборы в Калужской области, начиная с 1993 года, музейные фонды с 1991 года и выявлена следующая картина:

Cochlidion limacodes Hfn.

Материал: 3 экз.

Места сбора: 1 экз. Пригород Калуги, д.Сивково, опушка широколиственного леса, июнь 1991 г. (Е.А. Телеганова); 1 экз. 34 км ю-в г.Козельск, п. Грачевский, опушка дубово-ясеневое леса, 31.05.95; 1 экз. Мосальский р-н, д.Григорово, 16.06.95.

Приурочен к широколиственным лесам. Редок.

Heterogenea asella Den. et Schiff.

Материал: 1 экз.

Место сбора: 34 км ю-в г.Козельск, п. Грачевский, опушка дубово-ясеневое леса, 1.06.95.

Этот вид не отмечался в Калужской области с 1919 г. (Чернышов, 1919;). Очень редок.

Характерно, что оба вида пойманы в малонарушенных коренных лесах (п. Грачевский) на территории НПП "Угра".

Все материалы хранятся в фондах КОКМ.

Автор выражает благодарность Е.А. Телегановой за помощь во время полевых сборов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сироткин М.И.** Список чешуекрылых (*Macrolepidoptera*) Московской и Калужской областей// Энтомологическое обозрение. LXV, 2, 1986. С.356.
2. **Сухарева И.Л.** Сем. *Limacodidae* (*Heterogeneidae, Cochlididae*). - Слизневидки (Бабочки-мокрицы)// Определитель насекомых Европейской части СССР. Т.4 Чешуекрылые. Ч.1, 1978. С.140.
3. **Чернышов А.П.** Список бабочек Калужского и Перемышльского уездов Калужской губернии. Калуга, 1919. С.18.

Л.В. БОЛЬШАКОВ

К фауне пядениц (*Lepidoptera, Geometridae*) Окско-Жиздринского водораздела

Пяденицы (*Geometridae*) - второе по численности семейство чешуекрылых. Характерные для большинства видов оседлость и особенности индивидуального поведения делают их хорошими биоиндикаторами состояния экосистем. О фауне пядениц бассейна верхней Оки можно судить по аннотированным спискам для Тульской (Антонова, Большаков, 1995) и Калужской (Сироткин, 1976, 1986) областей. В работах М.И.Сироткина не было возможности дать детальное распространение многих интересных видов, к тому же некоторые районы Калужской области до сих пор мало исследованы. Неисследованной остается Орловская область. Так что здесь есть еще широкое поле для деятельности.

Для одного из наиболее сложных и интересных макроландшафтов верхней Оки - лесного массива по Окско-Жиздринскому водоразделу - известны (включая участки в Тульской обл.) 144 вида пядениц, не менее 2/3 их возможного состава. Объем

настоящей работы позволяет сделать обзор отмеченных впервые в Калужской области 3 видов пядениц, а также привести 19 наиболее редких видов, которым угрожает исчезновение, что важно в экологическом и природоохранном аспектах.

Исследования проводились в 1987-95 гг. автором, а также С.А. Андреевым, В.Н. Крыловым и А.В. Чувилиным, материал хранится в личных и музейных коллекциях. Аннотации видов включают места сборов (с юга на север), данные по фенологии, встречаемости и биотопической приуроченности. Трофика приводится по литературным данным с учетом наличия здесь указанных растений. Сведения об ареалах - по литературным данным, с оригинальными комментариями по приокскому региону и оценками степени уязвимости видов.

Применяемые сокращения мест сбора: СТ (ст.Тупик), ЛЛ (Лихвинское лесничество), ГХ (Гранный Холм), Ил. (Ильинское); специальных терминов: к. - конец, к.р. - кормовое растение гусениц, н. - начало, СмЛ - смешанные леса, ср. - середина, ШЛЛ - широколиственные леса. Месяцы всюду указаны цифрами.

Chloroclystis v-ata (Hw.) (*coronata* (Hbn.). ЛЛ, 22.06.1991, 1 экз. (Большаков). 06 - ср.07. Встречается нечасто, в ШЛЛ и лесопарках, в нижней части крон. К.р. - душица, посконник, бузина черная и др. Трансевразийский суббореальный вид. В нашем регионе оптимум в полосе ШЛЛ. В полосе СмЛ, по-видимому, на грани исчезновения (малочисленные популяции в мезоландшафтах).

Lomaspilis opis nigrita Heyd. СТ, ЛЛ, ГХ, Ил. К.05 - 06. Встречается локально и нечасто, в старых СмЛ и ШЛЛ по редколесьям, опушкам, полянам. К.р. неизвестны. Субтрансевразийский бореальный вид (от Балтики до Д.Востока, малоизвестен в Сибири). У нас южная граница ареала соответствует полосе старых СмЛ и отчасти ШЛЛ. Самая южная точка нам известна в Орловской обл. [Мценский р-н, Кузнецово, 3.06.1984, 2 экз. (Крылов)]. Под угрозой исчезновения (малочисленные популяции в макроландшафтах).

Perconia strigillaria (Hbn.). СТ, 29.06.1991, 1 экз., и 15-19.06.1992 отмечено 14 экз. (Андреев). Очень локально, на прогреваемом торфянике на опушке зеленомошника. К.р. - вереск, крестовник. Евро-сибирский температурный вид, малоизвестный в Ц.России. На грани исчезновения (изолированная ценопопуляция в микроландшафте).

Необходимо отметить также 18 видов, находящихся здесь на грани исчезновения [если места сборов не указаны, то они - в Тульской области (Антонова, Большаков, 1995)]. По экологическому облику различаются:

А) изолированные популяции в микроландшафтах - *Pseudoterpna pruinata* (Hfn.) [СТ], *Sterrhia sylvestriaria* (Hbn.) [ГХ], *Rhodostrophia vibicaria* (L.) [СТ], *Scotopteryx moeniata* (Sc.) [ГХ]; все приурочены к остепненным и/или сухим песчаным опушкам и полянам в сосняках;

Б) малочисленные частично изолированные популяции в мезоландшафтах - *Sterrhia inornata* (Hw.) [ГХ], *Venusia blomeri* Cur., *Orthonama lignata* (Hbn.) [СТ], *Rheumaptera hastata* (L.), *Philereme vetulata* (D. et Sch.), *Perizoma hydrata* (Tr.), *Eustroma reticulata* (D. et Sch.) [ГХ], *Diactinia capitata* (H.-S.), *D.silacea* (D. et Sch.) [ГХ], *Rhinoprora debiliata* (Hbn.) [ЛЛ], *Eupithecia nanata* (Hbn.), *E.intricata* (Zett.), *Arichanna melanaria* (L.) [ГХ], *Agriopsis leucophaearia* (D. et Sch.); большинство из них приурочены к старым лесам северного облика, лишь 2 вида (выделены жирным шрифтом) явно неморально-лесные.

Анализируя причины уязвимости этих 18 видов, находим, что только в 5 случаях основным лимитирующим фактором является ограниченность кормовой базы. Еще в 5 случаях имеет место монофагия или узкая олигофагия при локализованной или рассеянной, но довольно обильной кормовой базе, в остальных - к.р. очень обычны (независимо от пищевой специализации видов). Это указывает на сложную природу сопряженности этих видов со специфическими локальными местообитаниями. Многие из таких сообществ в полосе приокских лесов имеют реликтовое происхождение. Все они очень уязвимы, зависят от антропогенных воздействий и нуждаются в создании заповедного режима.

Очень редкой для приокского региона находкой является *Gnophos ambiguata* (Dup.) [СТ, 29.06.1991, 1 экз. (Андреев)], европейский суббореальный вид (здесь, возможно, залетный).

В интересах сохранения биоразнообразия и уникальных природных ландшафтов Ц.России считаем необходимым все лесные участки с прилегающими лугами по Окско-Жиздринскому водоразделу, не вошедшие в границы национального парка "Угра", передать в его ведение.

Автор глубоко благодарен сборщикам материала, а также Е.М.

Антоновой (Зоологический музей МГУ) за помощь в определении ряда видов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.М., Большаков Л.В., 1995. Пяденицы (*Lepidoptera, Geometridae*) Тульской области // *Actias*, vol.2, nos 1-2. С.13-32.
2. Сироткин М.И., Чешуекрылые (*Macrolepidoptera*) Московской и Калужской областей РСФСР (депонирована в ВИНТИ, № 3815-76 ДЕП, 1976).
3. Сироткин М.И., Список чешуекрылых (*Macrolepidoptera*) Московской и Калужской областей // *Энтомологическое обозрение*. Т.65, вып.2. 1986. С.318-358.

А.В. СВИРИДОВ, Л.В. БОЛЬШАКОВ

Совки (*Lepidoptera, Noctuidae*)

Тульской области. Дополнение

В ходе проведения полевых исследований на территории Тульской обл. и обработки коллекционных материалов в 1993-96 гг. было обнаружено 11 новых для области видов совок (*Noctuidae*), краткому обзору которых посвящена настоящая работа. Ранее опубликованный аннотированный список *Noctuidae* Тульской обл. (Свиридов, Большаков, 1994) включает 258 видов, что составляет не менее 80% возможного состава местной ноктуидофауны. Все вновь обнаруживаемые виды являются редкими для нашего региона, большинство из них находятся на границах ареалов; некоторые, по-видимому, залетные. Систематика и номенклатура приняты по работе Р.Пуля (*Poole*, 1989). Аннотации видов включают места, даты и авторство находок, а также установленную биотопическую приуроченность и другие необходимые комментарии. Карта мест сбора опубликована в вышеупомянутой фаунистической работе (новая точка, Матюхинский, в 5 км к северо-северо-западу от Николо-Гастуни). Трофические связи видов приведены по литературным данным при условии присутствия указанных растений в исследованном регионе.

Lygerphila ludicra (Hbn., 1790). Водяное Поле, 29.07.1996, 2 экз.; Ивановка, ночью 15/16.07.1996, часто летели на свет; Щучье, 26.07.1996, 1 экз. Собраны Л.Большаковым в лесостепной зоне в остепненных биотопах, все бабочки облетаны. Субтрансеврази-

атский суббореальный вид, здесь - на северной границе ареала.

Lithacodia deceptoria (Scop., 1763). Шилово, 22.06.1993, 1 экз. (Л.Большаков), остепненный склон под широколиственным лесом. Трансевразиатский суббореальный вид. Гусеница в основном на тимopheевке луговой.

Panthea coenobita (Esp., 1785). Матюхинский, 03.06.95 и 17.06.1995, 2 экз. (А.Лакомов), в старом хвойно-широколиственном лесу. Трансевразиатский бореальный вид, здесь - на южной границе ареала. Гусеница на ели и сосне (а также на др. культивируемых сосновых).

Rhizedra lutosa (Hbn., [1803]). Новомосковск, 6.09.1994, 1 экз. (С.Андреев), на свет в урбоценозе (явно залетный). Редкий, по-видимому, трансевразиатский температурный вид. Экологически связан с прибрежной растительностью, гусеница - в стеблях тростника.

Hyppa rectilinea (Esp., 1788). Тула, 13.07.1994, 1 экз. (С.Рябов), на свет в урбоценозе (где несомненно залетен). Трансевразиатский бореомонтанный вид, обнаруженный южнее экологически обоснованной границы ареала. Характерен для лесных биотопов таежного типа, широкий полифаг (на березе, ивах, розоцветных, вересковых и др., включая травянистые растения).

Athetis gluteosa (Tr., 1835). Вязово, 05.07.1987, 1 самец (С.Рябов), остепненные склоны и опушки широколиственного леса (обнаружен среди серии сходного вида *Hoplodrina blanda*). Трансевразиатский суббореальный вид. По-видимому, полифаг-хортофаг.

Cucullia fraterna Butl., 1878. Ефремов, 20.06.1993, 1 самец (Л.Большаков), на свет в садово-парковом ландшафте. Субтрансевразиатский суббореальный вид, редкий в Европе.

Diarsia florida (Schmidt, 1859). Околоково, 04.07.1985, 2 самца (С.Рябов), на свет близ старого широколиственного леса с примесью хвойных. Симпатричный двойник *D. rubi* (View, 1790) (определен по гениталиям среди серии этого вида).

Paradiarsia sobrina (Dup., 1843). Камышенка, 24.07.1993, 1 экз. (Л.Большаков), в старом зеленомошнике. Евро-сибирский бореальный вид, здесь - на южной границе ареала. Полифаг-дендротамнофаг (в частности, на розоцветных и вересковых).

Eugnorisma depuncta (L., 1761). Матюхинский, 14.08.1993, 1 экз. (Л.Большаков), опушка старого хвойно-широколиственного леса. Евро-среднеазиатский суббореальный вид. Полифаг-хортотамнофаг (в частности, на чернике, крапиве, шалфее).

Heliothis peltigera ([Den. et Schiff.], 1775). Водяное Поле, 29.07.1996, 1 экз. (Л.Большаков), остепненный склон южной экспозиции. Западно-центрально-палеарктический суббореальный вид, здесь - на северной границе ареала. Полифаг-хортофаг (в частности, на белене черной, шалфее луговом, люцерне посевной, стальнике, крестовнике).

Следует также внести уточнение в фенологию *Catocala sponsa* (L., 1767), где в аннотированный список закралась опечатка: вместо "середина июня..." следует читать "середина июля..."; имеется и более ранняя находка (Щучье, 10.07.1996).

Авторы выражают сердечную благодарность сборщикам материала и надеются на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

Свиридов А.В., Большаков Л.В., 1994. Совки (*Lepidoptera*, *Noctuidae*) Тульской области // *Actias*, vol. 1, nos 1-2. С.105-118.

Poole, R.W. *Noctuidae. Part 1-3* // *Lepidopterum Catalogus (New Series)*. Fasc. 118. Leiden, New York, Copenhagen, Koln. E.J.Brill/ *Flora and Fauna Publications*. 1989. 1313 p.

Г.В. ГОЛУБЕВА

Изучение энтомофауны шмелей Калужской области - проблемы и перспективы

Энтомофауна шмелей Калужской области до недавнего времени оставалась неизученной. Исследования опылителей начались в связи с организацией на территории области государственного заповедника «Калужские засеки» и национального парка «Угра».

Кроме этого, с 1991 г. студентами зооинженерного факультета КФ МСХА в период летних учебных практик по зоологии обследовалась энтомофауна памятника природы «Калужский бор».

За период с 1989 г. на территории Калужской области выявлено 26 видов шмелей (Голубева, 1994). Для сравнения по данным Памфилова, (1956) для Московской области описано 25 видов; для Рязанской области - около 20 видов (Ананьева, 1996); для Ивановской области - 14 видов (Мунтян, 1996). Нами изучались вопросы видового разнообразия, частоты встречаемости, экологии бомбид, а также роль шмелей и пчел в перекрестном

опылении сельскохозяйственных культур, особенно различных сортов клевера лугового и возможности дальнейшего разведения шмелей для этой цели (Голубева, Чернов, 1990).

Проблема одомашнивания шмелей имеет большое практическое значение, однако в нашей стране отдельные энтузиасты Москвы и Новосибирска не имели объективных предпосылок и средств для разработки технологий разведения шмелей. В то время как некоторые европейские сельскохозяйственные фирмы и университетские научные центры широко финансировали подобные исследования, что привело в конце 80-х годов к появлению высокоэффективных технологий круглогодичного разведения шмелей в искусственных условиях и их широкому внедрению в производственных масштабах (Березин, 1996).

В настоящее время 2 голландские, 3 бельгийские и 2 израильские фирмы с их филиалами в других странах Европы ежегодно производят 300000 семей шмелей (*Bombus terrestris*) для опыления 6000 га тепличных томатов и других тепличных культур (de Ruijter, 1992). Крупнейшие тепличные комбинаты Москвы и Московской области, а также ряд хозяйств Иванова, Вологды, Костомукши, Уфы, С.-Петербурга в 1994-1995 гг. провели успешные производственные испытания продукции этих фирм. Использование семей шмелей для опыления томатов, перца, баклажанов и огурцов оказалось высокоэффективным и в условиях России, особенно при переходе на малообъемную, автоматизированную технологию выращивания культур. Шмели обуславливают не только приrost урожая, но и высокое качество плодов, что исключает необходимость использования ручного труда или стимуляторов для опыления культур. При этом внедрение шмелеопыления в овощеводстве закрытого грунта способствует переходу на биометод защиты растений и обеспечивает получение экологически чистой продукции (Березин, 1996).

Следовательно, появились реальные экономические предпосылки для возобновления усилий по созданию отечественной научно-производственной базы для получения семей шмелей в России, что позволит решить ряд экологических и экономических проблем. Технология разведения шмелей, отработанная на обычных видах, может быть успешно использована для разведения редких видов шмелей и для восстановления численности их природных популяций.

В Калужской области обычные (фоновые) виды *Bombus* составляют всего 30 % энтомофауны, а на долю редких и единичных форм приходится 70 % их видового разнообразия, причем 9 видов занесены в Красную книгу СССР. Применение технологии разведения шмелей на территориях заповедника или национального парка способствовало бы увеличению численности редких и исчезающих видов в природных биоценозах, стабильному воспроизводству их популяций. Кроме того, подобные технологии могут внедрить клеверосеющие хозяйства области. Для решения этой проблемы необходимы заинтересованные организации, способные профинансировать подобные исследования, а важность их не вызывает сомнения.

А.С. ЗАВГОРОДНИЙ

Земноводные (*Amphibia*) широколиственных лесов юго-востока Калужской области

Исследования земноводных проводились на территории национального парка «Угра» (Жиздринский участок) и заповедника «Калужские засеки».

В широколиственных лесах этих двух районов в 1995-96 гг. проводились сборы напочвенной фауны ловушками Барбера. В результате за два года было отловлено 3239 экземпляров земноводных, относящихся к 8 видам.

Доминантом на всех десяти обследованных площадках была травяная лягушка (*Rana temporaria*). Процент уловистости этого вида, в зависимости от места сбора, колебался от 36,9 % до 84 % от всех *Amphibia*. В среднем по району ее доля в сборе была равна 62,2 %, при средней уловистости 3,2 экз. на 100 л-сут.

Субдоминантом была остромордая лягушка (*R. arvalis*). Ее средняя уловистость равна 11,7 экз. на 100 л-сут., при доле в сборах равной 22,8 %.

Третьим массовым видом была серая жаба (*Bufo bufo*). Доля в сборах этого вида была равна 14,8 % при средней уловистости 7,6 экз. на 100 л.-сут. Наибольшая ее уловистость отмечена в широколиственных лесах на супесях.

Чесночница обыкновенная (*Pelobates fuscus*) отлавливалась

только в широколиственных лесах, произрастающих на супесях (в двух точках). Всего было поймано 3 экземпляра.

Два экземпляра краснобрюхой жерлянки (*Bombina bombina*) были пойманы в широколиственном лесу, расположенном недалеко от водоемов.

Прудовая лягушка (*R. lessonae*), а также два вида тритонов: тритон гребенчатый (*Triturus cristatus*) и тритон обыкновенный (*T. vulgaris*) отлавливались единично.

Проведенные исследования показывают, что фауна земноводных широколиственных лесов включает большинство видов, отмеченных в Калужской области (не встречены лишь *R. esculenta*, *R. ridibunda*, и *Bufo viridis*).

А.С. ЗАВГОРОДНИЙ

Возрастная структура популяций земноводных (*Amphibia*) юго-востока Калужской области

Исследования проводились в 1995-96 гг. на территории заповедника «Калужские засеки» и национального парка «Угра» (Жиздринский участок). Сборы проводились с помощью ловушек Барбера.

Всего было обследовано (с апреля по ноябрь) тринадцать биотопов. За два года было отловлено 5282 экземпляра земноводных, относящихся к 9 видам. Пойманные особи измерялись и в соответствии с их размерами, были отнесены нами к трем возрастным группам: половозрелые особи, годовалые и сеголетки.

Из 9 видов наиболее массовыми оказались травяная лягушка (*Rana temporaria*) - 54,5 % при уловистости 4,1 экз. на 100 л-сут., остромордая лягушка (*R. arvalis*) - 26,1 % при 1,9 экз. на 100 л-сут. и серая жаба (*Bufo bufo*) - 15 % при 1,1 экз. на 100 л-сут. от всех *Amphibia*.

Травяная лягушка (*R. temporaria*). За два года исследований было отловлено 2879 экземпляров. В мае соотношение половозрелых и годовалых особей было равно 21 % к 79 %; в июне 60 % к 40 %. Такое соотношение связано с миграциями половозрелых особей на нерестилища в брачный период. С июля по октябрь наблюдалось постепенное увеличение доли сеголеток в сборах, пик уловистости был в августе - 6,37 экз. на 100 л-сут. В июле они составили 84 %, в

августе 92 %, в сентябре 94 % и в октябре 91 % от особей данного вида. При этом уловистость сеголеток уменьшилась с августа по октябрь в четыре раза, что связано с гибелью части особей этой возрастной группы, а также с уходом их на зимовку.

Остромордая лягушка (*R. arvalis*). Было отловлено 1379 экземпляров этого вида. В мае соотношение половозрелых особей и годовалых равно 23 % к 77 %, а в июне 24 % и 69 %, соответственно. С июля и по октябрь доминировали сеголетки. В июле они составили 81 %, в августе - 85 %, в сентябре - 80 %, в октябре - 43 % от общего количества особей данного вида. Пик уловистости сеголеток приходится на июль 4,32 экз. на 100 л-сут.

Серая жаба (*B. bufo*). В тринадцати обследованных биотопах было отловлено 793 экземпляра этого вида. В мае соотношение половозрелых и годовалых особей было равно 41 % к 59 %. С июня и до конца сезона сеголетки доминировали в сборах, составив в июне 63 %, в июле 93 %, в августе 81 %, в сентябре 72 %, в октябре 80 %. Пик уловистости сеголеток приходился на июль 3,92 экз. на 100 л-сут.

А.В. АНТИМОНОВА, С.К. АЛЕКСЕЕВ

Фауна грызунов (*Rodentia*) широколиственных лесов юго-востока Калужской области

В старовозрастных широколиственных лесах Козельского и Ульяновского районов, в десяти точках национального парка «Угра» и заповедника «Калужские засеки» в 1995-96 гг. проводились сборы наземной фауны беспозвоночных и позвоночных ловушками Барбера. В результате отловов было выявлено 11 видов грызунов (1294 экземпляр).

Самым распространенным из грызунов оказалась рыжая полевка (*Clethrionomys glareolus*). Она преобладала в сборах со всех обследованных площадок, являлась фоновым видом широколиственных лесов данного региона. Процент ее доминирования среди отловленных грызунов колебался в зависимости от места сбора от 68 до 94 % и составил в среднем для данных лесов 85,6 % при средней уловистости 19,4 экз. на 100 л.-сут.

Род *Microtus* был представлен четырьмя видами (*M. agvalis*, *M. agrestis*, *M. oeconomus*, *M. subterraneus*). Из этих четырех видов поле-

вок только обыкновенная полевка (*M. arvalis*) встречалась во всех десяти точках, в среднем составляя 3,4 % в сборах грызунов. Пашенная полевка (*M. agrestis*) и полевка-экономка (*M. oeconomus*) встречались эпизодически, первая в шести, а вторая в трех из десяти точек сборов.

Подземная полевка (*M. subterraneus*) выявлена в четырех местах (6 экз.). Этот вид впервые обнаружен на территории Калужской области.

Мыши рода *Apodemus* обычны в широколиственных лесах исследуемого района, но в наших сборах немногочисленны.

Полевая мышь (*A. agrarius*) и желтогорлая мышь (*A. flavicollis*) составляли в сборах по 3,3 % (по 42 экз.) и были отмечены для всех точек обследованных широколиственных лесов.

Мышь-малютка (*Micromys minutus*) отловлена на двух учетных площадках по одному экземпляру.

Лесная мышовка (*Sicista betulina*) найдена в трех точках (7 экз.).

Из грызунов древесно-кустарникового яруса отловлена орешниковая соня (*Muscardinus avellanarius*), всего четыре экземпляра на двух площадках.

К одиннадцати выявленным во время отловов видам следует добавить белку обыкновенную (*Sciurus vulgaris*), неоднократно отмеченную в данных лесах во время сбора материала из ловушек Барбера.

Вероятно, более детальные исследования широколиственных лесов добавят к вышеупомянутым видам новые находки. Но в целом приведенный перечень отражает фауну грызунов «засечных» широколиственных лесов юго-востока Калужской области.

С.К. АЛЕКСЕЕВ, О.С. КОСТЮХИНА

Насекомоядные (*Insectivora*) широколиственных лесов юго-востока Калужской области

На юго-востоке Калужской области в границах Козельского и Ульяновского районов сохранились остатки уникальных широколиственных «засечных» лесов, вошедших в состав заповедника «Калужские засеки» и национального парка «Угра» (Жиздринский участок).

В 1995-96 гг. в десяти точках этих лесов проводились сборы почвенной фауны ловушками Барбера. В результате было отловлено 637 экземпляров насекомоядных, принадлежащих к 7 видам.

На всех десяти площадках в сборах доминировала обыкновенная бурозубка (*Sorex araneus*). Процент ее уловистости, в зависимости от места сбора, колебался от 45 до 65 %. В среднем по широколиственным лесам исследуемого района ее доля в сборах составила 53,2 %, при средней уловистости 6,0 экз. на 100 л-сут.

Второй по уловистости была малая бурозубка (*Sorex minutus*). Ее средняя уловистость составляла 3,5 экз. на 100 л.-сут. Доля в сборах колебалась от 26 до 39 %, составляя в среднем 31,3 % по району.

Третьей, постоянной в уловах, была средняя бурозубка (*Sorex coecutiens*). Ее доля в сборах была 12,3 %, при уловистости 1,4 экз. на 100 л-сут. Колебание уловистости, в зависимости от места сбора, было в пределах 5-20 % от всех насекомоядных (*Insectivora*).

Самая мелкая из бурозубок - крошечная бурозубка (*Sorex minutissimus*) встречалась в уловах единично (в трех из десяти точек сбора) и составила 1,1 % от всех пойманных насекомоядных (7 экземпляров).

Кутора обыкновенная (*Neomys fodiens*) также отлавливалась в данных лесах спорадически, в шести точках, вблизи глубоких оврагов с водотоками. Всего было поймано 13 экземпляров (2 % от всех *Insectivora*).

На двух площадках была отловлена малая белозубка (*Crocidura suaveolens*), всего три экземпляра.

Крот европейский (*Talpa europaea*), несмотря на обилие кротовин во всех исследуемых широколиственных лесах, отлавливался единично. Всего было поймано 15 экземпляров.

В заключение отметим, что даже нестандартный метод сбора насекомоядных выявил их максимально разнообразную фауну для широколиственных лесов данного региона. К ней можно добавить лишь ежа белогрудого (*Erinaceus concolor*), периодически встречавшегося по опушкам широколиственных лесов.

**В.А. МАРГОЛИН, Ю.Д. ГАЛЧЕНКОВ,
А.В. МАРГОЛИН**

Распределение и динамика численности русской выхухолы в Калужской области

Русская выхухоль (*Desmana moschata* Linnaeus, 1758) - это реликтовый, эндемичный вид. Его численность и ареал сильно

сократились и продолжают уменьшаться. Он занесен в национальную и Красную книгу МСОП.

Настоящая работа основана на анализе практически исчерпывающей краеведческой информации - литературных и рукописных материалах, архивных данных Калужского управления охотничьего хозяйства, результатах собственных наблюдений и опросных сведений. Наиболее детальное изучение выхухолы проводил А.А. Воронин в период с 1961 по 1989 гг. Часть этих исследований вошла в его кандидатскую диссертацию (Воронин А.А. Охотничьи животные и охотугодья Калужской обл. // Диссертация... канд. биол. наук: 097. М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1970, 225 с.).

В октябре - ноябре 1996 г. нами обследовано большинство стариц поймы р. Жиздры от д. Дретово Козельского района до с. Перемышль в пределах национального парка «Угра», проведена идентификация водоемов на местности, предложен их перечень на основе предыдущих исследований с занесением на крупномасштабную карту.

По мнению М.Е. Кунакова (1962), выхухоль на территории нашего края до завоза из других регионов не обитала. Однако А.А. Воронин (1970) полагал, что ранее существовала местная популяция в пойме р. Жиздры. Действительно, в 1949 г. в заготконтору Сухиничского района была сдана шкурка выхухолы. В середине 50-х гг. два экземпляра добыты у г. Козельска (Бородин, 1963).

Для расселения этого вида в три озера поймы р. Жиздры в 1959-1960 гг. выпустили 206 зверьков. В процессе реакклиматизации, по мнению А.А. Воронина, были допущены существенные ошибки, так как относительно большие партии зверьков разместили в близко расположенных водоемах; места выпуска, а в дальнейшем участки обитания выхухолы не были взяты под надлежащую охрану, и только в сентябре 1986 г. территория части поймы р. Жиздры решением облисполкома объявлена видовым заказником, который включен в 1995-1996 гг. в состав национального парка «Угра».

Быстрому расселению выхухолы по пойме р. Жиздры на первых порах способствовали значительная плотность населения в местах выпуска и, очевидно, высокие паводки. Обследования долины, предпринятые А.А. Ворониным в 1961 г., показали что этот вид заселил ряд водоемов на протяжении около 20 км ниже

г. Козельска до Ильинских озер. К 1963 г. выхухоль заняла значительное пространство по направлению к верхней части поймы, как наиболее пригодной для обитания, до д. Кричина (Воронин А.А. К биологии выхухоли и ондатры в пойме р. Жиздры/Зоология и зоогеография. Вып. 7. Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. 224. М., 1969. С. 112-118). По сведениям того же автора, с 1964 г. зверьки попадали в браконьерские снасти в старицах около д. Гретни Сухиничского района. Одновременно шло освоение промежуточных водоемов.

Выхухоль также заселила долину Оки и некоторых других рек. В 1970 г. ее жилища обнаружены А.А. Ворониным на Хохловском озере у села Перемышль, на озере Тишь, неподалеку от которого, по свидетельству Е.В. Зарифьян, зверьки обитают до сих пор в Тороповской старице, и найдены на озере Резвань в пригороде Калуги. В дальнейшем во время весеннего половодья этот вид неоднократно отмечали на р. Оке у деревень Корекозево, Андреевское, Сивково и Столпово.

В течение последних десяти лет происходит расширение ареала выхухоли. В 1988 - 1989 гг. животные отмечены М.С. Переваловым в более южных пределах - на болотах в долине р. Ресеты восточнее одноименной деревни Хвастовичского района. В 1989 - 1990 гг. их находил В.В. Шейкин на берегу Староскаковского озера в Дзержинском районе.

В настоящее время основное поголовье сосредоточено в окрестностях г. Козельска, но некоторые экземпляры отмечены в небольших притоках р. Оки. Так, в июле 1996 г. Е.В. Зарифьян видела зверька, пойманного на пруду близ Желовского лесничества в Перемышльском районе.

Северная граница довольно обширна и размыта. Этот вид заселил притоки р. Угры. На территории Дзержинского района погибшая выхухоль подобрана в конце паводка 22.03.1991 г. у р. Суходрев около пос. Полотняный Завод и, по сообщению В.Г. Губанова, в 1994 г. после большого разлива ее наблюдали на р. Выпрейке в окрестностях с. Льва Толстого. По данным Е.В. Зарифьян, летом 1995 г. один экземпляр встречен на озере в пойме р. Вори близ д. Савино Износковского района. Нами обнаружено поселение в несвойственном этому виду месте обитания: несколько разрушенных нор и мертвый зверек найдены 21.10.1996 г. на левом берегу р. Оки неподалеку от д. Аненки в пригороде Калуги.

После выпуска в исходных водоемах поголовье этого вида стало сокращаться (Воронин А.А. Охотничьи животные и охотугодя Калужской обл.// Диссертация... канд. биол. наук: 097. М., 1970 и др.), что, очевидно, было обусловлено интенсивным расселением, а также воздействием комплекса антропогенных факторов. Несмотря на это, к 1969 г. первоначальная численность восстановилась, но затем наступил период ее резкого снижения и к настоящему времени, по крайней мере на двух озерах, зверьки отсутствуют.

В целом после выпуска, несмотря на постоянное ухудшение условий существования, жизненный потенциал выхухоли, очевидно, был достаточно высок, и численность начала медленно возрастать. Если в 1961 г. А.А. Ворониным было учтено 312 нор, и по его ориентировочным оценкам, обитало около 300 зверьков, то в 1969 г. выявлено 1106 жилищ, а население достигло максимума - около 1300 особей.

Вместе с тем замечено существенное усиление воздействий отрицательных антропогенных факторов. В связи с ростом массового туризма практически на всех водоемах чаще стали использовать запрещенные орудия лова рыбы, куда попадали зверьки и быстро задыхались. По подсчетам А.А. Воронина (1970), по этой причине ежегодно погибало 10-15 % их общего количества. К 1968 г. было уничтожено 50 % прибрежного кустарника, в том числе в результате вырубки на дрова. В погоне за увеличением площадей на некоторых участках поймы проводили распашку лугов и гидромелиоративные работы, сопровождавшиеся раскорчевкой поймы вплоть до берегов. При этом груды почвы и растений иногда сваливали в воду. Это привело к оголению пространств над выхухолевыми норами или их разрушению, а также заиливанию и пересыханию ряда озер. Продолжали пасти скот, который копытами продавливал убежища (Воронин А.А. К биологии выхухолей жиздринской популяции. Научные труды ТГПИ им. Л.Н. Толстого. Вып. 3. Тула, 1969. С. 131-136).

Весь комплекс отрицательных воздействий в значительной мере подорвал состояние жиздринской популяции. К 1972 году численность начала катастрофически снижаться. В результате обследования угодий А.А. Воронин насчитал 311 построек, и он предполагал обитание до 350 зверьков. Результаты учета 1974 - 1975 гг. показали стабилизацию населения выхухоли на низком уровне.

В 1976 году вновь произошло сокращение численности до критического состояния - обнаружено 163 норы. С учетом пойменных озер вдоль Оки, не охваченных исследованиями, всю популяцию А.А. Воронин оценивал в количестве около 200 особей. Но в последующие сезоны (вплоть до 1985 г.) количество животных существенно не изменялось.

К 1988 г. запасы выхухоли в долине р. Жиздры ниже г. Козельска несколько возросли, что связывали с созданием заказника «Каменский». К этому времени вырубка зарослей ивняка уменьшилась из-за появления в близлежащих населенных пунктах газового отопления, закончилась мелиорация. Вместе с тем зверьки отсутствовали в водоемах более заселенного людьми левобережья.

В 1991 г. из пяти обследованных близлежащих стариц только на двух нами обнаружено по несколько нор, что указывало на снижение численности выхухоли по сравнению с данными предыдущего учета.

В отличие от предшествующих сезонов результаты учета 1996 г. показали, что в пойме р. Жиздры популяция выхухоли находится еще на более низком критическом уровне численности. Выявили всего 70 нор. Поселения этого вида стали спорадичны и обнаружены в количестве нескольких десятков лишь в трех озерах. Возможно, зверьки живут в соответствующих количествах в обширных водоемах с обрывистыми берегами, замерзание которых в середине декабря сопровождалось интенсивным выпадением снега и создало невозможность их учета. Ориентировочно популяция в целом едва ли превышает 120 - 150 особей.

В первую очередь мы связываем это с продолжающимся ловом рыбы браконьерскими способами. Низкие паводки и засушливые летние сезоны последних лет, интенсивное развитие водной растительности привели к нарушению мест обитания - понижению уровня ряда водоемов в результате заиливания или пересыхания. На некоторых озерах оголенная береговая линия захламлена, происходит ее вытаптывание и продавливание нор рыбаками, а также крупным рогатым скотом, особенно на левом берегу.

Из положительных факторов следует отметить, что прибрежные заросли ивняка практически восстановились. На территории заказника ограничен выпас крупного рогатого скота. В опреде-

ленной мере налажена охрана угодий. Отмечено расселение и закрепление выхухоли в новых местах обитания.

Расчеты, произведенные на компьютере, показали, что при таком воздействии на популяцию падение численности будет продолжаться и в дальнейшем. Если не произойдет каких-либо изменений, вид обречен на полное вымирание на территории нашей области самое позднее через 30 - 40 лет.

Сохранение и увеличение численности вполне реально, так как современное поголовье приблизительно равно количеству завезенных для расселения зверьков. Чтобы увеличить численность выхухоли, необходимо срочно предпринять ряд мер. В первую очередь полностью исключить лов рыбы браконьерскими способами. Провести соответствующие биотехнические мероприятия. Наладить детальные научные исследования и рассмотреть вопрос о создании выхухолевого питомника с целью разработки методики ее искусственного разведения.

Ю.Д. ГАЛЧЕНКОВ, С.Ю. ГАЛЧЕНКОВА

Интересные орнитологические находки в долине Оки осенью 1996 г.

Река Ока - самый крупный водоем Калужской области. Ее долина, имеющая направление, совпадающее с направлением главных миграционных путей птиц, разнообразный набор биотопов, является естественным экологическим руслом пролета, трассой интенсивных сезонных перемещений пернатых (Воронин и др., 1978).

Наблюдения проводились с середины лета (начало пролета куликов) до момента ледостава, который из-за теплой осени и первой половины декабря произошел очень поздно. Мелкие пойменные озера покрылись ледовым панцирем в начале первой декады декабря, большие озера и Яченское водохранилище - 16, Ока - 19-20 декабря 1996 г.

Регулярно осматривались Ока от устья р. Угры до пристани в г. Калуге и Яченское водохранилище; периодически посещались участки окской поймы от д. Горенское до устья р. Вырки, а также озера у села Перемышль. Для получения более полной картины

размещения птиц проведен учет с байдарки от д. Андреевское до областного центра.

Наряду с обычными встречены редкие и новые для области виды.

Ниже приводится перечень видов (с датами регистраций и количеством особей), объединенных в группы на основании сходства численности и отношения к местности. Для групп 1.а., 1.б. помещены в таблицу только сроки наиболее поздних встреч.

Таблица
Группы видов по численности, отношению к местности, фенологическим датам

Виды	Даты регистрации - число особей
<i>1.а. Обычные пролетные виды, встреченные в поздние сроки</i>	
Чомга	16.12 - 1
Хохлатая чернеть	17.12 - 1
Красноголовый нырок	16.12 - 1
Гоголь	12.12 - 3
Обыкновенный канюк	28.09 - 5
Лысуха	7.12 - 2
Галстучник	9.10 - 1
Малый зуек	17.09 - 4
Куличок-воробей	26.09 - 5
Перевозчик	28.09 - 1
Фифи	28.09 - 1
Черныш	14.09 - 1
Турухтан	4.10 - 1
Бекас	21.10 - 1
Озерная чайка	20.12 - 1
Сизая чайка	20.12 - 11
Зимородок	28.09 - 1
Белая трясогузка	26.10 - 1
Жулан	3.09 - 1
Пеночка-теньковка	22.10 - 1
Камышовая овсянка	26.10 - 1
Зяблик	30.11 - 1
Юрок	20.12 - 1
Коноплянка	5.11 - 1
Скворец	4.11 - 8

Продолжение табл.

Виды	Даты регистрации - число особей
<i>1.б. Малочисленные пролетные виды, встреченные в поздние сроки</i>	
Чернозобая гагара	13.12 - 1
Широконоска	7.12 - 1
Большой крохаль	13.12 - 1
Луток	16.12 - 1
Кулик-сорока	15.09 - 1
Чернозобик	15.10 - 1
Большой улит	5.09 - 1
Серебристая чайка	20.12 - 3
Малая чайка	13.09 - 2

2. Редкие пролетные виды

Морская чернеть	23.09 - 1
Морянка	21,22,26,28.10; 3,6.11; 9.12 - 2;
	15,16.12 - 1
Длинноносый крохаль	29.09 - 2
Орлан-белохвост	3.11; 1.12 - 1
Тулес	25.08; 28.09; 15,19,22.10 - 1
Краснозобик	11,13.09 - 2; 14.09 - 26; 15.09 - 9
Белохвостый песочник	19.08 - 1; 20.08 - 2; 25.08; 9.09 - 1
Песчанка	9,10.09 - 1; 11.09 - 2; 14.09 - 1
Круглоносый плавунчик	14.09 - 2
Большой кроншнеп	3.09 - 1
Клуша	12.09 - 1
Пуночка	6.11 - 7; 8.12 - 1

3.а. Залетные виды, зарегистрированные в области впервые

Камнешарка	14.09 - 1
Грязовик	18.08 - 1; 19,20.08 - 2; 25.08 - 3
Бургомистр	20.11 - 1

3.б. Залетные виды, наблюдавшиеся в области ранее

Синьга	19,21,22.10 - 5; 26.10 - 3
Моевка	22.10 - 1

Улучшению условий пребывания птиц на рассмотренной территории может способствовать создание зоны покоя, в которой необходимо ограничить передвижение плавсредств и присутствие отдыхающих плавсредств. Наиболее перспективным в этом отношении видится участок Оки от устья р. Грязинки до д. Квань.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронин А.А., Васильев А.Л., Марголин В.А., Минаев Л.С., Овсянников Г.М., Тимошин Е.В., Писаренко С.С.* Весенний пролет птиц в пойме Оки у г. Калуги. В кн.: География и экология наземных позвоночных. Вып.3. Владимир, 1978. С.20-28.
2. *Филатов В.А.* Птицы Калужской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи (отд. зоолог.). Вып. XIV. М., 1915. 187с.
3. *Птушенко Е.С., Иноземцев А.А.* Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М.: изд-во МГУ, 1968. 462с.

Ю.Д. ГАЛЧЕНКОВ

Материалы по зимующим гидрофильным птицам Калуги и окрестностей

Зимовки водоплавающих и околоводных птиц в крупных населенных пунктах центра европейской части России - явление широко известное в литературе (Птушенко, Иноземцев, 1968; Зиновьев, Шапошников, 1978; др.). Случаи зимнего пребывания птиц этих групп отмечены для г. Калуги и области рядом авторов (Филатов, 1915; Васильев, 1990).

Однако за столетний период наблюдений произошли качественные и количественные изменения в составе зимующих птиц. Если в первой половине века зимовки были малочисленными и носили, скорее, случайный характер, то в настоящее время они стали массовыми и регулярными (в полной мере сказанное относится пока только к одному виду - крякве). Подобные перемены стали возможными в результате наложения двух факторов: увеличения площади незамерзающих участков водоемов вследствие роста хозяйственной деятельности человека и потепления климата, а также синантропизации некоторых гидрофильных видов птиц, сумевших приспособиться к благоприятным для зимовки городским условиям.

В областном центре основными местами локализации пернатых являются полыньи Оки в районе автомоста, пристани (под Ромодановскими Двориками), очистных сооружений и ниже до д. Криуши. Лишь последний участок ежегодно имеет открытую воду, остальные полыньи образуются эпизодически или замер-

зают к февралю. Со второй половины зимы, когда стягиваются полыньи на Оке, возрастает значение болота, расположенного в устье растекающегося по нему ручья в Подзавалье.

Материал для настоящей работы собирался в зимнее время с 1988 по 1997 гг. В ходе учетов регулярно осматривались Ока от устья р. Яченки до р. Калужки, болото в Подзавалье; один - два раза за сезон и не каждый год - участки Оки от города до деревень Андреевское и Авчурино; однажды совершена поездка на р. Угру у с. Дворцы и у п. Товарково.

За весь срок наблюдений установлено присутствие 19 видов, относящихся к 7 отрядам (гагарообразные, поганкообразные, аистообразные, гусеобразные, журавлеобразные, ржанкообразные, воробьинообразные).

Чернозобая гагара. Две неполовозрелые птицы встречены среди крякв в полынье Оки ниже д. Головинино 3.03.1991 г. за три недели до ледохода.

Большая выпь. Травмированный самец дважды с 1994 по 1996 гг. зимовал на болоте в Подзавалье.

Лебедь-шипун. Взрослая и молодая птицы провели зиму 1989/1990 гг. на Оке в черте города. Люди подкармливали их. В течение недели до 7.01.1995 г. 6 лебедей регистрировались на этом же водоеме в административной границе Калуги.

Кряква. Единственный постоянно зимующий, доминирующий вид. Абсолютная численность среди других птиц составляет 96,9 %. В начале века В.А. Филатов сообщал о зимовке отдельных птиц, хотя сам их не наблюдал (Филатов, 1915). Увеличение количества зимующих крякв началось, вероятно, со второй половины столетия. В 1950 - 1970-х гг. на незамерзающих водоемах Тарусского, Дзержинского, Козельского районов зимовали в разные годы до 20 особей, а в 1972 - 1974 гг., на пруду о/х-ва «Барсуки» Жуковского района - 200 уток (Васильев, 1990). Такое же количество птиц зимами 1984/1985 и 1985/1986 гг. отмечалось В.А. Марголиным и Л.С. Барановым на болоте на окраине Калуги. С 1988 по 1994 гг. численность крякв возросла с 200 до 1288 экз. В дальнейшем она с незначительными колебаниями стабилизировалась: в 1995/1996 гг. учтено 1073 птицы, в 1996/1997 - 1273. Подавляющее большинство крякв размещается в административной черте Калуги, где они пребывают под относительной защитой от браконьеров и хищников и находят богатые кормом места. Реже утки

обнаруживаются в окрестностях города, но здесь их группы невелики и, как правило, не превышают 30 особей. Только однажды 6.01.1992 г. у с. Дворцы учтено около 300 птиц.

Связь. Пара, задержавшаяся на пролете замечена на Оке 2.12.1995 г.

Чирок-свистунок. Второй (после кряквы) по численности и регулярности на зимовках вид. Особь встречена в скоплении крякв 24 февраля 1991 г. Начиная с сезона 1994/1995 гг. один - три экземпляра чирков стали зимовать ежегодно. Стайка из 8 птиц поднята из рогозовых крепей на болоте в Подзавалье 5.01.1996 г.

Хохлатая чернеть. Два старых самца плавали с кряквами на Оке в районе пристани 24.02.1991 г.

Красноголовый нырок. Одиночные самцы наблюдались с другими утками 2, 4.12.1994 и 2.12.1995 гг.

Гоголь. Три молодые птицы (или самки) и один взрослый самец отмечены на Оке соответственно 21.12.1996 г. вблизи д. Квань и 22.12.1996 г. ниже устья р. Калужки.

Большой крохаль. Единственный раз был замечен самец на Оке в полынье у пристани 17.12.1995 г.

Луток. Пара птиц в ярком пере зарегистрирована 8.01.1997 г. под с. Ахлебинино Перемышльского района.

Камышница. Зимует на болоте в Подзавалье. Одиночные особи замечены там с 17.12.1994 г. по 22.01.1995 г. и с 5.01.96 г. по 25.02.1996 г. В последний день найдена запутавшаяся в леске мертвая курочка. Другая птица кормилась на Оке около очистных сооружений 22.12.1996 г.

Бекас. Один и тот же кулик 5.02.1995 г. и 11.02.1995 г. поднят на болоте в Подзавалье.

Озерная чайка. Взрослый экземпляр наблюдался 8.01.1997 г. над полыньей около устья р. Калужки.

Серебристая чайка. Молодая чайка 21.12.1996 г. ночевала на льдине (Оки у автомоста). Позднее не встречалась.

Сизая чайка. Две молодые птицы и одна особь старшего возраста устроились на ночлег вместе с серебристой чайкой. Вечером 22.12.1996 и 24.12.1996 г. здесь собиралось по 2 птицы. В последующие дни (29.12.1996 и 8.01.1997 гг.) на разных участках Оки около города регистрировалась молодая особь.

Моевка. Молодая птица кормилась на открытой воде 19.01.1997 г.

у устья р. Калужки. Это четвертый случай залетов вида на территорию области.

Усатая синица. Первый за все годы наблюдений факт регистрации в Калужской области произошел 11.02.1995 г. на болоте в Подзавалье. Пара птиц перелетала, перекликаясь, по полегшему рогозу.

Крапивник. Отмечен там же, где и предыдущий вид. Одна и две птицы учтены соответственно 14.01.96 г. и 4.02.1996 г.

Следует отметить, что только 3 вида: кряква, чирок-свистунок и камышница могут считаться в полном смысле зимующими. Находки в зимние месяцы остальных видов носят случайный или крайне нерегулярный характер, а также могут являться следствием задержки на пролете. Наблюдения таких птиц приходится обычно на декабрь и особенно многочисленны в теплые, затяжные осени. Участвовавшие в последние годы поздние встречи некоторых гидрофильных мигрантов (чомги, морской чернети, морянки, лысухи, гаршнепа) дают основание предполагать дальнейшее расширение списка зимующих видов птиц Калужской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васильев А.Л.** Фенология водоплавающих птиц в пределах Калужской области. Пятая краеведческая конференция Калужской области. Обнинск, 1990.
2. **Зиновьев В.И., Шапошников Л.В.** Материалы по орнитофауне Калининской области. - В кн.: География и экология наземных позвоночных. Владимир, 1978.
3. **Птушенко Е.С., Иноземцев А.А.** Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М., 1968.
4. **Филатов В.А.** Птицы Калужской губернии. - Материалы к познанию фауны и флоры Рос. Импер. М., 1915. Вып. XIV.

**Ю.Д. ГАЛЧЕНКОВ, В.И. ГОРШКОВ,
В.М. СЕРЕДЕНКО, С.Ю. ГАЛЧЕНКОВА**

Новые гнездящиеся крачки Калужской области

Фауна крачек Калужской области в настоящее время включает 5 видов двух родов. Черная, белокрылая и речная крачки издавна гнездятся в нашей местности (Gengler u. Kawelin, 1909; Фи-

латов, 1915). Факты размножения малой и белошекой крачек впервые установлены соответственно в 1996 и 1994 гг.

Малая крачка (*Sterna albifrons* Pall). В начале века В.А. Филатов (1915) считал вид изредка залетающим на территорию области. Во второй половине июля с 1903 по 1905 гг. на Оке в Калужском уезде в течение двух дней он наблюдал стайку до 30 птиц. В последние десятилетия одиночные мигрирующие особи отмечались Л.С. Барановым на Оке у Турынино и на Яченском водохранилище 30.05.1978 г. и 29.5.1982 г. Ближайшие места размножения находились на этой же реке в Серпуховском районе Московской области (Зубакин и др., 1986). Замеченные нами 27.06.1994 г. у устья р. Яченки летевшие против течения Оки 2 экземпляра являлись, скорее, бродячими птицами, так как на пригодных для гнездования местах от областного центра до с. Перемышль в дальнейшем в этот сезон не регистрировались.

20.06.1996 г. на песчаном острове Оки у д. Горенское в трех местах было обнаружено около 20 гнездовых лунок и установлено присутствие 2 пар малых крачек. Поблизости держались еще 2 речные крачки. 26 июня в одной из ямок птица обогревала 2 яйца. Гнездо находилось на расстоянии 4,7 м от воды. Его размеры: Д=11-16, г=3 см. Величина яиц 33,4 x 23,3 и 32,1 x 23,6 мм. Рядом спаривались еще две особи. Спаривание происходило на берегу около уреза воды. Самец с рыбкой в клюве подошел к самке и копулировал с ней. В момент кульминации он взмахивал крыльями. Всего в этот день на острове замечено пять малых крачек и одна речная. Малых крачек беспокоило пребывание на острове людей, а также появление черного коршуна, которого "хозяева" активно преследовали. 2 июля крачки не были отмечены. Рядом с пустовавшими лунками было много следов человека. Побывавшие в этом месте люди стали причиной того, что гнездование окончилось безуспешно.

Для сохранения вида необходимо ввести запрет на посещение человеком отдельных песчаных островов и кос Оки. Остров, на котором происходило гнездование, наиболее перспективен в этом отношении: он входит в границы национального парка «Угра», располагается вблизи биостанции КГПУ, относительно удален от главных мест отдыха людей.

Белошекая крачка (*Chlidonias hybrida* Pall). В отличие от малой

крачки для гнездования использует заросшие растительностью участки крупных прудов рыбхозов. Ранее в Калужской области не отмечалась. Первый случай регистрации произошел 11.06.1993 г. в верхней части водохранилища предприятия «Рыбное» Думиничского района. Несколько особей патрулировали участок р. Брынть, примыкающий к брынскому пруду. На этом же водоеме у устья р. Урушки 3.06.1994 г. найдено 10 гнезд и учтено около 20 пар. В последующие годы численность падала: 3.06.1995 г. встречено 10 пар, 8.06.1996 г. - 3 особи.

Другим местом размножения являлся нагульный пруд Сухиничского рыбхоза, где на островках вблизи автомоста в 1995 г. зафиксировано около 5 пар. В гнездовое время (14.07.1994 г.) одна взрослая птица отмечена на рыбхозе «Межура» Боровского района.

Гнездовые поселения в обоих местах были совместными с озерной чайкой, чомгой и черношейной поганкой. Брынская колония располагалась на заросшем растительностью мелководье (глубина 37-85 см). В год наибольшей численности состояла из 3 участков по 2 - 8 гнезд в каждом. Расстояние между соседними постройками равнялось 3,5 м. В качестве строительного материала использовались зеленые стебли и листья водных растений. Размеры гнезд (п=13): Д=16-40, д=6-14, В=2-9, г=0-6; в среднем Д=28, д=11, В=6, г=3 см. Поздние сооружения по причине разрастания растительности вокруг гнезда, а также достройки в процессе инкубации яиц оказались массивнее ранних. Обнаруженные 3 июня кладки были неполными или свежими и содержали в среднем 1,8 яйца. Величина завершенных кладок с разной степенью насиженности, осмотренных 18 июля, составила 2,7 яйца.

Их размеры (п=30) во всех кладках: 35,9-44,2 x 25,9-29,3; в среднем 38,7 x 27,8 мм.

Успешность размножения, видимо, оказалась низкой, так как в июле и августе замечены лишь единичные слетки. Их вылет из гнезд регистрировался со второй половины июля. Докармливание молодых из поздних выводков отмечено 20.08.1995 г. на Сухиничском пруду в 2 км от колонии.

О сроках пролета и появлении на гнездовых участках можно судить по двум датам: 29.04.1994 г. птица наблюдалась на болоте Яченского водохранилища на окраине г. Калуги и 1.05.1995 г. 3 крачки встречены у плотины Сухиничского рыбхоза.

Специальных мероприятий для сохранения вида на территории области не требуется: он гнездится в устойчивых во времени биоценозах, защищен от беспокойства сотрудниками охраны рыбхозов.

Если появление белошеких крачек на гнездовании есть следствие широкой и длительной экспансии вида на новые территории, а не временного выселения птиц за границы ареала, будущее калужской популяции кажется весьма благополучным.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зубакин В.А., Мищенко А.Л., Абоносимова Е.В. и др.** Современное состояние некоторых редких видов птиц Московской области. Неворобьиные. Орнитология. Вып. 21. М., 1986. С. 77-94.
2. **Филатов В.А.** Птицы Калужской губернии. Материалы к познанию фауны и флоры Рос. Импер. Вып. XIV. М., 1915, \. 187с.
3. **Gendler J. und Kawelin E.** Die V"gel von Koselsk und Umgebung. - Ornithologisches Jahrbuch, Heft 5, 6, 1909, s. 165-191.

Н.В. ВОРОНКИНА

Фегоптерис связывающий в Калужской области

Phegopteris connectilis (Michx.) Watt 1867, *Canad. Nat. (Geol.)*

Синонимы: *Polypodium connectile* Michx. 1803, *Fl. Bor. Amer.* 2:271; *Morton*, 1967 *Amer. Fern Journ.* 57, 4:177. - *P. phegopteris* L. 1753, *Sp. Pl.*: 1089. - *Dryopteris phegopteris* (L.) C. Chr. 1906, *Index Fil.*: 284; Фомин, 1934, Фл. СССР, 1, 44: - *Telipteris phegopteris* (L.) Sloss. 1917, *Fl. Rocky Mount.* 1069; Толм. 1960, Арк. Фл. СССР, 1:28; Jermy, 1964, *Fl. Europ.* 1:14.

На русском языке его синоним - щитовник буковый.

Этот изящный папоротник с тонким ползучим корневищем распространен в умеренных флорах северного полушария. На корневище расположены листья длиной 10 - 15 см с треугольной заостренной пластинкой и длинным рассеянно-волосистым черешком. Нижняя пара сегментов листа довольно крупная, перисто-рассеченная, отклонена несколько вниз и придает этому виду удивительное своеобразие. Листья с обеих сторон опушены волосками и пленками (А.Е. Бобров, 1974). Округлые сорусы спорангиев лишены покрывальцев и расположены близко к краю сегментов.

Экологическая ниша фегоптериса - хвойно-широколиственные и хвойно-мелколиственные леса, тенистые овраги и ольшаники. Встречается не часто и больших зарослей не образует. Такие сведения мы находим в определителях.

Что же известно о распространении этого вида в Калужской области?

Литвинов (1895) отмечает только три местонахождения этого вида в Калужской губернии. Одно в лесах близ Мятлева Медынского уезда, второе в окрестностях Калуги у с. Покровское и третье в Калужском городском бору. Флеров (1907) добавляет еще 2 местонахождения. Одно в Козельском районе в овраге смешанного леса засеки Грязна (кварталы 30 - 28) и второе в овраге близ д. Нагая в лиственном лесу.

С.Р. Майоров в своих рукописных работах отмечает нередкую встречаемость этого вида на правобережье Жиздры в еловых лесах по небольшим овражкам среди сфагнума, в елово-широколиственных лесах по сыроватым ложбинкам и в черноольшаниках.

Наши исследования последних лет показали, что этот папоротник довольно редок в Калужской области. В 1985 г. он был встречен на склоне лесного оврага близ д. Недельное в Малоярославецком районе. Несколько экземпляров этого вида были найдены на заброшенной лесной дороге в мелколистном лесу около верхового болота Нарышкинский мох (1987 г.) недалеко от урочища Лесково Спас-Деменского района. Еще одно местонахождение фегоптериса связывающего обнаружено в глухом массиве сырого широколистного леса за д. Рамино Куйбышевского района среди зарослей щитовника мужского, щ. ланцетно-гребенчатого, щ. австралийского, щ. линнея, орляка, коchedыжника женского, плауна годичного и баранца стелющегося. В 1993 г. этот вид был отмечен на днище неглубокого оврага в большом массиве Галкинского леса вблизи урочища Бурцево Дзержинского района. Летом 1996 г. фегоптерис связывающий обнаружен в Калужском городском бору на проселке между 11 и 12 кварталами.

На всех местообитаниях фегоптерис связывающий растет на очень ограниченном пространстве и в небольшом количестве экземпляров.

В сопредельных областях он также отмечен как редкий вид. На

территории Московской области он не найден совсем на юго-востоке и в заокском районе. В окском западном районе он не отмечен совсем (Водолазская и др. 1975, Ворошилов и др. 1966).

Таким образом, можно сделать вывод, что фегоптерис связывающий в Калужской области является редким видом и заслуживает охраны.

С.Р. МАЙОРОВ

О распространении чабрецов в Калужской области

Изучение флоры любого региона начинается с анализа литературных данных. Считается, что в Калужской области произрастают три вида из рода чабрец - *Thymus L.* Это *Th. serpyllum L.* - чабрец обыкновенный, *Th. marschallianus Willd.* - чабрец Маршалла и *Th. pulegioides L.* - чабрец блошинный.

Сведения о распространении *Th. serpyllum L.* противоречивы. М.В. Клоков во «Флоре СССР» писал, что южная граница ареала этого вида проходит по линии Карачаев - Болохов (Болохов или Болохово? - С.М.) - Дмитров - Владимир. В последнем издании «Флоры европейской части СССР» признается гораздо более широкое распространение. Но и по мнению М.В. Клокова, Калужская область находится в пределах ареала *Th. serpyllum*. Однако нам неизвестен ни один достоверный гербарный сбор обыкновенного чабреца с территории области. Это согласуется с данными «Атласа ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» (1976). По-видимому, южная граница распространения *Th. serpyllum* не только не выходит за пределы лесной зоны, но и проходит много севернее. Тем не менее этот вид все-таки может быть обнаружен в области, так как самые южные его находки в Центральной России известны из окрестностей г. Трубчевска Брянской области, то есть в пределах Брянско-Жиздринского полесья. Там чабрец был собран в борах по обширным песчаным террасам р. Десны. Необходимо проверить данные А.Ф. Флерова (1913) о находках этого вида.

Th. pulegioides, напротив, достаточно широко распространен в области, за исключением, по-видимому, приокских районов. Растет он по боровым пескам, выходит на поляны, опушки и пустоши, но встречается нечасто. Следует учитывать, что в пос-

ледней сводке С.К. Черепанова (1995) его относят к близкому виду - *Th. ovatus Miller*. Ситуация требует дальнейшего уточнения и без сопоставления с европейскими материалами просто неразрешима.

Th. marschallianus указывался для области неоднократно. Однако все известные нам сборы следует определять как *Th. glabrescens Willd.* (= *Th. loevyanus auct.*) - чабрец оголяющийся. Принимая это название, мы следуем «*Flora Europaea*» и мнению Е.Е. Гогиной. Отнесение *Th. glabrescens* (= *Th. loevyanus*) к синонимам *Th. marschallianus* (Черепанов, 1995) ошибочно. От последнего *Th. glabrescens* отличается характером опушения стебля, большей шириной листьев, которые возможны у него от овальных до узкояйцевидных и никогда не бывают узкоовальными. Все растение обычно крупнее, так, отдельные растения из популяции в Болховском районе Орловской области по высоте не входили на гербарный лист. В гербарных сборах отдельные экземпляры трудно однозначно отнести к одному из видов, но в природе с учетом внутривидовой изменчивости определение значительно облегчается. *Th. glabrescens* известен в области в трех пунктах на Оке: это окрестности д. Сивково, д. Новолоки и г. Тарусы. Три популяции обнаружены в Козельском районе на вторичных местообитаниях - луговых склонах железнодорожных насыпей близ г. Козельска и ст. Шепелево.

Th. dimorphus Schost. et Klovov - чабрец двуликий - указывается для Калужской области впервые. Он был найден О.Н. Волошиной в июле 1996 г. в окрестностях пос. Еленский Хвастовичского района. Находка приурочена к боровым пескам в междуречье рек Вытебеть и Рессета на восточном пределе Брянско-Жиздринского полесья. Считалось, что *Th. dimorphus* является строгим кальцефилом. Однако здесь этот чабрец изменил характер экологической приуроченности, что нередко случается со степными видами на северном пределе распространения. Собрать его в Калужской области помогло ошибочное указание А.Ф. Флерова (1913) о произрастании на правом берегу Рессеты *Th. marschallianus*.

Таким образом, к настоящему времени в Калужской области нам известны три чабреца: *Th. pulegioides*, *Th. glabrescens* и *Th. dimorphus*. Два последних, без сомнения, следует отнести к редким для области растениям, нуждающимся в особой охране. Указания

о произрастании *Th. serpyllum* и *Th. marschallianus* не сопровождаемы гербарным материалом и требуют подтверждения. Итак, после анализа имеющегося материала, специальных поисков в природе и знакомства с литературой по систематике таксона наши представления о чабрецах в области существенно изменились.

Этот пример демонстрирует на частном случае, как возникают ошибки при некритическом компилятивном составлении списков видов. Номенклатурные проблемы, сложности в систематике нередко привносят искажения в сведения о распространении некоторых таксонов, что обязательно следует учитывать при флористических или фаунистических исследованиях. Необходимо также более широкий взгляд на изучаемую группу, как в географическом так и в таксономическом отношении.

А.А. ШМЫТОВ

Водная и околоводная флора реки Чечеры и ее притоков. Заповедник "Калужские засеки"

Данная статья посвящена флоре, в значительной степени связанной с водной средой обитания, и является небольшой частью работы по этой теме, планируемой для всей области.

Сборы материала проводились на южном участке заповедника "Калужские засеки" и его окрестностях летом 1996 г. по р. Чечере и ее притокам.

Речка Чечера берет свое начало из ручьев в окрестностях д. Кирейково Ульяновского района Калужской области. Далее протекает по территории заповедника и уходит в Орловскую область до впадения в р. Машок, которая, в свою очередь, являясь притоком р. Нугрь, несет свои воды в Оку.

Впервые серьезное флористическое изучение этих мест было начато А.Ф.Флеровым и В.Н.Хитрово в 1906 г. (А.Ф.Флеров, 1907). Для водной и околоводной флоры р. Чечеры ими указано 23 вида, а для всего южного участка заповедника "Калужские засеки" (часть бывшей засеки Дубенка) - 43 вида.

В настоящее время изучением флоры заповедника занимается группа ботаников под руководством профессора О.В.Смирновой (г.Москва). В архиве заповедника имеется список видов, составленный ими и пополняемый ежегодно. Летом 1996 г. он на-

считывал около 460 видов высших сосудистых растений, из них в той или иной степени тяготеющих к водоемам - 80, но это - для обоих участков заповедника - северного и южного.

В приведенном ниже списке автора виды растений указаны по "Определителю высших сосудистых растений центра европейской России" (М.: Аргус, 1995).

Виды, впервые указанные для южного участка заповедника, выделены курсивом.

В заключение автор благодарит А.В.Щербакова (МГУ им. М.В.Ломоносова) за большую научно-методическую помощь.

Список видов

1. *Matteucia struthiopteris* (L.) Todaro.
2. *Equisetum fluviatile* L.
3. *E. palustre* L.
4. *Typha latifolia* L.
5. *Sparganium erectum* L.
6. *Potamogeton alpinus* Balb.
7. *P. berchtoldii* Fieb.
8. *Alisma plantago-aquatica* L.
9. *Echinochloa crusgalli* (L.) Beauv.
10. *Leersia oryzoides* (L.) Sw.
11. *Phalaroides arundinacea* (L.) Rausch.
12. *Alopecurus geniculatus* L.
13. *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.
14. *Poa palustris* L.
15. *Glyceria fluitans* (L.) R. Br.
16. *G. plicata* (Fries.) Fries.
17. *Scirpus sylvaticus* L.
18. *Eleocharis palustris* (L.) Roem. et Schult.
19. *Carex vulpina* L.
20. *C. acuta* L.
21. *C. nigra* (L.) Reichard.
22. *C. caespitosa* L.
23. *C. rostrata* Stokes.
24. *C. vesicaria* L.
25. *C. pseudocyperus* L.
26. *Lemna minor* L.
27. *Juncus bufonius* L.
28. *J. filiformis* L.

29. *J. effusus* L.
30. *J. compressus* Jacq.
31. *J. articulatus* L.
32. *Rumex aquaticus* L.
33. *Polygonum hydropiper* L.
34. *P. lapathifolium* L.s.l.
35. *Stellaria palustris* Retz.
36. *Myosoton aquaticum* (L.) Moench.
37. *Caltha palustris* L.
38. *Ranunculus repens* L.
39. *Rorippa palustris* (L.) Bess.
40. *R. sylvestris* (L.) Bess.
41. *Geum rivale* L.
42. *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim.
43. *Geranium palustre* L.
44. *Callitriche cophocarpa* Sendtner.
45. *C. palustris* L.
46. *Impatiens noli - tangere* L.
47. *Epilobium palustre* L.
48. *E. roseum* Schreb.
49. *E. ciliatum* Raf.
50. *Cicuta virosa* L.
51. *Lysimachia vulgaris* L.
52. *L. nummularia* L.
53. *Myosotis palustris* (L.) L.
54. *M. caespitosa* K.F. Schultz.
55. *Scutellaria galericulata* L.
56. *Stachys palustris* L.
57. *Mentha arvensis* L. s.l.
58. *Lycopus europaeus* L.
59. *Solanum dulcamara* L.
60. *Veronica anagallis - aquatica* L.
61. *V. beccabunga* L.
62. *Galium palustre* L.
63. *G. uliginosum* L.
64. *Gnaphalium uliginosum* L. s.l.
65. *Bidens cernua* L.
66. *B. tripartita* L.
67. *Cirsium oleraceum* (L.) Scop.
68. *C. palustre* (L.) Scop.
69. *Crepis paludosa* (L.) Moench.

Сведения об авторах

- Алейников О.И.** - старший преподаватель Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Алексеев С.К.** - заведующий отделом Калужского эколого-биологического центра учащихся.
- Антимонова А.В.** - учащаяся школы № 13 г. Калуги.
- Барков Д.А.** - член клуба «Stenus» Калужского экологобиологического центра учащихся.
- Бауэр А.А.** - директор историко-краеведческого музея, г. Киров Калужской области.
- Бессонов В.А.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Болдин И.В.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Большаков Л.В.** - научный сотрудник объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей».
- Бубликов В.В.** - научный сотрудник Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея.
- Бурман С.М.** - зав. выставочным залом Калужского областного краеведческого музея.
- Васильева З.В.** - зав. отделом Обнинского музея истории города.
- Воронкина Н.В.** - доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. б. н.
- Галченков Ю.Д.** - учитель Жилетовской средней школы Дзержинского района Калужской области.
- Галченкова С.Ю.** - учитель средней школы № 10 г. Калуги.
- Голубева Г.В.** - доцент Калужского филиала Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, к. б. н.

- Горшков В.И.** - учитель Высокинской средней школы Жуковского района Калужской области.
- Грудинкин Б. В.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Гурьянов В.Н.** - ведущий специалист НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Брянской области.
- Евгин А.В.** - учитель Покровской сельской школы Козельского района Калужской области.
- Екимов Ю.Г.** - зав. отделом археологии объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей».
- Епищев О.А.** - ассистент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Есипов В.П.** - ведущий геолог АООТ «Калуга-геология».
- Ефимов А.Е.** - ассистент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Жмакин Е.Я.** - зав. кафедрой Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, доцент, к. г. - м. н.
- Завгородний А.С.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Зайцев А.Е.** - литсотрудник Мосальской районной газеты.
- Зайцев Е.Н.** - доцент кафедры педагогики и психологии Калужского областного института усовершенствования учителей, к.п.н.
- Зайченко Н.В.** - зав. Тарусским филиалом Калужского областного краеведческого музея.
- Захарова В.Т.** - зав. кафедрой Нижегородского государственного педагогического университета, профессор, д. ф. н.
- Зиновкина Н.В.** - старший научный сотрудник Государственного архива Калужской области.
- Зорин А.А.** - мастер по озеленению муниципального учреждения культуры «Калужский городской парк».
- Иванов В.А.** - доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. и. н.

- Калашникова Л.В.** - зав. сектором Калужской областной библиотеки им. В.Г. Белинского.
- Кислицына М.В.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Климова Е.М.** - зав. Тарусским музеем семьи Цветаевых (филиал Калужского областного краеведческого музея).
- Козыро Л.А.** - доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к.ф.н.
- Комогорова Е.Г.** - студентка Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Костюхина О.С.** - учащаяся школы № 13 г. Калуги.
- Кропачев Г.В.** - археолог, завуч педагогического комплекса г. Кирова Калужской области.
- Лагутин В.Д.** - зав. областным музеем народного образования г. Калуги.
- Ленихова Н.И.** - главный специалист Калужского областного научно-методического центра.
- Личенко С.И.** - зав. отделом Калужского областного художественного музея.
- Лысцева И.В.** - комментатор ГТРК «Калуга».
- Майоров С.Р.** - научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова, к. б. н.
- Марголин А.В.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Марголин В.А.** - преподаватель Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. б. н., доцент.
- Миненко В.В.** - ведущий специалист НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Брянской обл.
- Михайлова Н.А.** - зав. отделом Калужского областного краеведческого музея.
- Неклюдов А.Н.** - зав. отделом археологии и краеведения государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея.
- Нигматулин Р.А.** - лаборант ИА РАН.
- Никулина С.А.** - научный сотрудник Брянского государственного объединенного историко-революционного музея.

- Новиков В.П.** - директор национального парка «Угра», доцент, к. г. - м. н.
- Осинов В.И.** - зав. Боровским филиалом Калужского областного краеведческого музея.
- Писаренко С.С.** - методист Калужского эколого-биологического центра учащихся, к. б. н.
- Поляков Г.П.** - зав. отделом истории Брянского государственного объединенного историко-революционного музея.
- Прошкин О.Л.** - зав. отделом Калужского областного краеведческого музея.
- Роганова О.Л.** - старший преподаватель Московского государственного педагогического университета.
- Сафонова Г.Б.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Свиридов А.В.** - научный сотрудник зоомузея МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Семенова Н.А.** - зав. Козельским филиалом Калужского областного краеведческого музея.
- Середенко В.М.** - орнитолог-любитель, г. Калуга.
- Серкина Л.С.** - член клуба «Stenus» Калужского эколого-биологического центра учащихся.
- Сидоров В.В.** - научный сотрудник ИА РАН, к. и. н.
- Синельников Д.В.** - директор Смоленского экологического центра «Ноосфера».
- Сорокин А.Н.** - научный сотрудник ИА РАН, к.и.н.
- Стрельцов А.Б.** - преподаватель Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. б. н.
- Судаков В.В.** - ведущий специалист Рязанского НПЦ по охране памятников.
- Сюняев Х.Х.** - зав. кафедрой Калужского филиала Московской сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева, к. б. н.
- Сюняева С.И.** - преподаватель Калужского филиала Московской сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева.
- Тарасов В.А.** - научный сотрудник Обнинского ФЭИ.
- Ткаченко А.В.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

- Ткаченко В.А.** - научный сотрудник ННУК «Музей ремесла, архитектуры и быта», г. Калуга.
- Ульянов А.И.** - зав. кафедрой Негосударственного общеобразовательного учреждения центра гуманитарного образования.
- Федоров В.В.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Федорова Л.И.** - директор ННУК «Музей ремесла, архитектуры и быта», г. Калуга.
- Фомин А.А.** - старший преподаватель Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Фролов А.С.** - зам. директора Центра по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом, г. Москва.
- Хохлова Т.М.** - зам. директора по фондам Калужского областного краеведческого музея.
- Чайкин Е.В.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Челяпов В.П.** - ведущий специалист Рязанского НПЦ по охране памятников.
- Черепанова Н.Г.** - аспирантка Института Российской истории РАН.
- Черников А.П.** - зав. кафедрой Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, профессор, д.ф.н.
- Чубур А.А.** - зав. отделом по делам молодежи администрации г. Курчатова Курской обл., к. и. н.
- Шашков М.П.** - студент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Шмытов А.А.** - преподаватель Калужского экологобиологического центра учащихся.
- Шмытова И.В.** - научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея.
- Юркин И.Н.** - зав. кафедрой Тульского государственного педагогического университета, к. т. н.
- Ярхо К.М.** - зав. музеем школы-интерната № 1 г. Калуги.

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ

Чубур А.А. Мамонты Верхнего Поочья: особенности популяций и связь с палеолитическим человеком	3
Грудинкин Б. В. Заселение бассейна Верхней Оки в эпоху камня	5
Фролов А.С. О некоторых мезолитических местонахождениях в бассейне Оки	7
Сорокин А. Н. Стоянка Брагино и ее палинологическая датировка	9
Сидоров В. В. Локальные варианты льяловской культуры	12
Неклюдов А.Н. Раскопки поселения Льялово-3 на реке Клязьме в 1996 г.	14
Екимов Ю.Г. Фатьяновские топоры на правом берегу Верхней Оки	16
Прошкин О.Л. Городище-1 у д. Маламахово: результаты археологического изучения	18
Болдин И.В. Курганная керамика Серенска	22
Челяпов В.П., Судаков В.В. О локализации летописной Нузлы (Онузы)	24
Поляков Г.П. Летописный Облов	26
Гурьянов В. Н., Миненко В. В. К вопросу об экономике полесского села. По материалам раскопок поселения Ворча	30
Хохлова Т.М., Нигматулин Р.А. Раскопки на селище Воротыньск- 9	33
Кропачев Г.В. Курганный могильник у станции Фаянсовая Кировского района Калужской области	35
Ефимов А.Е. Площадные разведки в пригородной зоне г. Калуги в 1996 г.	36
Бубликов В.В. Археологические исследования в Боровском районе Калужской области	38
Синельников Д.В. Древние поселения на правом берегу среднего течения р. Угры	40

ИСТОРИЯ

Сафонова Г.Б. Инвентарные книги музея - источник по истории его коллекций за столетие	46
--	----

Бессонов В.А. Формирование коллекции оружия Калужского областного краеведческого музея	49
Зиновкина Н.В. Н.Л. Дмитриев. Опыт биографии. По материалам фондов госархива Калужской области	53
Кислицына М.В. Научно-исследовательская работа музея в 20-30-е гг. XX в.	55
Бауэр А.А. Калужские краеведческие организации конца XIX - начала XX вв. Обзор источников по фондам ГАКО	58
Лысцева И.В. Исторический опыт взаимовлияний и взаимосвязей музея и исторического краеведения в Калужском крае (1917-1940 гг.)	61
Зайцев А.Е. Микротопонимия как дополнительный источник краеведения	64
Ткаченко А.В. Дополнения к своду типов медных пул из Калуги	66
Ярхо К.М. Неизвестная рукопись. К 625-летней дате первого упоминания о Калуге	69
Евгин А.В. Козельск в оборонной системе Московского государства в XVI - XVII вв.	72
Осипов В.И. Боровск в Смутное время (1600 - 1618 гг.) и его восстановление	75
Лагутин В.Д. Из истории школьного обучения в Калужском крае в XVII в.	80
Юркин И.Н. Профессиональный состав мастеровых людей Дугненского завода Н.Н. Демидова по материалам 1-й ревизии	82
Зорин А.А. Калужский наместник Кречетников и его окружение	84
Свиридов А.В. О происхождении матери декабриста С.И. Кривцова Веры Ивановны	86
Иванов В.А. Калужская уездная бюрократия в конце 40-х гг. XIX в.	89
Михайлова Н.А. Д.Н. Гончаров и реформа 1861 г.	91
Чайкин Е.В. Л.А. Кавелин (Архимандрит Леонид). К 175-летию со дня рождения	94
Фомин А.А. Землеустроительная деятельность Крестьянского Поземельного Банка в годы столыпинской реформы	96
Ульянов А.И. Нужна ли нам правда о маршале Жукове?	98

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Козыро Л.А. Долбинская осень В.А. Жуковского	100
Роганова О.Л. Литературный портрет калужского губернского общества в «Письмах к родным» И.С. Аксакова	103

Черников А.П. Калужский спутник В. Маяковского	106
Захарова В.Т. Поэзия усадебного быта в изображении К. Леонтьева (роман «Подлипки»)	108
Климова Е.М. Писатель А.К. Виноградов и его семья. <i>Окружение Цветаевых в Тарусе</i>	113
Васильева З.В. Неизвестные страницы жизни В.Д. Поленова	116
Бурман С.М. Александр Александрович Ростиславов	120
Личенко С.И. Художественное собрание из имения Железники	122
Калашникова Л.В. Князь Евгений Николаевич Трубецкой в Калужской губернии	126
Зайченко Н.В. Добротворские - тарусские родственники Цветаевых	129
Семенова Н.А. Связь великого князя Константина Константиновича Романова с Оптиной пустыней	132
Никулина С.А. Некрополь Пафнутьев-Боровского монастыря XVI - XVIII вв. Исследования последних лет	135
Черепанова Н.Г. История формирования музея-усадьбы Ольгово в 20-е гг. XX в.	138
Федоров В.В. Растительные сюжеты на калужских печных изразцах	140
Ткаченко В.А., Федорова Л.И. Новые находки глиняных игрушек в Калуге	144
Лепихова Н.И. Дети, подростки и молодежь в бытовых обрядах зимних святок Калужской области. <i>По материалам фольклорных экспедиций ОНМЦ</i>	147
Зайцев Е.Н. Краеведческий компонент в содержании образования сельских школьников	148
Тарасов В.А. Из опыта работы археологического клуба школьников АРКОС. <i>Об организации летней творческой школы юных археологов</i>	151

ПРИРОДА

Жмакин Е.Я., Новиков В.П., Епищев О.А., Алейников О.И. Калужская область нуждается в исследовании устойчивости ее природных ландшафтов	154
Стрельцов А.Б. Проблемы создания системы биологического мониторинга Калужской области	156
Есипов В.П. Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены	159
Писаренко С.С. Влияние радиации на репродуктивную функ-	

цию диких и домашних животных на территории Калужской области	164
Сюняев Х.Х., Сюняева О.И. Особенности поведения радиопеция в агроценозах Калужской области по истечении 10 лет после аварии на Чернобыльской АЭС	165
Алексеев С.К., Серкина Л.С., Шашков М.П. К методике сбора напочвенной фауны с помощью ловушек Барбера	167
Шашков М.П. Мезофауна напочвенных членистоногих широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки»	170
Алексеев С.К., Шашков М.П. Жужелицы (<i>Coleoptera, Carabidae</i>) широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки»	171
Шашков М.П., Алексеев С.К. Жизненные формы жужелиц (<i>Coleoptera, Carabidae</i>) широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки»	173
Алексеев С.К., Барков Д.А. Прибрежная фауна жужелиц (<i>Coleoptera, Carabidae</i>) среднего течения р. Жиздры	175
Алексеев С.К., Комогорова Е.Г. Жужелицы (<i>Coleoptera, Carabidae</i>) приусадебных участков г. Калуги	177
Шмытова И.В. Новейшие находки некоторых редких видов бабочек-мешочниц (<i>Lepidoptera, Psychidae</i>) в Калужской области	179
Шмытова И.В. Бабочки-мокрицы (<i>Lepidoptera, Limacodidae</i>) в Калужской области	180
Большаков Л.В. К фауне пядениц (<i>Lepidoptera, Geometridae</i>) Окско-Жиздринского водораздела	181
Свиридов А.В., Большаков Л.В. Совки (<i>Lepidoptera, Noctuidae</i>) Тульской области. Дополнение	184
Голубева Г.В. Изучение энтомофауны шмелей Калужской области - проблемы и перспективы	186
Завгородний А.С. Земноводные (<i>Amphibia</i>) широколиственных лесов юго-востока Калужской области	188
Завгородний А.С. Возрастная структура популяций земноводных (<i>Amphibia</i>) юго-востока Калужской области	189
Антимонова А.В., Алексеев С.К. Фауна грызунов (<i>Rodentia</i>) широколиственных лесов юго-востока Калужской области	190
Алексеев С.К., Костюхина О.С. Насекомоядные (<i>Insectivora</i>) широколиственных лесов юго-востока Калужской области	191
Марголин В.А., Галченков Ю.Д., Марголин А.В. Распределение и динамика численности русской выхухолы в Калужской области	192
Галченков Ю.Д., Галченкова С.Ю. Интересные орнитологические находки в долине Оки осенью 1996 г.	197
Галченков Ю.Д. Материалы по зимующим гидрофильным	

птицам Калуги и окрестностей	200
Галченков Ю.Д., Горшков В.И., Середенко В.М., Галченкова С.Ю. Новые гнездящиеся крачки Калужской области	203
Воронкина Н.В. Фегоптерис связывающий в Калужской области	206
Майоров С.Р. О распространении чабрецов в Калужской области	208
Шмытов А.А. Водная и околоводная флора реки Чечеры и ее притоков. Заповедник "Калужские засеки"	210
Сведения об авторах	213

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Тезисы докладов VII конференции 17-18 апреля 1997 г.

Зав. редакцией **Н.И. Лаврентьева**
Редакторы **Т.С. Кирина, А.В. Смирнова**
Технический редактор **Н.И. Кузнецова**
Художник **Е.А. Смирнов**

ЛР 040836

Сдано в набор 29.06.98. Подписано в печать 28.09.98. Формат 60X84 1/16. Гарнитура "Таймс".
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 14 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ 99. С-16.

Издательский педагогический центр "Триф", 248650, г. Калуга, ул. Кирова, 20
ГУП "Облиздат", 248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5

пятием Калуги и окрестностей	203
Галачукра Н.Д., Грозиков В.И., Сергеев В.М., Галачукра С.Ю. Новые памятники древней Калужской области	204
Варюхино Н.В. Мегониторы, связывающие в Калужской области	205
Майоров С.Р. О распространении обрядов в Калужской области	206
Димитров А.И. Волны и околывающая флуида реки Чечеры и ее притоков. Издания "Калужские Вести"	210
Следствия об авторах	211

КОПИЯ АРХИВНОЙ КОПИИ И КОПИИ

Текст, составленный В.И. Кондратьевым 17-18 апреля 1997

Зав. редакцией Н.Н. Барановский
Редактор В.И. Кондратьев, А.В. Кондратьев
Тех. редактор Н.В. Кондратьев
Художник В.А. Кондратьев

ИР 040830

Служба в наборе 1997-98. Подготовлено в печать 28.09.98. Издательство "Калужские Вести". Тираж 500 экз. Цена 20 коп. ISBN 5-8000-0000-0.
Напечатано в типографии "Калужские Вести", 248650 г. Калуга, ул. Советская, 10.
УП "Оформление", 248650 г. Калуга, ул. Советская, 10.



Колужский областной
краеведческий музей.
Усадьба П. М. Золотарева

